

Ано Анобахан

Морель
и госпожа
СМЕРТЬ

Вы пробовали договориться с госпожой Смертью? Некромант Лоран Морель рискнул, но увы — ничего не вышло. И теперь ему во что бы то ни стало надо отыскать рецепт чудодейственных капель датского короля. Лишь они подарят бессмертие женщине, ради которой Лоран готов на все. Даже на брак с девицей из параллельного мира. И вот... Лиза хочет в Париж! Мечтает посмотреть на Тур Эйфель! К тому же и сделать для этого надо всего ничего — выйти замуж за некрманта и победить на конкурсе кондитеров. А у Лизы есть бабушка, а у бабушки — поваренная книга со старинным рецептом фисташкового мороженого. И вот... А давайте уже разберемся со всеми этими и "вотами"... Приглашаю вас в путешествие по параллельным мирам! Ну и в Париж...

Морель и госпожа Смерть

Реальный мир.

Где-то на пятидесятом километре Павловского шоссе, в старом доме с черепичной крышей...

Ступени лестницы добродушно скрипели. Точь-в-точь, как в сказке Андерсена. Но они были ненадежны, эти старые ступени! А перила предательски шатались. Дому оставалось уж недолго.

Бедная бабушка! Хорошо, что она никогда не узнает, что её любимый дом обречен — завтра его снесут. Но Лиза-то знала, поэтому торопилась. Девушка была уверена, что отыщет среди чердачного хлама ту самую заветную поваренную книгу, и потому смело поднималась по ветхим ступеням выше и выше, еще шаг, еще. Вот и чердачный люк...

На чердаке было душно. В лучах солнца, что пробивались сквозь щели в заколоченном досками окне, плясали пылинки. Пахло корицей и ванилью. Лиза удивилась: она ожидала унылого запустения и мерзкого запаха старого тряпья. Но на чердаке царил идеальный порядок! На полках красовались прикрытые пергаментом и перевязанные бечевкой по горлышку глиняные горшочки и стеклянные банки. По стенам на крючках висели мешочки и пучки сухой травы.

Девушка заметила под окном большой сундук. Вот! Это он и есть! Про него бабушка все вспоминала в больнице.

Лиза шмыгнула носом, губы её задрожали. Жалко бабушку. Восемьдесят два года не такой уж и запредельный возраст. И до ста живут. Но плакать не время, на Павловском шоссе ждет такси, шофер сказал: «Предупреждаю, ровно полчаса и ни минутой дольше. Пешком в город пойдете». А деньги-то вперед взял! Значит, надо поскорее найти книгу и бегом обратно.

Лиза ринулась к сундуку и чуть не упала, споткнувшись о черного котенка.

— Ми-и-и-и-иу! — возмутился котенок

— Ой! Ты откуда здесь? Напугал! — Лиза опустилась на колени, взялась за шершавую крышку сундука.

Котенок зыркнул на девушку зелеными глазами и чинно уселся, пытаясь обернуть лапы хвостом. Но не смог — длины не хватило, хвостик короткий еще. Лиза бы приласкала котейку, животных она любила. Но некогда!

Крышка сундука оказалась тяжелой. Что же там под ней? Сверху — стопки писем, также перевязанные бечевками, и даже рулончики, похожие на свитки. А это что в бархатном мешочке? Костяные руны, что ли? Сколько же здесь интересного, вот бы все рассмотреть, но шофер ждать не станет.

Книги... Где же они? Наверное, под письмами?

— Где же книги? — Лиза спросила вслух.

— На дне, ми-и-и-и-иу!

— Что?! Ой, показалось... Ну тебя, брысь!

Не мог же котенок с ней разговаривать? А книги и правда на дне. Вот они. Что тут? Этс календарь, это справочник «Желтые страницы»... А вот и та самая книга, она в синем переплете. Бабушка о ней говорила. Да! Ура!

Лиза выхватила книгу из сундука, захлопнула крышку.

— Ми-и-и-и-и-иу! — Снова подал голос котенок.

Девушка положила книгу на сундук и нагнулась за одиноким обитателем чердака.

— Ну, что с тобой делать? Не могу я взять тебя. Мама не любит кошек.

Котенок потерся ухом о её руку и вдруг спрыгнул прямо на книгу, прошелся по ней и та раскрылась. Сама! И вот он, заветный рецепт!

«Miracle de la rose blanche... — Лиза склонилась над книгой и начала разбирать тонкую рукописную вязь букв. Она хорошо знала французский — бабушка Аделаида учила её, — si vous prenez trois feuilles de menthe, — шептала девушка, представляя, как победит на конкурсе кондитеров и отправится в Париж! — broyer les pistaches grillées...»

Вдруг буквы засветились, отделились от бумаги и сложились в замысловатый символ. Лиза испугалась! Она хотела вскочить на ноги и убежать, но не могла и пальцем пошевелить. Ее бросало то в жар, то в холод, сердце колотилось. Буквы вновь рассыпались, выстроились вереницей и начали оборачиваться вокруг кошачьей лапки. Они змейкой ползли вверх, котенок прямо на глазах рос и превращался в пушистого кота! Буквы с треском разлетелись в стороны, яркая вспышка ослепила Лизу. Девушке показалось, что стены чердака раздвинулись, а потом ее потащило, как в омут.

— Ой, мамочки! — закричала Лиза и зачем-то схватилась за кота. Последнее, что она услышала, перед тем, как темнота окончательно поглотила её, было истошное:

— Мя-я-а-ау-у-у!

* * *

*Miracle de la rose blanche — Чудо Белой розы (фр.)

**si vous prenez trois feuilles de menthe — если взять три листика мяты (фр.)

***broyer les pistaches grillées — размолоть поджаренные фисташки (фр.)

* * *

Параллельный мир.

Где-то в трехстах лье от Лиможа, в замке некроманта Лорана Мореля

Лоран Морель неспешно произносил подходящие к случаю заклинания — ритуал давно въелся в бессмертные печенки некроманта. Все было исполнено в точности, как предписывали волшебные книги и древние манускрипты, а уж их-то он перечел немерено за свои долгие сотни лет.

Итак, магический круг, свечи. Знаки начертаны, кубки расставлены, шаги сосчитаны. Сейчас призванный из потустороннего мрака дух передаст Морелю кольцо с заветной надписью, и можно будет вернуться к проверке дипломных работ выпускников Академии Ордена Мертвой Розы.

Морель уже выбрал четверых, все подающие надежды отличники: Зибель, Франц, Жан и Люсьен. Он хотел взять их с собой в путешествие в Китай. Там при помощи кольца Морель собирался поднять лекаря императора двенадцатой династии Цинь и вызнать у него состав

чертовых датских капель!

Продолжая бормотать заклинания и считать шаги, Морель обходил круг, уставленный зажженными свечами. Движение против часовой стрелки отворяло Врата Времени.

Некромант протянул руку над сгустившимся в клубы голубоватого свечения воздухом и...

Яркая вспышка, неожиданный удар в грудь. Враждебный дух? И чем это залепило лицо? Холодное, но приятное, пахнет ванилью. Разомкнув губы для проклятий, Морель ощутил на языке дивный вкус фисташкового мороженого. Слова замерли.

Морель облизал губы, протер глаза и... Вот тут он закричал так громко, что свечи на границе магического круга угасли и печально зачадили.

— Ад и пламя! Что это такое? — Морель стоял, раскрыв руки в стороны и с возмущением оглядывая свою манишку, кружевные манжеты, белый шелковый жилет, черный, расшитый серебром камзол, панталоны, туфли... Одежда и обувь были испорчены! Покрыты густым слоем вязкого мороженого.

А вместо вызываемого из Тьмы духа перед Морелем оказалась девица. В неприлично коротком платье, похожем на нижнее белье. В довершение всего этого безобразия девица держала на руках здорового пушистого черного кота.

У Мореля была аллергия на кошачью шерсть.

— Апчхи! Апчхи! Немедленно уберите... Апчхи!!!

Кот зашипел, выгнул спину и растворился в темноте. А девица поднялась и попятилась к границе магического круга. К груди она крепко прижимала книгу в синем переплете.

Морель узнал! Но как такое возможно? Большая Поваренная Книга Лесной Ведьмы сгорела, когда в Клеронском лесу случился пожар. Не уцелела и хозяйка книги.

Кто же тогда перед ним? Её дух? Неведомым образом поднятая из могилы ведьма? Нет, было очевидно — девушка живая. Не мертвие, однозначно. Неважно, главное — Книга здесь!

Морель умел принимать мгновенные решения, в его некромантской практике и не такое случалось. Прежде всего следовало обезвредить эту сущность в образе странной девицы. Ее истинной природы он не чувствовал из-за отвлекающего воздействия мороженого. Оставалось только тянуть время.

Несмотря на свой непрезентабельный вид, некромант учтиво поклонился и представился:

— Лоран Морель, к вашим услугам, прекрасная джамизель. Не скажете ли, что вы забыли в моем кабинете?

— Это вы потрудитесь объяснить, зачем притащили меня сюда? — вздернула подбородок девица.

Если бы не одежда, то Морель вполне мог назвать нежданную гостью красивой. Особенно впечатляли глаза. Того самого редкого фиалкового цвета, что так ценился в роду Морелей. И еще волосы — рыжеватые, с отблеском меди. Хороши были и губы, и нос, и фигура, и даже вызывающая улыбку наступательная поза.

— Учтите, я владею приемами айкидо! — сообщила девица и выставила вперед правую руку, левая была занята драгоценной книгой.

Неужели дух явился не с кольцом, а сразу с ценным артефактом? Но что за блажь — принимать облик рыжей бестии? Однако, если это и в самом деле гость из мира мертвых,

следовало обходиться с ним вежливо.

— Прошу вас, отдайте мне это, — Морель протянул руку за книгой, но тут же вынужден был выставить защитное поле, чтобы не получить кик пяткой в нос. Нет! Духи так себя не ведут. Это — бесстыжая живая девица.

«И в самом деле, сведуща в айкидо, не соврала», — оценил боевую стойку Морель.

Но и он не чужд был восточных единоборств. Изысканный кататэ дори — и незваная гостья выронила книгу. Не ослабляя захвата, Лоран наклонился и поднял её. А затем рывком вытащил девицу за пределы магического круга.

— Отвечай, как ты пробралась в замок? — грозно сверкнул он глазами. — И зачем испортила мой праздничный камзол?

* * *

Параллельный мир.

В Парижском доме некроманта Мореля

Перо зависло над бумагой, и медленная жирная капля скатилась по нему, испортив запись. Умело скрепленный и до блеска отполированный человеческий скелет раздраженно хрустнул суставами пальцев, удобнее перехватил перо, обмакнул в чернильницу и заново принялся писать на чистом листе бумаги.

«Добрый мой господин Морель поднял меня из могилы на старом датском кладбище вблизи развалин Эльсинорского замка. И был уверен, что я именно тот, кого он ищет».

Скелет щелкнул челюстью, вероятно, это означало улыбку. Впрочем, если посмотреть со стороны, так он всегда улыбался.

«Но увы! Надежды не оправдались, и вместо принца вернулся в мир живых я, бедный Йорик. Господин зовет меня Шенкель, и это имя мне нравится».

Другого способа поведать миру свою историю у скелета не было. Говорить он еще не мог, хоть его создатель Лоран Морель — глава тайного Ордена Мертвой Розы и председатель Ложи рыцарей Мертвой Розы, не терял надежды, что сможет вернуть Шенкелю эту способность.

Сам Морель, потомственный некромант и прорицатель, был теперь в отъезде. Хозяйство же, включая лабораторию, оставил на Йорика Шенкеля, ошибочно разупокоенного на том самом кладбище, где похоронили и принца Гамлета.

И как это могло произойти, что Морель перепутал могилы?

В стремлении узнать рецепт капель датского короля он проделал долгий путь, провел сложный ритуал, но вместо принца получил Йорика. Вернее, кости любимого королевского шута, их потом пришлось еще подгонять и прилаживать, стягивать скобами, полировать. Вышло просто загляденье, но...

Впрочем, Йорик оказался лучшим скелетоном из всех, которых Морель когда-либо поднимал. Но в пылу гнева и разочарования Лоран был непримирим, он не желал брать Йорика с собой во Францию. Кто бы мог подумать, что скелетон окажется таким настырным и хитрым! Он увязался за некромантом сначала открыто. Пришлось останавливать его заклинанием оцепенения. Так и эту препону Йорик сумел обойти. Морель не ожидал. И когда дома, в Париже, он обнаружил в большом дорожном сундуке груды костей поверх

своего орденского плаща, то пришел в ярость! А потом... рассмеялся.

Великий Магистр Ордена Мертвой Розы не смеялся сотни четыре лет, может, и больше, для бессмертных время течет монотонно одинаково. И вот! Глядя на виновато согбенного Йорика, Морель смеялся до икоты, до колик, до слез. Тогда-то и пришло на ум Лорану забавное имя Шенкель — для шута лучше не придумаешь. «Йорик» всегда казалось Морелю несколько претенциозным. Он даже Вильяму об этом говорил, но когда драматург слушал критиков?

Скелеты мало интересовали Мореля, он пытался найти способ воссоздавать плоть, чтобы та полностью принимала вид, какой имела при жизни, не разлагалась, а регенерировалась. Для этого Лорану и понадобился рецепт легендарных капель.

На этот раз он собирался отправиться в Китай, а Йорику поручил присматривать за городским домом.

Заняться скелетону было решительно нечем, все необходимое делалось само собой, предустановленные магические заклинания работали без сбоев.

Умный дом некроманта Мореля сам справлялся со всеми задачами, так что Йорику только и оставалось, что писать мемуары. Вполне подходящее дело для скелета. Правда, мозг его хранился отдельно от черепа, в специальной банке под номером 116–93, но это не мешало Йорику думать и пусть хотя бы в письменной форме, но все так же едко шутить, как при жизни.

За своего господина Йорик готов был рассыпаться в прах!

Вначале подобная преданность тяготила Лорана, но очень скоро он смирился с заботами скелетона и даже стал находить в них удовольствие.

В конечном счете, не перст ли Судьбы, о котором так любит вспоминать брат хозяина — сир Ришар Морель, направили в ту ночь стопы некроманта именно к могиле Йорика? Скелетон предпочел бы думать именно так, но он не был столь самонадеян. Какая польза от него, когда через некоторое время Лоран Морель усовершенствовал метод и смог поднять и более значительных особ.

Шенкель предусмотрительно поскреб пером край чернильницы, стгоня лишнюю каплю и принялся писать дальше.

«Я хорошо помню тот день, когда мои прежние господа появились в прекрасном Парижском доме моего нового и навсегда единственного господина».

Еще бы не помнить! Йорик Шенкель стоял тогда во-о-н в том углу. И следил за тем, как мессир Лоран мечется по кабинету, осыпая кого-то невидимого отборной некромантской бранью. В присутствии Йорика Морель позволял себе не стесняться в выражениях и поминал части тела своего отца.

— Ад и Пламя! Клянусь копытом властелина Преисподней! Это была скверная идея! Худшая за три сотни лет!

Господин большими шагами мерил пространство от одного стрельчатого окна до другого. Кабинет казался невелик, умный дом ужал его до размеров уютной комнаты. К этому Йорик привык и даже научился общаться с домом. Тот понимал все без слов, соединяя свой разум с сознанием обитателей. А вот черная дыра посреди комнаты — это было уже чем-то новеньким. По краям зияющего чернотой провала искрил и рвано клубился голубовато-молочный туман. Он так напоминал родной кладбищенский! Йорик даже загрустил. Иногда ему не хватало покоя Вечности, которого скелетон лишился стараниями мессира Лорана. С другой стороны — не скучно! И что же там такое, в этой обрамленной

туманом дыре? Неужели господин решил войти туда. Йорик приготовился последовать за Морелем, но похоже у того был иной план.

— Выходите! — громко приказал Морель. По ту сторону черноты послышалась возня и перешептывания, шлепок, похожий на звук пощечины и негромкое «Ой» приятным женским голосом. — Первым — Полоний, — раздраженно уточнил Лоран.

Из дыры-портала высунулась изрядно помятая широкополая шляпа, украшенная золотым аграфом и общипанными страусиными перьями, её держала мужская рука. Массивные перстни на пальцах, остатки тонких кружевных манжет, усаженный драгоценными камнями линялый бархат рукава не оставляли сомнений в статусе владельца шляпы. Рука приветственно взмахнула раритетным головным убором, и сразу вслед за этим из дыры выбрался седой, лысоватый, плотного телосложения старец. Весьма бодро для своего почтенного возраста он поклонился, церемониально разогнав перьями туман у ног Мореля. Некромант молча указал старцу место в углу у камина и все так же сердито произнес:

— Следующий.

Снова возня, звуки борьбы, и из дыры вывалились двое мужей помоложе, в одеждах еще более пышных, но сильно пострадавших от времени. Шляп у вновь прибывших не было, зато головы украшали одинаковые короны. Оба венценосца надменно поклонились, и тут же получили безмолвную рекомендацию хозяина становиться в угол рядом с Полонием.

— Теперь Лаэрт, — вздохнул Морель. Он понял, что там, за чернотой портала, собралось все разупокоенное семейство принца Датского: красавица Офелия, мрачно-мечтательный Гамлет, высокомерная Гертруда, возможно и ближний круг придворных. Теплилась надежда, что хотя бы Фортинбрас остался поживать в бозе и не явится в городской дом Мореля. Размещать на постой отряд головорезов-наемников некроманту не улыбалось.

Морель посмотрел в угол, где безмолвно белея костями, ждал приказаний Йорик.

— Благодарение Люциусу! Хорошо, что первым я разупокоил скелетона, — пробормотал Морель, обзревая гостей. — Ну что ж, если это все — я закрываю Врата. — Некромант щелкнул пальцами — Кольцо Духа на указательном вспыхнуло рубиновым кабошоном и черная дыра схлопнулась.

— Что ж... — обратился Лоран к Йорику, — вид у них весьма пристойный, если не считать одежды — она оставляет желать лучшего. А так — никаких повреждений, ни тлена, ни дурного запаха — это свидетельствует о том, что капли датского короля действительно имеют восстанавливающее действие. Необходимо вызнать рецепт!

— Опрашивать буду по-одному, — обернулся ко всей компании Морель. — Первым — Полоний, остальным ждать и вести себя прилично. Хотя... Йорик, ты тоже ступай за мной, будешь записывать.

Йорик тогда лишь согласно щелкнул челюстью и поклонился, прижимая костлявые кисти к ребрам, говорить он не мог. Оно и к лучшему. А то бы брякнул чего лишнего.

Перо скрипело по бумаге.

«Зайдя в тупик в опытах с разупокоением, мой господин направился в Лимож, в родовой замок, чтобы провести там некий ритуал, который мог бы пролить свет на...»

Еще одна клякса расплылась и затопила окончание фразы.

Йорик Шенкель усмотрел в этом знамение свыше. Нельзя доверять тайну бумаге!

Да и хватит уже писать. Пора вернуться к гостям.хлопот с ними! Гораздо больше, чем в Эльсиноре. Там были еще слуги, а тут — он один!

Глава 1

Duchess de Parma

...Параллельный мир. Где-то в трехстах лье от Лиможа, в замке некроманта Лорана Мореля...

В самом деле, когда так долго живешь на свете, что забыл голос и цвет глаз матери, то начинаешь ценить заботу верного слуги. Особенно если он бессмертен. Йорика оказывается не хватает! И кто бы мог подумать? Когда он рядом, то докучает заботами и бесконечными вопросами. Как это все случилось? Как произошло? В бесконечно долгой жизни высокопоставленного некроманта Йорик появился всего месяц назад, и вот уже Морелю отчаянно не хватает и забот, и вопросов. И острых, как скальпель, шуток. Теперь понятно, за что король Дании так высоко ценил своего шута. Настолько, что отдал ему на воспитание родного сына. Экстравагантный поступок для монарха. Что заставило Гамлета-старшего поступить так? И нет ли здесь какой тайны? Возможно, Йорик совсем не тот, за кого себя выдает, пользуясь тем, что все скелетоны на одно лицо.

Вздыхая, Морель разоблачался. Не о том он думает! Костюм испорчен — это трагедия! В чем теперь он явится на Малый капитул? Братья-некроманты — ортодоксы, они привыкли к определенному виду Великого Магистра, к регалиям, постоянству в цвете. Надо же было иметь неосторожность и проводить ритуал в орденском облачении. А все гордыня! Хотел произвести впечатление на духа. Произвел...

Лоран щелкнул пальцами, и комната преобразилась. Теперь в ней было огромное, во всю стену, зеркало и большая мраморная ванна, наполненная водой. Ароматный пар поднимался от поверхности и являл заманчивые образы танцующих дев. Обнаженных. Как и отражение Лорана в зеркале.

Некромант взошел по ступеням и опустился в ванну, вода выплеснулась через край, вымещенная безупречным телом атлета. Только полные идиоты распространяют лживые слухи о магах, способных разупокоивать сущности, ступивших за Черту. Что-де некроманты вечно грязны, вонючи, волосаты и окутаны кладбищенским туманом. Клевета! Чушь! Позорные наветы.

Некроманты являют образ бесстрастный и бледный — это так. В их лицах нет вульгарных красок жизни, столь любимых художниками Возрождения, но лики их светлы, как вершины гор, покрытых снегом, а в глазах живет тайный огонь, скрытый под броней первозданного льда. И Люцифер отец им, а Белая Госпожа — мать. Свет и Тьма, соединясь, породили совершенство.

Вода постепенно остывала, так же медленно сходил на нет и гнев. Для принятия решений он худший советчик. Следует очиститься и телесно, и духовно, а затем уже и думать, что делать со странной девицей.

Как всегда, принимая ванну, Морель обращался к философии. Это успокаивало чувства и проясняло мысли.

Итак, сначала камзол, жилет и все прочее. Это необходимо привести в порядок.

Конечно, Лоран мог бы прибегнуть к магии, но случай был ничтожен. Лишь дилетанты

полагают, что посвященные при каждом пустяковом случае эксплуатируют свой дар. На самом же деле любой уважающий себя высший маг, будь он темный или светлый, знает: магию следует хранить и приумножать. Поэтому Морель решил поступить иначе. К тому же одной стрелой он при этом убивал двух оленей. Пускай виновница происшествия исправляет содеянное. Если она и в самом деле ведьма, хотя бы низшего звена, то без труда справится с восстановлением одежды. Если же самозванка, то это выйдет наружу. И тогда уж Великий Магистр Ордена Мертвой Розы не пощадит виновницу.

Как она там назвала себя? Елисавета... Красивое имя, библейское. И девушка хороша, могла бы стать фрейлиной Белой Госпожи, но для этого необходимо умереть. Вот тут и начинались проблемы. Морель мог разупокоить кого угодно, начиная от любимой собачки жены премьер-министра Франции и заканчивая шутом короля Дании. Мог! При условии, что они мертвы. Названная же Елисавета была жива. Каким образом его угораздило притянуть девицу, Морель не имел ни малейшего понятия. Скорее всего, здесь подействовало Перекрестное заклятие, известное лишь высшим магам. Но кто бы мог встречно прочесть его?

Он ощутил странное беспокойство. Нет, это не была тревога по поводу появления обладателя Дара в окружении Мореля. Лоран думал о вещах гораздо более прозаических. О странном одеянии Елисаветы. И о её удивительных глазах. Все дамы семейства Морель имели именно такой оттенок — *Duchess de Parma**.

И вот его огонь, сокрытый во льдах, жарко полыхнул и отозвался напряжением в чреслах. Об этом же свидетельствовало зеркало, которое отразило Мореля, когда он поднялся из ванны. Тренированное тело, широкие плечи, могучий торс, скульптурные мышцы, рельефные кубики на животе и восставший член весьма внушительных размеров. Никаких сомнений не оставалось, что примитивное человеческое желание соития владеет Лораном. Какой позор для некроманта! Вот она, неистребимая тварная сущность.

Что скажет Белая Госпожа!

Морель завернулся в простыню и прошествовал в спальню. Там сменил простыню на мягкий халат, Лоран любил комфорт, он был аристократом до мозга костей, до тринадцатого колена. И во всех гербовниках магических фамилий отводилось почетное место представителям его рода. Имя родоначальника произносили не только с уважением, но и со страхом. Понижая голос и нервно озираясь, ибо наказание за невольную дерзость могло в одночасье настигнуть нечестивца. Прародителя нельзя было упоминать всуе и никто не смел произносить его истинное имя.

Перед тем, как лечь спать, Морель решил проверить, что делает его пленница. Безусловно, она заслуживала темницы. Сырой, вонючей, населенной крысами и пауками, с охапкой гнилой соломы вместо ложа. А как иначе? Ведь девица Елисавета испортила парадное одеяние председателя Ложи рыцарей Мертвой Розы. Так пусть искупает свою вину. Но не сидением в подвале, что в этом проку.

К тому же девица так хороша собой, что вполне может остаться прислуживать. В качестве горничной, например.

Нет, не может... она живая. Все время вылетает это из головы...

Но, в самом деле, как же могло такое случиться?

Кроме всего прочего, Лорана разбирало любопытство. Явление Елисаветы внесло в его жизнь некоторое разнообразие. Это было не похоже на то, чем Морель занимался последние полторы сотни лет. Он намеренно избегал общения с живыми джамизель, хоть его мир и

не исключал такую возможность. Нельзя сказать, чтобы Морелю это нравилось, но сложности подобного общения занимали бы слишком много времени. Лоран предпочитал тратить его на научные изыскания, а не на амурные приключения в мире живых. Возможно, он не хотел уподобляться в этом своему любвеобильному отцу.

Так или иначе появление в фамильном замке Морелей девушки с фиалковыми глазами оставалось для Лорана необъяснимым. Доступом в Портал Смерти служила погребальная виза и никаким другим образом невозможно было попасть в реальность невидимую и не осязаемую живыми. Однако Елисавета смогла. Но как?

Необходимо было выяснить детали. Именно поэтому пленница удостоилась гостевых комнат в замке, приличной одежды и человеческого ужина. Что не исключало искупления вины и возмещения ущерба, нанесенного одежде хозяина.

* * *

Лиза могла сколько угодно щипать себя за руку, за ногу и за ухо. Ничего от этого не менялось. Не сон! Все это не сон. И не видения под наркозом. Так могло быть, если бы она, допустим, упала с лестницы, попала в больницу. Но она же не падала. Она попала. Только не в больницу! Переместилась в этот странный мир непонятным образом. И что теперь делать? Глупый вопрос! Искать выход, конечно, что же еще! Но как искать и где?

Лиза оказалась заперта в комнате. Необыкновенно красивой, можно сказать, помпезной, похожей на декорацию к историческому фильму.

Тут были и камин огромный, и ложе, больше похожее на взлетную площадку. Странный стол, вроде бильярдного, но больше, и не под сукном, без луз. Зачем такой стол? Лиза обошла комнату, как могла огляделась. Освещение слабое, странные какие-то светильники. И не масляные, и не свечи в них. Смахивает светящийся элемент на лампочку, только не круглую, а шестигранную. И еле тлеют.

— Экономят, что ли, — сказала Лиза вслух.

Голос прозвучал слабо, неуверенно. А может, потому, что комната слишком велика. Слона тут можно спать уложить. Неуютно, несмотря на ковры и гобелены. Это все из-за мрака, днем тут, наверное, красиво. Когда свет из окон. А окна какие! Точно как в замке, ниши оконные глубокие, в них скамейки стоят, а само окно в мелком переплете, и стекла, наверно, цветные. Красота! Вот бы в солнечный день посмотреть. Но сейчас ночь глубокая. Углы спальни тонут во мраке, камин черным провалом зияет, как пасть страшного зверя. А дверь, конечно, заперта. Да и куда бежать?

Может, это все же розыгрыш, что-то вроде квеста? Сейчас модно такое. Устраивают в каком-нибудь подвале комнату страха, насыют манекенов и между ними живого человека поставят. Идет посетитель, а тот сначала притворяется неживым, а потом цап за ногу или за руку...

Что это? Что копошится там в углу? Замотано в мешковину. Уже идет, приближается, по каменным плитам шаги «шарк-шарк-шарк».

— А-а-а-а-а-а-а!!! — Лиза кинулась к двери, стала дергать засов и стучать что есть силы. — Выпустите меня! Сейчас же выпустите! Спаси-и-и-ите, помогите!

Она молотила в дверь кулаками и ногами. А страшное в мешковине приближалось. И даже кашляло. И заговорило почему-то знакомым голосом.

— Тише, тише, перебудуешь тут всех.

Страшное существо откинуло с головы капюшон, и Лиза так и сползла спиной по двери, села на пол, выставила перед собой руки и, запинаясь, заговорила.

— Уйди, не трогай меня... не приближайся, а то я молитву прочту... сейчас... — От страха она позабыла слова. Крутилось в памяти только начало. — Pater Noster... noster... pater... qui es in caelis... Не помню... — Лиза закрыла лицо ладонями, чтобы не видеть это страшное. Такого не может быть! Бабушка умерла. Её положили в гроб и закопали в землю. Вот говорил же дядя Володя, что лучше кремировать. — Не подходи!

Лиза пересилила страх, отняла руки от лица, чтобы еще раз посмотреть на существо, в котором узнала бабушку Тамару. Да нет же! Это все показалось, потому что темно и светильники дурацкие. Сейчас она откроет глаза и проснется. Дома. И забудет этот страшный сон... Блин! Не сон...

— Нет... не может быть! — Лиза кинулась к окну. — Я позову на помощь!

Она не добежала, налетела на что-то большое, тяжелое, что и с места не сдвинуть, споткнулась, упала и потеряла сознание.

Лиза очнулась и почувствовала себя в воздухе. Так приятно! Кач-кач... Её кто-то нес. На руках. Сомнения быть не могло. И этот кто-то был уже знакомый ей красавец с темными глазами. А светильники теперь сияли так ярко, что смотреть больно. Лучше закрыть глаза и сделать вид, что снова...ой... И куда это её несут? Неужели в кровать? Это еще хуже, чем Призрак Бабушки. Но точно же она его видела! Причем, он разговаривал! Просил не кричать. Значит, скрывается.

Должно быть, Лиза притворялась не очень убедительно. Потому что её не слишком мягко опустили на взлетно-посадочное ложе. Если честно, то было просто «шмяк». Однако посадка прошла удачно, перина оказалась мягкой, Лиза утонула в ней, как в облаке. Забыла, что надо поддерживать игру, и широко раскрыла глаза.

Второй «шмяк» — это на кровать приземлился скомканный камзол и все остальное, что было на Мореле в момент их первой встречи. Так себя назвал? Да, Лоран Морель. Француз? Хозяин дома? Судя по халату — да, гости в таком по комнатам не расхаживают.

— Итак, джамизель, — угрожающая поза совершенно не соответствовала домашней одежде, Лоран стоял перед Лизой, скрестив руки на груди, и беззастенчиво её разглядывал, — прежде чем мы начнем с вами общаться на деловые темы, следует возместить нанесенный ущерб.

— Нанесенный кому? — пролепетала Лиза.

Она безуспешно пыталась натянуть на колени короткий подол и сожалела, что, собираясь в домик бабушки, не надела брюки.

— Моему камзолу, разумеется, у вас есть время до утра, чтобы поправить это. В противном случае вы будете отбывать наказание в комнатах для преступников. Смею вас заверить, кровати там не такие удобные.

— А если я исправлю, то вы вернете меня домой? — Лиза нашла в себе силы задать ему вопрос.

Это было очень трудно, взгляд Лорана лишал её дара речи. Она не очень понимала свое состояние, но подозревала, что это что-то очень плохое! Стоило Морелю вот так посмотреть, и на Лизу нападала слабость.

Не иначе магия, в этом чертовом мире наверняка она есть.

— В вашем положении неуместно торговаться, джамизель. Выполните условие, о

дальнейшем поговорим позже.

И ни тени участия на лице. Речь вежлива, взгляд горяч, а сам холоден, как айсберг.

Айсберг в домашнем халате. Лизе стало смешно, она прыснула, попыталась сдержаться и не смогла, перекатилась на живот и расхохоталась в перину. Нет, ну ясно, что это нервное. Кто бы вынес такое попадание и при этом хоть немного не свихнулся?

— Неуместное веселье, джамизель. Я, кажется, понятно разъяснил — у вас времени до утра. Хорошо... учитывая, что теперь уже глубокая ночь, увеличим срок до полудня, но ни часом больше!

Морель круто развернулся, в три шага пересек спальню, рывком распахнул дверь, вышел и так громко хлопнул, что Лиза вздрогнула. Села на кровати, подтянула колени к подбородку. Вздохнула. Расправила шелковое покрывало. Все же в этом доме все на редкость аутентично. Вон какая вышивка...

Ну что ж, сиди не сиди, вздыхай не вздыхай, а камзол сам себя не очистит. Лиза растеребила скомканную одежду Мореля, разложила на кровати, осмотрела ущерб. Значительный, ничего не скажешь. Вся беда в том, что ингредиенты самого лучшего качества — это она могла сразу определить, хоть ей на язык попало чуть-чуть, с чайную ложку. Но ясно было, что там и желтки натуральные, и сливки, причем жирные.

— И ни часом больше, — передразнила девушка и показала двери язык.

Веселиться особо нечего — тут хозяин прав. Как же это все отстирать? И где? Легко приказывать, а никаких подручных средств ведь не предоставил. Может, тут есть ванная? А может, в ней стиральная машина? Хотя это не спасет, такие вещи в машинке не прокрутишь, станет только хуже!

— Тогда он на всю жизнь меня в подвал упечет! — сказала Лиза вслух, слезла с кровати, приподняла камзол и, удерживая его на вытянутых руках, пошла к оконной нише. Светильники продолжали гореть ярко, и страх отступил. После обморока Лиза уже не так была уверена, что действительно видела...

Сухая сморщенная рука с пальцами в знакомых кольцах отвела в сторону подпорченный камзол, и Лиза оказалась лицом к лицу с бабушкой Тамарой. Вернее, с Призраком Бабушки.

— Не вздумай кричать! — с расстановкой произнесла старушка, упреждая естественное желание внучки. — Ты что, меня не узнала?

— Узнала, — едва слышно выдохнула Лиза, — но ты же умерла...

— Пришлось!

— В каком смысле?

— В таком, что живых к Морелю не пускают.

— А как же я... Я тоже умерла? — Губы у Лизы задергались, глаза наполнились слезами. — Я не хочу-у-у-у-у!

— Тише! Прекрати рыдать! — Призрак Бабушки был гораздо строже, чем бывшая живая бабушка Тамара. Та Лизу любила, никогда не наказывала и всегда угощала чем-то вкусненьким. А тут вон какая стала...

Лиза шмыгнула носом, руки были заняты камзолом, и вытереть слезы и сопли девушка не могла.

— Как же мне не рыдать! Меня в подвал посадят, к крысам и паукам, если я не очищу этот чертов камзол.

— Так оно и есть — камзол чертов. Подарен самим папашей.

— Чьим папашей, я ничего не понимаю! Домой хочу! — Рядом с бабушкой, пусть даже

и призрачной, Лиза вдруг почувствовала себя маленькой девочкой.

— Домой тебе не светит, деточка, уж прости. Но раз так вышло, что ты прицепилась ко мне и попала сюда, мы это используем. Я видела, как он на тебя смотрел...

— Кто?

— Лоран. Все такой же бабник! И молоденьких ему подавай. Так бы мне пришлось тащиться к зооморфам, но раз ты тут — никаких превращений не потребуется. Дай сюда это павлинье тряпье. — Лиза послушно передала бабушке камзол. — Чем же вы его так испоганили.

— Это мороженое. То самое, по твоему рецепту, Белая Роза...

— *Miracle de la rose blanche*, оно самое. И как он думал ты с этим справишься?

— Не знаю. Тут даже ванной нет.

— Почему? Ванна тут есть, идем покажу.

И Призрак Бабушки повел Лизу за собой. Или лучше его все-таки бабушкой Тамарой называть? Очень похож, даже кольца и серьги бабушкины любимые. Ну это и понятно — в них похоронили, она так завещала, чтобы все её украшения положили с ней в гроб.

— Вот смотри, — бабушка отвела в сторону гобелен, за ним обнаружилась дверь, а за дверью мраморная комната. В прямом смысле мраморная — похожая на грот. И пол, и стены были теплыми, как будто нагреты солнцем. Посреди комнаты чаша-ванна, большая, как джакузи. Водой наполнена, а поверху плавают лепестки цветов. Божественный аромат... роза и лаванда.

— Это что?! — Глаза Лизы широко раскрылись от восхищения.

— Вероятно, для тебя приготовлено. Как и халат.

— Красивый какой! — Лиза тоже заметила на мраморной скамье полотенца и разложенное во всю длину одеяние, отороченное серебристым мехом.

— Прими ванну, камзолом я сама займусь, — сказала бабушка, — смотри, не усни в воде, потонешь, а ты мне тут живая нужна.

В душистой теплой воде Лизу и правда потянуло в сон, но ванна была так устроена, что выступами поддерживала расслабленное тело, как будто принимала его форму. Девушка задремала. Казалось, всего на мгновение глаза прикрыла, но вот уже бабушка сердито трясет за плечо.

— Я же сказала тебе не спи! Это все лаванда. Терпеть её не могу!

— А я люблю...

— Ну все, вылезай. Вытирайся, надевай дареный пеньюар и ступай в постель. — Бабушка Тамара погрозила кому-то невидимому пальцем. — Пусть только явится, я ему устрою...

— Кто явится? — испугалась Лиза.

— Не важно. Делай, что я тебе говорю.

— А камзол?

— Он в порядке. Все вычищено до полной безупречности.

— Так быстро?

— Не болтай! К тому времени, как он придет, ты должна спать!

— Я не смогу уснуть!

Лиза выбралась из ванной, одним полотенцем замотала волосы, другое обернула вокруг тела. Мягкая махровая ткань прильнула к коже, впитывая влагу.

Бабушка насадала и гнула свое.

— Еще как сможешь, ты главное ляг в постель, дальше моя забота.

— У меня волосы мокрые, — запротестовала Лиза.

— В кровати высохнут, — бабушка Тамара всерьез рассердилась. — Ты по любому поводу собираешься пререкаться? Здесь тебе не реальный мир. Делай как я говорю и не мешай мне устраивать твою судьбу.

— Вот уж нет! Свою судьбу я сама как-нибудь устрою! Мало родители мной командуют, так еще и ты?! — Лиза возмутилась, сон окончательно слетел с неё. В кровать она пошла, но засыпать и не собиралась.

— Это вместо спасибо за помощь? — укоризненно покачала головой бабушка. — Как ты не понимаешь, если упустить момент, все пойдет не так.

— Я действительно не понимаю. Какой момент? Что пойдет не так?

— Марш в кровать! — взорвалась бабушка. — Или я не отвечаю за последствия.

— Последствия, — ворчала Лиза, заплетая мокрые волосы в косу. В спальне нашелся гребень, он лежал на подзеркальнике, среди прочих удивительных вещей, которые так хотелось рассмотреть! Там были хрустальные и серебряные флаконы, шкатулка... Но бабушка стояла над Лизой и сверлила взглядом. Оставалось только быстро расчесаться и нырнуть под одеяло.

— Прекрасно! — Бабушка Тамара щелкнула пальцами, светильники разом погасли. Комната погрузилась в чернильную тьму.

— Я боюсь! — запротестовала Лиза.

— Пока еще нечего, — услышала она бабушкин голос. — Я буду рядом. И что бы ни случилось, молчи и делай вид, что ты крепко спишь. Поняла?

— Да, — пискнула Лиза и сжалась в комочек на необъятном пространстве чужой кровати.

* * *

* Duchess de Parma — Герцогиня Пармская — сорт пармских фиалок лавандово-синего цвета.

Глава 2

Силы Преисподней! Мадам восстала!

События её жизни мелькали с такой скоростью, словно зеркальный калейдоскоп менял узор и цвет. В том, что мир, в котором она оказалась, наполнен магией до краев, Лиза не сомневалась, а вот как существовать в этом магическом котле — было не ясно. Бежать? Хорошо бы, да только куда?

Вне стен замка Лизу могла подстергать опасность гораздо худшая, чем Лоран Морель. Даже в гневе он оставался учтив и держал себя в рамках приличия. Ночью не пришел. Лиза не хотела себе в этом признаваться, но она ждала визита хозяина. И даже была немного обижена. Зачем тогда душистая ванна, красивый халат и пышная спальня?

Или и это случайность, а на самом деле все предназначено другой женщине? Как и платья в сундуке, и изысканные духи, и прочая странная косметика на подзеркальнике трельяжа? Несомненно, это женская спальня, Лиза ошибиться не могла. Где же хозяйка? Лоран женат? Вот какие вопросы крутились в голове неудачливой попаданки. Нет бы подумать как освободиться. Вернуться домой. И бабушка Тамара исчезла, уснула Лиза быстрее, чем перешла к этой теме в размышлениях.

* * *

Утро наступило внезапно! Врезалось в сон бряканьем колец занавеси полога, резко отброшенного твердой рукой Мореля. А это был он, собственной персоной.

Лиза открыла глаза и встретила знакомый сердитый взгляд. Впрочем, приветствие было вполне доброжелательным.

— Доброе утро, — коротко бросил Морель. — Одевайтесь!

— Во что? — Лиза вылезла из уютного углубления в перине и с сожалением оглянулась на подушку, а потом с надеждой осмотрелась, отыскивая взглядом платье. Но её одежда исчезла.

— Вот в том сундуке есть платья. Они должны вам подойти. Выбирайте любое и поторопитесь. Я не люблю ждать.

— А я не люблю, когда посторонние смотрят, как я переодеваюсь! — рассердилась Лиза.

— Я могу отвернуться.

— А выйти из комнаты?

— Нет, — бросил он и отошел к окну. Встал спиной к кровати. — У нас мало времени.

Лиза вздохнула, пожала плечами и подошла к сундуку. Откинула крышку и ахнула. Шелк и бархат, кружева и ленты. Такие платья она только на картинах видела и в исторических фильмах про французских королей.

— Вы хотите, чтобы я надела...

— Да, и поторопитесь. У меня есть для вас задание.

— Как?! Еще одно? Я привела в порядок ваш камзол, разве этого недостаточно, чтобы вернуть меня домой?

— Обстоятельства изменились. Вы готовы? — он говорил, стоя к Лизе спиной.

— Нет, я еще и не начинала. И это нечестно — менять условия игры. Вы обещали, что я вернусь домой, когда вычищу вашу одежду.

— Мы не играем, джамизель. И я вам не верю насчет камзола. Кто вам помогал?

Он резко повернулся. Лиза в это время достала платье изумрудно-зеленого цвета, она прижала его к груди, словно закрываясь от гнева и недоверия хозяина.

— Мне никто не помогал, — она постаралась придать голосу уверенность, но не смогла. Страх выдать бабушку Тамару заставил голос дрогнуть.

— Одевайтесь и идем со мной, — сказал Морель и снова отвернулся.

— Куда? — Лиза была готова к худшему. Вчера он угрожал подвалом замка. Но ответ Мореля её удивил.

— На кухню.

— Зачем?

— Слишком много вопросов. Но я отвечу, чтобы вы поняли — лгать не имеет смысла. Я подозреваю, что мороженое, которое, как вы утверждаете, материализовалось при прочтении заклинания, приготовлено не вами. Я сомневаюсь, что вы вообще умеете его готовить.

— Ах та-а-ак! — Лиза была оскорблена. — Да у меня без пяти минут диплом технолога-кондитера, я могу готовить без всякой этой вашей магии! Показывайте, где у вас тут кухня!

— Сначала оденьтесь. Слуги не привыкли видеть моих женщин в неглиже.

Торопясь вслед за Морелем по коридорам замка, Лиза запоздало возмутилась этим самодовольным «моих женщин». С какой стати он сказал так? Но выдвигать возражения в спину хозяину было как-то несолидно. А Лиза хотела сохранить лицо. Поэтому промолчала, оставив несогласие на потом.

Не заладились у неё отношения с хозяином замка, вот просто с первой минуты знакомства наперекосьяк пошло. А кто виноват? Не она же! Лиза не просила втаскивать себя в странный мир, откуда же ей было знать, что бабушкина поваренная книга — волшебная. И вот, как назло, когда надо — бабушки нет. Сейчас бы посоветоваться, расспросить про Мореля. Бабушка Тамара, похоже, его не первый день знает, а может, и не первый век. Господи, если бы только книга! Ведь и про то, что бабушка ведьма — Лиза тоже понятия не имела. Да она бы со страху умерла в гостях у бабули, если бы...

Поотстав, девушка не заметила, в какую сторону повернул Морель в разветвлении коридоров. Не замок, а лабиринт какой-то. А может, так и есть? Сейчас заведет подальше, бросит и все... Может, у него и кухни никакой нет, а замок — иллюзия. Кто их магов разберет, чего они только не наколдуют!

— Вы где? — спросила Лиза и остановилась. Она не знала, куда идти. И даже шагов не слышала, хотя не так сильно и отстала. Шаги должны быть слышны. Лизе стало страшно, показалось, что стены сдвинулись, коридор стал уже. — Э-э-эй! Вы где?! — крикнула она громко. Эхо покатило впереди нее. Ответа не было. Только «где... где... где...» в отдалении.

— Что вы кричите, как в лесу? — Он тронул ее за плечо СЗАДИ!

— А-а-а-а-а! — еще громче вскрикнула Лиза и кинулась бежать. Не важно, что там впереди, главное — от Лорана подальше. Но не тут-то было, он крепко обхватил её за талию, так неожиданно, что Лиза повисла на его руке.

— Куда вы? На кухню нам в другую сторону, налево, — спокойно заявил он. — Идите.

— Хорошо, я пойду. Только впереди.

— Мы уже пришли.

Едва слышный щелчок пальцами, и стена, казавшаяся глухой, исчезла, а перед Лизой открылся сводчатый зал. С огромным камином, столами, шкафами и лавками вдоль стен. Еще там было каменное корыто, к нему вел желоб, перекрытый деревянной заслонкой. Водопровод? Пещерный век...

Зал не был пуст. За самым большим центральным столом собрались люди, во всяком случае они были похожи на людей фигурами, лицами и одеждой. В основном женщины. И снова как с картин. Лиза не могла рассмотреть сразу всех, но та, что стояла с большой поварешкой наперевес и отчитывала вихрастого худенького подростка в съехавшем на сторону белом колпаке, она отметила сразу. Толстая громогласная темнокожая повариха кричала на всю кухню:

— Я тебе сколько раз говорила, не смей отлучаться от вертела! Сжег барашка! Вот я тебя сейчас! — И негритянка уже замахнулась, чтобы отвесить мальчишке оплеуху.

— Нет! Нельзя бить детей! — воскликнула Лиза одновременно с Морелем, который оказался более краток.

— Мамушка, стой! — приказал он, и повариха и все, кто был в кухне, обернулись к нему, а увидав Лизу, так и попятились к стене.

— Силы Преисподней! Мадам восстала! — прикрыла ладонью губы негритянка.

— Мамушка! — с угрозой оборвал Морель. — Джамизель Елисавета прибыла из России, — объявил он. — Я пригласил её, чтобы получить утерянный рецепт нашего фамильного десерта. — Вторая ладонь поварихи легла поверх первой. — Как только джамизель приготовит его, то будет свободна, — Лоран многозначительно посмотрел на Лизу и снова на негритянку и её подручных. — Вы все будете исполнять ее поручения, как мои. И что бы ей ни понадобилось — должно быть тут же предоставлено, — заключил он.

Негритянка, не убирая ладони от губ, утвердительно затрясла головой, отчего её косынка, повязанная наперед и стянутая на лбу узелком, затрепетала белыми полотняными кончиками. Мамушка была похожа на ту самую Мамушку из «Унесенных ветром».

А может, Лоран намеренно создает подобия? Может, все это иллюзия, и нет никакой кухни? И замка нет?

Лиза сделала несколько шагов к столу, протянула руку, коснулась гладко строганных досок. Нет, вроде реальность. И невеселая. Как на этой кухне что-либо приготовить? Допотопные горшки и сковородки, страшные, наверно, оловянные ложки-поварешки. Вместо плиты и духовки — камин!

— И вы хотите, чтобы я здесь, — Лиза сделала ударение на последнем слове и обвела рукой пространство вокруг себя, — готовила мороженое? А холодильник с морозилкой у вас есть?

— Холодильник? — Морель напряженно нахмурился, как будто припоминая что-то. Покачал головой отрицательно. — Нет, но я могу доставить его, если это так необходимо.

— Ну а как же я собью мороженое без заморозки?

— Льдом как-то до этого обходились, — с видом оскорбленного достоинства подала голос из угла Мамушка.

— Я сказал все, что потребует джамизель, должно быть предоставлено! — пресек возражения Морель.

Мамушка возмущенно фыркнула. Остальные предпочли молчать и составили живописную массовку этой странной кухонной сцене.

Беседа велась по-французски, и Лиза снова поблагодарила бабушку Тамару за знания. Что бы она сейчас делала без языка?

— Тут кроме холодильника много чего надо. Нет ни нормальной плиты, ни миксера. Оловянной ложкой крем взбивать? — продолжала Лиза.

Негритянка все больше обиженно надувалась, но молчала. Одного раздраженного взгляда хозяина ей хватило.

Морель скрестил руки на груди и осмотрелся.

— Вы находите замковую кухню недостаточно пригодной? — спросил он Лизу.

«А вчера вечером ведь уже перешли на „ты“, и снова так официален», — отметила про себя она. А вслух сказала:

— Совершенно непригодной. Это даже не прошлый век а... доисторический. Как вы тут живете?

— Честно говоря, последние сотни три лет я не отслеживал кухонный прогресс. Меня занимали другие аспекты развития человеческой цивилизации.

— Мужской взгляд, — передернула плечами Лиза. — Вот и видно, что вы сами и яичницы на завтрак не жарили.

— Конечно нет. Я вообще не завтракаю, — усмехнулся он. — Хорошо, мы поступим следующим образом...

Щелчок пальцами, и Лиза с Морелем оказались в гипермаркете, универмаге, или как это могло называться... Под удивительным стеклянным куполом! В отделе бытовой техники. Как раз перед огромной зеркальной витриной, где были выставлены образцы миксеров и кухонных комбайнов. Там же Лиза увидела и свое, и Мореля отражение. В современной одежде. И как он это сделал? Она восхитилась, понимая, что тут работает магия высшего разряда.

Одежда была впору и нравилась Лизе, сама она таких брендовых платьев позволить себе не могла. Ей вообще начинали нравиться эти непредсказуемые перемены, превращения и перемещения. Но больше всего нравился ей сам Лоран Морель. Особенно в темно-синих джинсах, белой рубашке поло и светлых лоферах. Сейчас он выглядел гораздо лучше, чем в громоздком камзоле. И легче можно было дорисовать в воображении красоту его атлетической фигуры.

— Итак, с чего начнем? — спросил Морель. — Напоминаю, что мы ограничены во времени. Постарайтесь выбрать все необходимое и укажите мне.

— Сначала скажите, куда вы меня притащили? — Лиза не хотела показать своего восхищения. А витрины слепили, и многоярусное здание поражало обилием модных бутиков.

— Галерея Лафайет. Если мы не найдем здесь того, что вам нужно, посетим другой торговый центр. Мне это даже интересно. С научной точки зрения, — обронил Лоран и скользнул взглядом по их с Лизой общему отражению.

Глава 3

Увидеть Париж и...

К ним подлетел продавец-консультант, и Лиза не успела ответить Морелю. А на языке вертелось саркастическое замечание о родовом замке. Хорошо, что не сорвалось. Ведь бежать ей действительно было некуда. Попробуй она затеряться в Галерее, и что дальше? Домой отсюда как? Без документов, денег и обратного билета на самолет.

Кроме того, Лиза мечтала оказаться в Париже. Бойся своих желаний... Но раз уж она тут, так почему бы и не...

— Нас интересует кухонная техника, а также плиты и духовые шкафы, — сказал Лоран консультанту.

— Вам необходимо перейти в другое здание. Я вас провожу. — Консультант безошибочно определил в Мореле VIP-покупателя и намеревался предоставить весь спектр услуг.

Они перешли по подземному тоннелю в другое здание, потом вернулись в центральное. То, чего не было в торговом зале, нашлось в каталоге.

Собственно, покупки заняли не больше получаса, по какому адресу их отправили — Лиза так и не поняла. Уходить из Галереи ей не хотелось. Основное здание напоминало гигантскую светящуюся карусель, витражи в куполе меняли цвет с темно-синего до алого, арки всех семи этажей были украшены цепочками фонариков, гирлянды свисали с перил, переплетались и мигали, мигали. Бесконечное Рождество, хоть на улице лето. А вдруг нет? Может быть, и само время пошло каким-то невероятным кругом? Не вперед, не назад, а в сказку. Туда, где исполняются мечты.

— Если не боитесь высоты, можем подняться на смотровую площадку, вы же мечтали увидеть Париж? — Морель снова оказался у Лизы за спиной и наклонился к уху. Оказывается, голос у Лорана мог быть и вкрадчивым. А чтение мыслей уже не удивляло Лизу. Но для порядка она спросила:

— Откуда вы знаете, о чем я мечтала?

— Пока не знаю, только предполагаю. Мои знания — впереди, — отвечал он и подтолкнул Лизу к эскалатору. — Смотровая площадка на седьмом этаже.

Они поднимались и поднимались из недр «Мекки шопоголиков», именно так называли Галерею Лафайет туристы. Лиза читала про этот торговый центр, она много чего знала о Франции в целом и Париже в частности. Хотя бы потому, что многие из великих кондитеров жили и творили тут. Изобретали десерты, которые потом покоряли мир. Точно так же, как и мода.

Вот и последний пролет, дальше смотровая площадка. Вернее площадь — плоская платформа больше походила на широкую улицу. И кафе выглядело точь-в-точь, как уличное. От балюстрады столики отделяли щиты из стекла, наверное, чтобы защитить посетителей от ветра. Там, где столики заканчивались, щитов уже не было, зато у ограждения стоял телескоп, подзорная труба! Морель проследил за взглядом Лизы и спросил:

— Желаете посмотреть?

— Да, если можно! — Она и без телескопа видела в отдалении Эйфелеву башню. Лизе хотелось прыгать и хлопать в ладоши. Сейчас не имело значения, как она попала сюда,

главное, что это Париж! Ла тур Эйфель, а вон правее здание Парижской Оперы, его Лиза тоже узнала.

— Пойдемте, видимость сегодня хорошая. — Морель жестом пригласил Лизу пройти вперед. — Потом мы можем заказать десерт, что-то прохладительное. В Галерее нестерпимо жарко.

— Мне не показалось. Должно быть, вы привыкли к холоду и сырости ваших подвалов. — Лиза прикусила язык, но было уже поздно. Как будто какой-то вредный чертенок нашептывал ей дерзкие ответы Морелю. Но Лоран не обратил внимания на колкость замечания. Он даже согласился!

— Да, возможно вы и правы, я слишком много времени провожу за опытами. Надо чаще выбираться во внешний мир. Ну что же, вот, смотрите. — Морель первый заглянул в окуляр, подстроил его и даже улыбнулся, а Лорану это очень шло. Лицо становилось гораздо приятней. — Смотрите.

Он уступил место Лизе, встал за её спиной. Она уже привыкла к этому и перестала чувствовать себя скованно. Теперь присутствие Мореля скорее воспринимала как некоторую защиту. Она поворачивала телескоп и разглядывала город. Приближение было значительным! Лиза могла рассмотреть людей. Народа около башни толпилось много.

— Да, к этой достопримечательности стремятся в первую очередь, — заметил Морель. К тому, что он читает мысли, Лиза тоже начала привыкать. — Ну что ж, идемте попробуем десерт. Мороженое заказывать не будем, я надеюсь, вы приготовите его лучше. А вот эксклюзивные сладости Лафайет стоит попробовать.

Временами Лизе казалось, что она спит. И все это сон. Но эклеры и кофе были столь осязаемы, что она отметала сомнения. Поведение и поступки Мореля оставались непонятны. Бояться его она перестала, у Лизы появилась уверенность, неизвестно на чем основанная, но твердая, что зла Морель не замышляет. Скорее, все, что произошло с Лизой, её появление тут — случайность. И Лоран так же точно, как и она сама, пытается понять... Только что он привязался к этому мороженому? Ну ладно, камзол действительно было жаль, и требование исправить все вполне закономерно. Но проверять правдивость слов способностью приготовить десерт? Это странно...

— Почему вы так уверены, что я справлюсь лучше, чем здешние кондитеры? — спросила Лиза. Вопрос не был связан с их предыдущей беседой, но Морель не удивился. Ах да, он же знал, о чем Лиза молчит. Ничего не скрывать. Тем более — зачем проверять, если все знаешь наперед?

— Вы же хвастались дипломом. Вот я и хочу удостовериться. Думаю, нам стоит уже двигаться к дому, если вы достаточно насладились видом и кофе.

— То есть обратно в замок? — Лиза с сожалением осмотрела панораму города. Морель вернет её домой сегодня, и ничего этого она больше не увидит.

— Не совсем в замок, у меня есть дом в здешней реальности. И я приглашаю вас. Будьте моей гостьей.

— А сейчас я кто? Пленница?

Лоран пропустил это замечание мимо ушей. Лиза даже устыдилась. В конце концов он не сделал ничего такого, за что можно было бы цепляться к словам.

— Хорошо, только можно без вот этого вашего... — Лиза повторила щелчок пальцами. — Если здешняя реальность не так далеко, я с удовольствием прогуляюсь по улице.

— Недалеко, слева от Гранд Опера. Согласен, пойдем пешком, погода отличная. По дороге вы мне расскажете, как у вас оказалась книга... лесной... — Морель замялся, — ...м-м-м... вашей бабушки.

Лиза шла по улице и чуть не приплясывала от радости. Восторг её так и распирали! Париж...не может быть, но — да! Вот он вокруг. Дома, улицы, скверы. Платаны, каштаны, небо! Погода, кстати испортилась. Интересно, сможет ли Морель материализовать зонт, или они пойдут под дождем? А пускай! Парижский дождь — это же прекрасно!

— Мечты сбываются? — спросил Лоран.

Он шел рядом с Лизой и не мешал ей восхищаться городской суетой и пестротой. В час пик здесь, в центре, всегда было много туристов. Морель не раз думал, что следовало поселиться ближе к Сорбонне, но так и не сменил квартиру. Она была реальной. Никаких параллельных коридоров Времени, ни петель, ни лабиринтов. Линейная реальность, иллюзия обычной человеческой жизни. Соседи в доме знали Мореля под другим именем, они называли его Лоуренс Керр и были уверены, что у него тут практика в Сорбонне, научные изыскания, а сам он англичанин.

Поскольку Лоран вел уединенный образ жизни, ни с кем из соседей близко не сходил, не дружил и почти не общался, то знали о нем мало. Было больше предположений и догадок, чем уверенности. Например поговаривали, что в Англии он владеет состоянием, что у него есть родовый замок, что он завидный жених, но тут мнения разделялись — кто-то говорил, что Лоуренс вдовец. Разные ходили слухи. Лорана спасало то, что соседи его менялись, они, так же как и он, снимали квартиры и поэтому этажом ниже периодически селились новые, а сверху никого — потому что Морель жил на последнем этаже.

На кафедре в Сорбонне он появлялся не часто, впрочем у него был даже научный руководитель, который курировал Мореля. Профессор Бигль, вот он точно был англичанином и запросто называл своего адьюнта Ларри.

— И где здесь кухня?

Лиза вошла в квартиру первой, Морель гостеприимно распахнул дверь и отступил в сторону. Что еще оставалось? Она вошла, на это Лоран и рассчитывал. Сейчас он мог бы закрыть её там и обратиться к неотложным делам, которые нельзя откладывать. Из квартиры Елисавета никуда не денется. Ну поскучает немного, он же не на пять веков собирался запретить нежданную гостью. Вместо этого Морель вошел следом за ней.

— Не спешите делать выводы. Лучше определитесь как вы обойдете комнаты? Вслед за движением времени, или против него?

— В каком смысле вслед за движением... — Лиза не поняла его и стояла в крошечной прихожей.

— В прямом. Идите и поймете.

Ответ Мореля ничего не прояснил, но Лиза послушалась и пошла.

Мансарда смахивала на квартиру студию. Самую бюджетную.

Но вот что удивительно! Лиза переходила из комнаты в комнату, они были смежными, хотя сначала показалось, что тут всего одна. Но нет, была из неё дверь в следующую, и еще, и еще... как будто Лиза с Лораном шли по кругу. Из пятой комнаты снова попали на кухню. Предыдущей комнатой была небольшая гостиная, там одна стена мерцала зеркальным светом, справа и слева от зеркала стояли напольные часы, не старинные, современного дизайна, с прозрачным корпусом, который позволял видеть движение механизма. Лизе

захотелось еще раз взглянуть на это, она вернулась в гостиную и оказалась... в спальне! За дверь спальни открылся кабинет, за ним библиотека, потом детская с розовыми шторами на окнах и множеством игрушек на полу и полках, пятой комнатой была оранжерея, благоухающая орхидеями. Небольшой сад с экзотическими растениями и цветами и шестая — снова кухня!

— Как это может быть? — Лиза резко обернулась к Лорану, он, вероятно, уже приспособился к этой её привычке и остановился вовремя. Очень близко, но не прикасаясь. Она ощутила легкий запах мужского парфюма. Сандал и можжевельник. И еще...едва уловимый, но Лиза могла его различить. Она бы узнала и с закрытыми глазами, что рядом с ней стоит Лоран Морель...почему у неё так обострилось обоняние? И закружилась голова...

Наверно Лоран успел подхватить и не дал упасть. Очнулась Лиза в кресле. Снова кабинет. Голова кружилась уже не так сильно.

Морель сидел за столом, заваленном бумагами и рисунками, заставленном измерительными приборами. Современными и старинными вперемежку.

— Побочный эффект, — констатировал он. — На вас не лучшим образом подействовало хождение против часовой стрелки. Значит вы относитесь к разряду... к разряду...

— Я не насекомое, — перебила его Лиза.

— А хотели бы стать? Бабочкой или стрекозой? — протянул Морель, продолжая писать. — Нет, стрекоза вам не подойдет, они хищные.

— А я что, беззубая?

— Вы невозможная, разве не видите я занят...

— Разве я просила притаскивать меня сюда?

Он отодвинул записи и засмеялся. Потом, загибая пальцы, начал перечислять доводы.

— Во-первых вы пришли сами, во-вторых мечтали о Париже, в-третьих...

— Что в-третьих?

— Не знаю! Вы меня перебиваете и я теряю мысль.

— Я мечтала о Париже. Дальше?

— Дальше у нас мороженое. Сейчас на кухне закончат работу по установке необходимого оборудования.

— Там кто-то есть на кухне? Мы тут не одни?

— Не одни, там сотрудники сервисного центра, распаковывают и налаживают купленную технику.

— А как же магия?

— Какая магия? — Морель состроил самый невинный взгляд из всех, какими обладал.

— Ну вот это. — Лиза щелкнула пальцами и вдруг от её руки к потолку метнулся всполох пламени. — А-а-а-а-а, что это?! Ой мамочки-и-и-и-и-и! — Она вскочила с кресла, отбежала в угол, но пламя распалось на язычки, образовало круг и теперь плясало над головой Лизы, потом ухнуло вниз, рассыпалось искрами и заключило девушку в плен. — Уберите это сейчас же! — взвизгнула Лиза, — у меня волосы загорятся!

— Это не я! — Морель пытался разомкнуть огненный барьер, Лиза заметалась по кабинету, приблизилась к столу и тут вспыхнули бумаги.

— Мой проект, — вскричал Морель, затем произнес что-то еще, Лиза толком не разобрала, но зато почувствовала. На неё обрушился поток ледяной воды. Прямо с потолка. Вода сбила пламя на столе и загасила огненный круг, что держался около Лизы.

— Соседи снизу только что сделали ремонт после предыдущего потопа, — сокрушенно

произнес Морель.

— М-м-мне холодно, — стучала зубами Лиза. — И страшно! Я хочу домой! Отпустите меня домой!

Она закрыла лицо руками, села на пол, прямо в лужу и зарыдала.

— Ну вот, мы пришли к тому, с чего начали, прекрасная джамизель. — Развел руками Лоран. — Перестаньте плакать, сейчас я найду во что бы вам переодеться.

— Только пожалуйста без магии!

— Без магии могу предложить только мои рубашки.

— Хорошо, — всхлипывала Лиза, — давайте скорее!

— Горячий душ вам поможет.

— Что, прямо тут?! — испугалась она.

— Нет, конечно нет! Меня выселят, если прямо тут, — Лоран протянул Лизе руку. — Вставайте, в квартире есть ванная. Я провожу...

Глава 4

Я его Скрипка, Он — мой Скрипач...

Ванная никаких подозрений не вызывала. Обычная, не то что в особняке: там была джакузи, а тут — душевая кабина. Просторная, но и только. Впрочем, после ледяного душа, обрушившегося с потолка, Лиза была счастлива и этим!

Она стояла под ласковыми, щекотно-упругими теплыми струями и радовалась, что никто ее тут не тревожит. Можно все обдумать. С самого начала. А с чего все началось? Да с книги же! С бабушкиной книги в старом доме. На чердаке. И с кота, который тогда был котенком. Лиза склонялась к тому, что именно кот всему виной. Кажется, он говорящий был. Не был, а есть — он же периодически появляется и портит жизнь Лорану. Лиза хихикнула при воспоминании о том, как Морель чихает, стоит коту махнуть хвостом в обозримой близи от мага. А он точно маг? Или только фокусник? Ловкость рук? Или... Лиза уже собралась щелкнуть пальцами, но вовремя спохватилась. Не-е-е-ет, на сегодня хватит. Никаких больше чудес.

Она решительно закрутила никелированные краны, отодвинула дверцу кабины и выбралась наружу. Сразу стало холодно, на коже выступили мурашки. Лиза тут же залезла в просторный махровый халат, что висел у двери. Ощутила запах сандала и можжевельника и поняла, чью вещь присвоила. Но Морель же обещал рубашку, какая разница, халат даже лучше, он длиннее. И все-таки почему обострилось обоняние? И откуда способность вызывать огонь? Не все ли равно, главное — контролировать это и научиться управлять. Неуправляемая магия ведет к деформации временного коридора... Это что? Откуда это? Лиза потрясла головой, как будто в оба уха ей попала вода. Но не в воде дело! Мысль про временной коридор — чужая! Не может в её голове быть такого! Про миндальные пирожные или крем на взбитых сливках — может, а вот про деформацию времени... И что это такое, в самом деле? Сколько можно!

— Сейчас пойду и спрошу, пусть отвечает, когда отпустит домой! Там же экзамен. Если не явлюсь — не получу диплома. Ни с отличием, ни без отличия — никакого вообще. Эта мысль вытеснила все прочие. Она была более чем здоровой и побуждала к немедленному действию. Лиза переступила с мягкого ворсистого коврика в большие тапки и распахнула дверь ванной. За дверью было темно.

— Господин Морель? — Лиза выглянула в коридор. — Лоран? — Сделала шаг за порог. — Вы здесь? — Еще один шаг, и ванная комната за её спиной исчезла! Лиза хотела вернуться на безопасную территорию, в свет и замкнутость четырех стен, но не тут-то было. Кромешная тьма окружала ее, и только впереди, в конце сильно удлинившегося коридора виднелся свет.

Вот если бы быть уверенной, что по щелчку пламя станет аккуратно светить, а не бесноваться, тогда, конечно, можно было бы... Фонарь или свечка не помешали бы. Но лучше не стоит пробовать.

Лиза вздохнула и пошла на огонек. Едва заметное мерцание то становилось чуть ярче, то исчезало совсем.

Это была одинокая свеча в массивном серебряном подсвечнике, сделанном в виде черепа осла или лошади. Лиза не слишком хорошо разбиралась в черепахах. Пораженная, она остановилась на пороге новой комнаты. Увиденное одновременно пугало и притягивало!

Вокруг серебряного черепа были разложены фрукты и колосья, стояла чаша с вином. Гирлянда белых роз увивала все это. Поверх роз, сминая их нежные бутоны, лежал раскрытый скрипичный футляр. Скрипки в нем не было. Лиза услышала музыку и пошла на звук. Еще одна комната открылась ей. Там не было света, но сияла мелодия! Звуки светились. На скрипке играл Морель, ничего более прекрасного Лиза в жизни не слышала и не видела. Силуэт мага на фоне призрачного света, движение руки со смычком... Музыка завораживала, проникала в душу. Лиза начала различать слова. Они возникали в сиянии, рассыпались бликами. Лиза боялась пропустить хоть одно! Прекрасный женский голос произносил их.

'Душа моя в его воле...

Мы не можем жить друг без друга. Я давно принадлежу ему, а он мне.

Кажется, мы вместе от начала мира, или даже раньше.

Люди думают он маг, но в его прикосновениях нет волшебства — только любовь. Нежные руки, чуткие пальцы и сердце, способное услышать меня истинную.

Он приходит, когда ему одиноко, когда холод вечности подступает слишком близко. Лоран прижимается щекой к моей груди, закрывает глаза...

Тогда я говорю с ним, пою, рассказываю все, что знаю.

Раннее утро в лесу, верхушки сосен едва тронуты солнцем.

Вечнозеленая сосна прекрасна во все времена года.

Красный клен царственно алеет в горах, осенью, ему нет равных, легкокрылые феи живут в раскидистых ветвях.

Эбеновое дерево цветом напоминает юные тела африканских красавиц, а зеленью листвы — изумруды.

Волнистые гривы арабских лошадей развеваются на ветру. Звонкие копыта высекают искры из каменистых дорог.

Об этом и о многом другом я пою, когда Лоран желает меня.

О восходах и закатах, горах и море, о первых весенних цветах.

О пробуждении и беспробудном сне, кустах жасмина на старом кладбище.

О рождении и угасании. О вечности.

О любви, что сильнее смерти... О моей любви к Нему...

Единственному, кто дотрагивается до меня в тишине ночи.

Однажды Лоран уехал далеко-далеко, а меня с собой не взял.

Сказал на прощанье:

— Это слишком опасно, любовь моя. К тому же тебе может повредить сырой климат Клеронских болот. Жди меня дома, отдыхай. Я наведу на тебя зачарованный сон, и ты не будешь скучать. Во сне ты увидишь меня, почувствуешь всю мою любовь. Нежность. Страсть...

И я спала, в теплом полумраке, на мягких подушках, под бархатным покровом.

Во сне я видела прекрасные руки моего господина, и мне хотелось плакать, но я не могла. Душа моя звучит, лишь когда Лоран Морель касается её.

Мой смех и слезы в его воле.

Я его Скрипка, Он — мой Скрипач...'

Музыка прекратилась внезапно, Морель опустил смычок.

Лиза перестала видеть силуэт скрипача, линии света над ним и рядом с ним. Стало светло! Кабинет Мореля, вот стол и кресло и бумаги на столе. Никаких признаков пожара. И ничто не напоминает о потопе.

Лоран пишет, как будто и не замечает Лизу. Она осмотрела себя. Мягкий махровый халат не исчез, значит, все это правда? Не сон? На столе поверх бумаг лежит в раскрытом футляре скрипка. Божественная музыка звучала только что... Нет, скорее дьявольская! И каждое слово было понятно.

— Я слышала её голос!

— Вероятно. — Морель не отрывается от бумаг. В комнату входит девушка, направляется к столу, протягивает руки к Лорану и исчезает, футляр со скрипкой захлопывается сам собой.

— Что это было? Кто она? Я слышала её голос?

— Как много вопросов. — Лоран болезненно хмурится. — Вы меня отвлекаете, а я должен закончить мысль. Ежегодный доклад на собрании Малого Капитула — это серьезное испытание.

— Кто она? За то время, что я нахожусь у вас, ни на один вопрос вы мне не ответили!

— Потому что они несущественны. Ничего не меняют. Когда вы зададите главный — я отвечу.

— Вы бестактны!

Его слова чуть не довели Лизу до слез, но она не показала этого, вздернула подбородок и отвернулась к окну, всем своим видом демонстрируя возмущение и нежелание иметь дело с грубияном. Да как он смеет! Только что рассыпался в любезностях, а теперь и внимания не обращает. И почему это кажется так обидно? Не имеет значения, как Лоран относится к ней, главное, домой вернуться.

— Вы когда-нибудь слышали о фамильярах? — Лоран бросил ручку и отодвинул от себя бумаги.

— Нет.

Лиза пыталась вспомнить. Слово знакомое, но что оно означает?

— Фамильяр — магическая сущность, воплощенная в мифическом животном. Феникс, химера, единорог, саламандра, но, случается, и обычные коты принимают на себя эту миссию. Фамильяры есть у всех магов и ведьм. Это давно изучено и описано. Но есть и обратная связь. Причем, как у одушевленных, так и неодушевленных сущностей.

— Что такое неодушевленные сущности?

— Например, скрипка. Она сделана из трех пород дерева, струны из металла, смычок из конского волоса. Но у неё есть фамильяр в человеческом облике, как и у всех предметов.

— Удивительно!

— Это не столь удивительно, а вот то, что вы слышали её... — Звонок в дверь прервал их беседу, и Лоран поднялся из-за стола. — Надо открыть. Должно быть, это соседи снизу...

— Так мы все-таки затопили их?

— К несчастью. Мне удалось подвинуть время только на нашем уровне, а этажом ниже оно течет в обычном русле и низвергается вниз, например, в виде воды. Соседи в полной мере ощутили последствия вашего неудачного магического эксперимента.

— Не было никакого эксперимента!

— Это еще хуже, бесконтрольная природная магия создает большие проблемы... С вашего позволения, я открою? Иначе они начнут стучать. На редкость эмоциональные

соседи...

Морель вышел из комнаты. Лиза не хотела оставаться одна, она боялась — теперь уже всего! Магия, фамильяры... Нет, лучше уж пойти за Лораном. Безопаснее. Она оказалась и прихожей в тот самый момент, когда Морель широко раскрыл входную дверь.

На пороге стояла бабушка Тамара, живая и разъяренная. Лиза застыла, как соляной столб, свою бабушку она знала слишком хорошо, ошибиться не могла.

Бабушка Тамара вошла и, с угрозой наступая на Лорана, изрекла вместо приветствия:

— Лоран Морель, вы провели с моей внучкой целые сутки. Девушка оставалась в вашем доме. Вы скомпрометировали её и ответите за это перед судом присяжных Ведьм! Мы не позволим попирать права женщин Параллельного Мира! Свидетели, что вы там мнетесь на пороге? — Она оглянулась на вход. — Подойдите.

Вошли двое. Можно сказать мужчин. Только один со звероподобным лицом, которое за исключением носа и губ покрывала короткая светлая шерсть. Серые космы длинных волос, вытянутый вперед крупный нос и выступающие из-под верхней губы клыки наводили на мысль о волколаке. Облачен он был в черную кожаную куртку с заклепками и черные же кожаные брюки. От него несло псиной! Вторым вроде и обычный человек. Если бы не идеальная женоподобная красота и заостренные кверху уши — светлые прямые волосы не скрывали эту визитную карточку эльфа. Одет он был во все белое и пахло от него свежестью утреннего луга. Волколак с эльфом недружелюбно уставились на Лорана, судя по всему им хватило бы малейшего знака Лесной Ведьмы, чтобы броситься на него.

— Бабушка Тамара, — очнулась Лиза, — ничего не было!

Старая ведьма покосилась на халат и с осуждением поджала губы.

— Твоя одежда доказывает, что скорее было, чем не было! Суд разберется.

Пришел черед хмуриться Морелю. Такой поворот не входил в его планы.

— Мы можем обойтись без присяжных Ведьм? — попробовал он вступить в переговоры.

— Можем, — милостиво кивнула бабушка Тамара и взглядом приказала свидетелям выйти, — если будет заключен законный брак. Заключен и осуществлен!

— Я не хочу выходить замуж! — воскликнула Лиза.

— Тебя никто не спрашивает, — припечатала бабушка Тамара.

— Приготовление мороженого придется отложить, — констатировал Морель.

— Зачем же откладывать? Я хочу подтвердить свою профессиональную квалификацию. — Лиза была в ярости от всего происходящего. Если не прекратить этот разговор, то снова придется тушить пожар! — Хоть до свадьбы, хоть после. Здесь, или в вашем замке — мне все равно. Но как только вы достойным образом оборудуете там кухню!

Глава 5

Семейство Принца Датского

...Параллельный мир. В Парижском доме некроманта Мореля...

Ришар Морель скорым шагом шел от садов Ранелага по бульвару Ожье и дальше по Рю де ла Помп в сторону мэрии 16 округа Парижа. День был пасмурный, типичная переменчивая парижская весна, фешенебельный район, где селились богатые и знаменитые. Ришара не смущали пространственные наплывы, когда фасады начинали подрагивать, бледнеть и на месте современных вдруг вставали дома, которые помнили прежние времена. Желтые фасады с зелеными ставнями и шиферными крышами мансард, кирпичные арки, железные ворота. Сады за стенами поднимались куртинами платанов, каштанов и акаций. Где-то здесь можно было увидеть тот самый легендарный насос, что доставлял воду в замок Мюэтт. Но тут же эти картины сменялись современным городским ландшафтом. Тоже зелень деревьев, благородные, облицованные камнем фасады, кованые ограды фешенебельного Пасси (16 юго-западный округ Парижа на правом берегу Сены — прим. авт.)

Порталы искрились и меняли плоскость пространства, ломали трехмерность, открывались, закрывались.

Ришар искал нужный коридор. Белая Госпожа дала точные указания, исполнить которые следовало неукоснительно. Но для этого надо было войти в дом брата.

Ришар присмотрелся к табличкам все еще бесконечная Рю де ла Помп пересекает проспект Мартин, продолжается тянуться в сторону Венесуэльской площади. И конца не видно. Хотя... вот по нечетной стороне вилла Эрран, через несколько домов за ней авеню де Монтеспан, а по четной сплошняком стоят фасады. Здесь! Одна из стен справа бледнеет, колеблется и размывается, вместо дома открывается переулок. В реальном мире его давно нет, этот участок Рю де ла Помп много раз перестраивали. Но за порталом в тупике прекрасный особняк. Родовое гнездо!

Ришар шагнул вправо, повел перед собой рукой, развернулся через левое плечо и исчез в реальном мире, чтобы оказаться в параллельном.

Перед ним открылся другой Париж, прекрасный, загадочный, магический, населенный не только людьми, но и существами отличными от человеческой расы.

Гравий садовой дорожки хрустел под ногами. Перед особняком был большой сад, река, в новом мире упрятанная под землю, тут по-прежнему плескалась, бежала через сад, закручивая волны на быстрине. Ивы полоскали в ней серебристые косы. Вот и мост.

Наконец можно прийти в себя, отдохнуть дома, обняться с братом. Ришар нежно любил Лорана, при жизни они были не разлей вода, хоть и не погодки, разница в возрасте большая. В бессмертии это уже не имело значения — какие-то десять лет по сравнению с Вечностью. Впрочем, некоторые вещи оставались неизменны, например, Ришар все ноги сбил о булыжную мостовую бесконечной улицы Помп. И надо же было брату придумать обосноваться тут. Мог бы прекрасно жить в замке в Лиможе, там и места больше, и городская суета не досаждаст. Так нет, ему надо ближе к Сорбонне, не дают покоя профессорские лавры. И дела Ордена, безусловно тоже.

Кто бы мог подумать? Лоран — Великий Магистр. Вначале все возмутились — на этом посту многие видели старшего из братьев Морель, но Белая Госпожа решила так, и мудрость её оказалась безгранична. Традиции Тампля Лоран перенес в Устав Ордена Мертвой Розы, он вдохнул новую жизнь в великие начинания храмовников и готовился их воплотить. Вот за это Ришар уважал младшего брата. Орден был свято предан Белой Госпоже и при любых обстоятельствах оставался её опорой.

Ришар уже поднимался на крыльцо, обдумывая как лучше изложить брату суть дела, порученного ему Госпожой.

Времени было мало, все же стоило поторопиться и воспользоваться метро, а не плестись пешком по Рю де ла Помп. Ну или порадовать Лорана эффектным перемещением.

Просторный холл встретил Ришара тишиной и сыростью. И какой-то неприятный дух... не то чтобы пахло тленом... неужели брат занимается опытами в городском доме? Мертвая тишина вместе с паутиной висела под древними сводами. Что за грязь и запустение? Странно... Лоран поборник чистоты и комфорта. С каких это пор он живет как в бесхозном склепе?

Навстречу Ришару выкатилось нечто, похожее на череп и закрутилось под ногами. Да это и был череп. Следом за ним выбежал и остальной скелет, подхватил свою часть, водрузил на место и приветственно защелкал челюстью и замахал руками.

— Ничего не понимаю! Прекрати мельтешить костями! — приказал Ришар, — Где Лоран?

Скелет радостно закивал и протянул гостю блокнот с записями разговоров. На отдельном листке там было послание от брата. Остальное какая-то невообразимая чушь не его почерком, на староанглийском. Вот они плоды просвещения скелетов!

Ришар прочел и присвистнул.

— В Лиможе! Кто бы знал, а я сразу сюда махнул. Нельзя ли вызвать мессира Мореля сюда? Он мне очень нужен.

Скелет вновь начал усиленно жестикулировать. Ришар отрицательно покачал головой, он знал многое, а вот немой язык жестов — нет. Все когда-нибудь происходит с нами в первый раз. Придется изучить, но это со временем. Морель-старший протянул блокнот скелетону и сказал:

— Лучше напиши, будет больше толку. Идем в кабинет.

Из записки в блокноте, адресованной всем посетителям особняка в Безымянном переулке, Ришар узнал, что Йорик — управляющий, дворецкий и доверенное лицо мессира Лорана Мореля, профессора Сорбонны, ректора факультета медико-магических наук, главы Ордена Мертвой Розы, и прочая, и прочая... И что в отсутствие хозяина по всем вопросам следует обращаться к оному Йорику.

Но Ришару нужен был именно Лоран и как можно скорее! Морель-старший только собрался заявить об этом, как вновь отвлекся на странный запах, что так удивил его при входе. Чуткие аристократические ноздри Ришара затрепетали, и он, как борзая, пошел по невидимому, но осязаемому следу.

Источник запаха находился в кабинете хозяина дома. Когда Ришар туда вошел, он не только увидел, но и услышал. Даже глухой трехдневный покойник восстал бы из гроба при этих криках и женском визге.

Удивительная картина предстала взору Мореля-старшего. Люди в старинных одеяниях разыгрывали в кабинете брата странную пьесу. Принимали картинные позы и говорили все разом, из-за этого с большим трудом можно было разобрать смысл. Только отдельные слова и крепкие выражения. Ими изобиловала речь всех участников действия. А было там человек десять. Из них всего две женщины, остальные — мужчины. Двое в коронах, трое с обнаженным оружием. Самый высокий и внушительный рыцарь — в вороненых доспехах. Он опирался на двуручный меч и говорил громче всех, голос, как из бочки, доносился из шлема с опущенным забралом.

На гиганта в доспехах петухом насканивал невысокий тучный вельможа, с золотой цепью на груди и берете со страусиным пером. Колоритный персонаж, похожий на портрет Генриха Восьмого Английского, сыпал бранью, в выражениях не стеснялся.

— Клянусь всеми гвоздями с креста Спасителя, это еще надо доказать, — вещал он. — Мои права законны, я коронован архиепископом, по праву престолонаследования.

— Не может быть такого права при живом короле, — гудел из шлема рыцарь.

— Не может! — поддакивал второй венценосец, тоже высокий и представительный, он был с рыцарем заодно.

— А чем ты можешь доказать, что жив? — ерепенился коротыш.

— Если бы я знала, что ты жив, то разве связалась бы с этим убожеством! — рвала на себе рыжие кудри худая, плоская, как жердь, женщина, что постарше.

А та что помоложе, соблазнительных форм и невинностью во взгляде, с блаженной улыбкой протягивала рыцарю в доспехах букетик вялых незабудок.

— Милорд, возьмите цветочки...

Между ними метался молодой человек приятной наружности. Он был коротко стрижен по нормандской моде и затянут в щеголеватый бархатный колет с рукавами-буфами, в прорези которых выглядывала белая рубашка. Ноги облевали черные шоссы, позволяя любоваться безупречными бедрами и икрами. Ягодицы тоже были весьма притягательны, это Ришар отметил особо.

Юноша в колете хватался за голову, за меч, снова за голову и твердил:

— От этого можно сойти с ума!

Благообразный старец ходил за юношей, воздевал руки вверх, отчего широкие рукава его эскофеля развевались подобно крыльям.

— Успокойтесь, мой принц, успокойтесь. Мы всему найдем объяснение...

Ришар в душе согласился с ним — всему можно найти объяснение. Но в тишине. Он оглянулся на скелетона Йорика, тот беспомощно развел руками. Тогда Ришар прибег к простому, но действенному способу, хлопнул в ладоши и произнес заклинание оцепенения.

Все знают эту игру — «фигура на месте замри». Простейшая магическая вязь.

Участники комедии, или, может быть, драмы, остановились каждый в той позе, в которой их застало заклинание. Теперь Ришар мог спокойно обойти всех, осмотреть, а главное — обнюхать.

Для вампира запах имел гораздо большее значения, чем вид, а Морель-старший был вампиром самых голубых кровей. Он этим гордился и сожалел, что Лоран не согласился разделить с ним Вечность именно таким способом. Конечно, некроманты тоже бессмертны, но истинный аристократизм — путь вампира. Об этом братья спорили бесконечно, если оказывались вместе, что случалось нечасто.

Белая Госпожа не любила отпускать от себя Ришара. Разве что в исключительных

случаях и ненадолго.

Но что же со странными сущностями?

Очевидно, что это умертвия, но какие-то нетипичные. Ришар не улавливал ноток тлена в общем шлейфе могильного аромата. Зато что-то другое, незнакомое, присутствовало. Ох уж эти тайные эксперименты Лорана!

— Ты можешь мне объяснить, что здесь происходит? — спросил Ришар у Йорика.

Тот утвердительно затряс черепом, чуть не потерял его, но вовремя поймал и приткнул на место.

В этом доме все малахольные — с осуждением покачал головой Морель-старший.

Диалог с управляющим напоминал сцену из комедии Мольера в театре восковых фигур. Йорик и Ришар сидели за столом. Ришар задавал вопрос и получал из костлявой руки Йорика листок с начертанным ответом. Пробегал взглядом строчки, откладывал запись в сторону и снова спрашивал. Скоро на столе образовалась целая стопка листков, но Ришар так и не приблизился к пониманию происходящего. Ясно стало лишь одно: Лоран поднял всю эту ораву с целью узнать рецепт некоего снадобья, а Йорику поручил записать показания каждого участника преступления, в результате которого все присутствующие умерли в основном от яда. И только тот вельможа с рукавами-крыльями был заколот. А блаженная с цветами утонула. Все это напомнило Ришару сюжет популярной детективной трагедии сэра Вильяма, но полной уверенности не было. Оставалось дожидаться Лорана, а тот вот уже несколько дней отсиживался в замке под Лиможем.

— И когда хозяин собирался вернуться?

«Он должен был приехать еще вчера», — лег на стол очередной ответ Йорика.

— Что могло задержать его?

«Мессир не посвятил меня в планы».

— Может ли без него состояться малый капитул?

«Нет».

Прекрасно! Последний ответ Йорика вселил в сердце Ришара надежду. Малый капитул был назначен на завтра, значит, ждать оставалось менее суток. Так или иначе, Лоран вернется в Париж.

«Что мне делать с гостями? Я пробовал предложить им по просторному гробу в фамильном склепе Морелей, но они отказываются. Мессир Ришар, помогите!»

Слезная мольба Йорика легла поверх других реплик. Ришар на минуту задумался, он даже встал и прошелся по кабинету, бегло оглядел книжные полки.

— Непростая задача, любезный Йорик. Или мне называть тебя Шенкель? Кажется, так тебя нарек Лоран? Теперь я припоминаю, он рассказывал мне о своем неудачном предприятии в Дании. Итак, пусть будет Шенкель, если ты не против... Не трясчи черепом! Почему Лоран не закрепил его как следует?

В ответ последовала длинная череда жестов. Йорик Шенкель показал сначала нечто вроде обтекаемой емкости, активно потыкал сверху пальцами, имитируя наполнение, затем приложил фалангу указательного пальца ко лбу и принял позу мыслителя — это, вероятно, означало ум... или мозг. И снова потыкал в емкость

— А! — догадался Ришар. — Он держит твои извилины в банке! Не трясчи черепом и сказал, есть у вас какой-то жест, который означает согласие? — Шенкель сжал пальцы

правой руки в кулак, повернул ладонью к Ришару и наклонил кистью вперед. — Отлично! — ободрил скелетона Морель-старший. — А как будет «нет»? — Шенкель распустил кулак, согнул мизинец и безымянный, указательный и средний поднял вверх, большой отвел в сторону и резко собрал большой указательный и средний в щепоть. — Я понял. — Ришар повторил эти жесты. — Значит, вот так будет «да», а так — «нет». Уже легче. Это даже забавно. Найди мне книгу с этим языком, я хочу изучить его. Но сейчас мы сделаем проще. Неси сюда свои мозги.

Пока Шенкель бегал за мозгами, Морель-старший еще раз с пристрастием оглядел всю компанию разупокоенных особ. Не оставалось никаких сомнений, что половина экземпляров — королевских кровей. Но зачем? Какие цели преследовал Лоран? Об этом мог поведать лишь он сам. Ришара больше удивляло другое: как это брат не побоялся оставить всю ораву скандальных датчан в городском доме. Мало того что они провоняли тут все непривычным и весьма гадким аптекарским запахом, так еще шумят так, что в любой момент могут вызвать недовольство соседей и привлечь внимание жандармерии. Стражей порядка в шестнадцатом округе никто не отменял. Хоть безымянный переулок и не значился на карте города, но жандармы во главе с комиссаром вполне могли нагрянуть в гости. Лоран изводил соседей своими опытами. Из века в век, начиная с того времени, как младший отпрыск Морелей свел дружбу с флорентинцем Леонардо, осевшим во Франции, повторялось одно и то же. Неумная тяга Лорана к знаниям потустороннего и запретного, и как следствие — притягивание неприятностей на свой зад. Если бы не отец, который с бесконечным, поистине ангельским терпением вытаскивал экспериментатора из сомнительных передряг, то Мореля младшего и на пушечный выстрел бы не подпустили к городским стенам.

А Париж прекрасен, полон тайн. Ришар не отказался бы пожить тут, но Белая Госпожа не любит городской суеты.

Он критически рассматривал бледную деву с букетом незабудок. На первый взгляд, хороша, может быть, немного худовата, но бела и возвышенна, как готическая арка. Глаза светлые, ресницы длинные, губы нежные, нос прямой, лоб высокий, подбородок упрямый — своевольна. Безусловно невинна, а значит — скучнее воскресной проповеди.

Вторая женщина полная противоположность. Глаза темные, губы чувственно-надменны, брови с изломом, нос с горбинкой, скулы высокие. Достойный образчик, Королева, ничего не скажешь.

И ни одна, ни другая не могли бы привлечь брата, Ришар хорошо знал вкусы Лорана. Тогда зачем ему эти дамы? Неужели дело только в каплях?

Или вот этот нервный светловолосый принц? От таких любителей задавать вселенские вопросы одни проблемы. Не говоря уж о громиле в доспехах, тот без всяких вопросов полдома разнесет. В целом же паноптикум кладбищенский. Еще придворные, друзья и вечный студент-философ.

Вернулся Шенкель. Бережно прижимая к ребрам толстостенную стеклянную банку, подошел к столу.

— Ну что ж... посмотрим, что здесь у нас. — Ришар удвоил силу заклинания, чтобы разупокоенные еще некоторое время оставались в неподвижности. Теперь магическое плетение забегало по ним голубоватыми змейками.

Сам же он сконцентрировался и установил с содержимым банки ментальную связь. Это

было невероятно! Невозможно! Не вялая мозговая активность разупокоенной сущности, но ответная реакция живого человека. Если бы Морель-старший не держал ладони на благородном неверском стекле, то ни за что не поверил бы.

Но все происходило именно так, он мог говорить со скелетом, не прибегая к помощи записей. Более того, мог считать информацию, что во многом ускоряло и облегчало процесс.

— Значит, дело в тех самых каплях? — уточнил Ришар.

— Да, мессир. Хозяин давно ищет рецепт. Даже в Китай путешествовал, но на след напал именно в Дании. Он хотел, чтобы каждый из умерших рассказал то, что видел и знает. Тогда из частей составилось бы целое.

— Да, мы уже слышали это, — Ришар оглянулся на обездвиженных участников эксперимента. — Крайне неосмотрительно со стороны брата было поднимать всех.

— Началось с меня, — радостно ударил себя кулаком в грудь Шенкель. — То есть мессир Морель думал, что я — это он, — скелетон ткнул пальцем в принца, нарушил ткань плетения, и разупокоенный тут же схватился за оружие.

— Начинается! — Ришар восстановил защиту.

— Что мне делать с ними? — горестно воскликнул Шенкель.

— Их надо чем-то занять. Но беда в том, что при жизни эти особы не обременяли себя работой. Ничего полезного. Только притворство, интриги и развлечения. У принца еще страдания из-за несогласия с матушкой. Вероятно, возрастной кризис. Мой друг Зигмунд определил бы точнее, надо будет спросить его. Послушай! А предложи им разыграть комедию. Домашний театр. Это лучшее, что можно придумать. Мне же необходимо как можно скорее встретиться с братом. Продолжая искать рецепт, он навлекает на себя немилость Госпожи. Срок жизни всего сущего в её воле. У меня есть подозрение, что Лоран не вернется в Париж к назначенному времени, это усугубит и без того скверное положение дела. Если мы с твоим хозяином разминемся, то передай, что Белая Госпожа гневается на его непокорность. Пора отдать то, что он дерзнул взять без её позволения.

— Я все исполню, — поклонился Шенкель.

Ришар снял руки с банки и сбросил оцепенение с датчан.

— Миледи и милорды, — провозгласил он, — если вы не хотите провести ближайшие полгода стоя соляными столбами в подвале этого дома, то ведите себя прилично!

От такого обращения коронованные особы остолбенели без всякого заклинания или зелья. Они, вероятно, не привыкли к подобному и были возмущены настолько, что не нашли слов для отповеди дерзкого незваного гостя. А Ришар не стал дожидаться, когда дар речи к ним вернется, и предоставил Шенкелю самостоятельно разбираться с королевской четой и их приближенными.

Глава 6

Audience terminée

Время поджимало, Ришару следовало торопиться, чтобы успеть предупредить брата о надвигающихся неприятностях, ибо даже у всемогущего Магистра Ордена Мертвой Розы могли произойти в жизни события, последствия которых стали бы необратимы. Этого Ришар допустить не желал, а потому изменил своим привычкам и воспользовался прямым магическим порталом. Через несколько секунд Морель-старший вышел из светящейся романской арки в лиможском родовом замке.

Запахи удивили Ришара и здесь. Отнюдь не тлен и плесень, чего можно было бы ожидать, учитывая текущие изыскания брата, но ваниль и корица. Пахло парным молоком и свежей выпечкой, как будто Ришар попал на королевскую кухню в канун Рождества. Вампир вновь пошел на запах и быстро достиг его источника, на этот раз не в подвале, а на кухне.

Ришар любил замок Морелей. С этими стенами было связано множество счастливых детских воспоминаний, которые и в бессмертии дарили разуму просветление. Здесь братья жили с матерью, еще когда были людьми. Счастливое время! Ришар помнил рождение Лорана, счастливые глаза и нежную улыбку матушки, когда она пеленала долгожданного младенца. У дамы Бланшефлер было два сына: Ришар — приемный, Лоран — от тайного любовника, и три дочери от законного мужа. Стараниями Ришара его сестрицы также обрели бессмертие, и только Лоран отступил от вековых традиций и не позволил старшему брату подарить поцелуй вечности матери. Если бы Лоран не был так упрям, Ришару не пришлось бы сейчас, рассыпаясь на искры света и вновь собираясь воедино, влачиться по порталам. Сидело бы все семейство чинно и благородно за вечерней трапезой, проводило время в приятных беседах. А как хороши прогулки при луне! И сколько удовольствий можно испытать при дворе Белой Госпожи...

Но Лоран — это Лоран. Он с детства был упрям и своеволен. Всегда имел собственное мнение и не позволял на себя давить.

Чем же это так вкусно пахнет? Ришар дошел до кухни и замер, уподобившись разупокоенным датчанам. То, что он увидел, было невероятно. Кухня, наполненная не слугами, а современной техникой. Вместо камина — духовые плиты. Вместо выскобленных разделочных столов — стойки, а на них миксеры-блендеры, мешалки-взбивалки и прочая дребедень, которая заменила ручной труд.

Ришар терпеть не мог механизмы, Лоран их обожал. Но самым удивительным во всем этом кухонном великолепии были две женщины, которые управляли процессом. Молодая и старая. И Ришар мог отдать на спор один из своих вампирских клыков, что знает старуху! Несомненно, он встречал её на ежегодных шабашах. Но как Лесная Ведьма могла оказаться в лиможском замке Морелей? Ведь она сгорела вместе со своим домом, и прах был развеян по опушке Клеронского леса. Даже учитывая склонность Лорана к несанкционированным разупокоениям, невозможно было представить себе, чтобы некромант мог поднять и оживить кого бы то ни было из пепла. Заклинанием Феникса владела лишь Белая Госпожа.

Ришар вовремя спохватился и накинул на себя плащ невидимости раньше, чем был замечен женщинами. Старуха, правда, повела крючковатым носом и обшарила замковую

кухню цепким взглядом, но не заметила ничего предосудительного. Молодая была поглощена процессом взбивания яичных белков и даже не посмотрела в сторону Ришара, зато он мог разглядывать её сколько угодно. А заодно и слышать разговор женщин.

— Я говорила, что надо было взять те яйца, — сокрушалась молодая особа. Ришар отметил её привлекательность, девушка была куда красивее датчанок. И какой удивительный цвет глаз, точно как у матушки! Волосы рыжие, заплетены в косу, убраны в сетку — опрятная. Высокая, стройная... Да она и в платье матушки! Неужели Лоран позволил прикасаться к заветному сундуку? Недоумению Ришара не было предела. Девушка тем временем продолжала: — Они не взобьются, говорила же я, надо было взять белые!

— Сойдут и эти, — возражала старуха, — добавь немного лимонного сока. И что ты так стараешься?

— Он обещал, что отпустит меня, если я приготовлю точь-в-точь такое же мороженое, каким заляпала его праздничный камзол. — Девушка рассмеялась, не прекращая орудовать миксером. — Ты бы видела его лицо, слышала бы, как он на меня орал. Подумаешь, камзол, так чуть не придушил меня из-за этого! И если бы я в самом деле намеренно сделала, а то нечаянно. Не понимаю, как это случилось, откуда взялось мороженое? Я же только прочла рецепт.

— Конечно, ты не виновата, дорогая! Не печалься, но помни, лучше не читать вслух ничего незнакомого. Рецепт может оказаться заклинанием. Следовало тебя обучить кой-чему. Сейчас бы пригодилось. У тебя хорошие способности, и есть дар.

— Из-за него меня сюда притащили?

— Нет, — махнула рукой Лесная Ведьма, — не ты нужна была этому самодовольному некроманту, а я. Вернее, книга. Но так просто он её не получит. — Старуха сунула свой крючковатый нос чуть не в самую миску. — Почему ты не используешь кухонный комбайн? Взбивать белки вручную дольше и тяжелее.

— Как ты не понимаешь, вручную я чувствую пену. Её крепость. Не нужен мне комбайн... А вот, смотри, начали подниматься, скорее давай ваниль... — Девушка повернулась к Ришару спиной, и он отметил, насколько это позволяло облегающее шнурованное платье, что сзади формы рыжеволосой красавицы ничем не хуже, чем спереди. — Но я надеюсь ты пошутила про восстановление моего честного имени, репутации и всего остального? — спросила девушка, возобновляя сбивание. Блендер в её руках визгливо жужжал и мешал Ришару слушать. Но ответ старухи некромант разобрал хорошо.

— Нисколько, — усмехнулась Лесная Ведьма. — Раз уж так вышло, что мы получили этот козырь, так почему бы и не использовать его. В твоём мире это не будет иметь равным счетом никакого значения. А здесь ты приобретешь такие возможности...

Старуха снова оглянулась в сторону Ришара, очевидно, что чувствовала присутствие, на то и ведьма. Впрочем, увидеть не могла. И все же, в целях сохранения инкогнито, Ришар предпочел убраться с кухни. Из разговора женщин он понял, что они что-то замышляют против брата. Молодая, должно быть, тоже ведьма, яблочко от яблони... Но это все после, еще будет время. А сейчас надо разыскать Лорана и поговорить с ним! Важнее всего исполнить приказание Белой Госпожи.

Йорик Шенкель так и эдак крутил в костлявых пальцах записку от хозяина. Как послания попадали в дом, оставалось для скелетона загадкой. Они появлялись из ничего. Возникали и ложились на стол аккуратной стопкой. Эта записка была сто тридцать пятой по счету.

«Приглашенным необходимо приготовить комнаты, рыцарей Ордена селить в левом крыле замка отдельно от дам».

В предыдущих ста тридцати четырех записках содержались подробные указания по поводу проведения свадебной церемонии.

Протокол Йорик знал, но как успеть подготовить древнюю часовню к назначенному времени, где искать Верховного Пастыря, чем угощать рыцарей Ордена и, самое главное, из какого сословия приглашать подружек невесты? Подходящих женщин в доме Мореля не было, да и никаких не было, разве что разупокоенная королева с придворными дамами. Насчет них Йорик сильно сомневался. Но больше всего Шенкеля тревожил вопрос с свадебном платье. По какой моде следует его шить? В женских нарядах скелетон и при жизни-то смыслил не много, теперь же знания его безнадежно устарели. И тут Йорика осенило! Он даже подпрыгнул, пристукнув костями. Оставалось только найти способ донести до особы королевских кровей суть вопроса. С этим они могли бы помочь, а то слоняются по дому без всякой пользы.

И тут же возникло препятствие. Увы! Йорик не мог говорить, а Гертруда не умела читать. Она была неграмотна. Такое случалось, в давние времена её земной жизни женщинам следовало знать множество необходимых для жизни вещей, но грамотность в этот список не входила. Шенкель сгрэб все записки со стола и помчался к Ришару, скелетон был уверен, что тот придумает как быть. Уж если Морель-старший разобрался с мозгами в банке, то с разупокоенной королевой как-нибудь управится!

Йорик застал Ришара в библиотеке, старший брат Мореля был погружен в изучение пыльного фолианта, причем не за кафедрой, а прямо на лестнице, на уровне десятой книжной полки. Одной рукой он удерживал книгу, а пальцы другой пытался сложить в замысловатый знак «триединого начала» — в параллельном магическом мире язык жестов был гораздо сложнее, чем в человеческом. Шенкель, отчаянно жестикулируя, приблизился, но Ришар, увлеченный игрой рук, скелетона не замечал. Пришлось произвести шум — Шенкель уронил вазу. Намеренно. И, конечно, она разбилась. Китайский фарфор. Зато Рикардо поднял глаза от книги и взглянул на Шенкеля.

— А, милейший, что случилось на этот раз?

Скелетон продолжал объясняться жестами, он потрясал записками, щелкал зубами и крутил черепом.

— Поосторожнее, а то опять потеряешь голову. Сейчас я спущусь.

Морель-старший вернул фолиант на полку. Ришару хватило нескольких минут, чтобы понять, чего хочет Лоран от своего верного слуги. А вот чего хочет сам Шенкель? Скелетон настойчиво приставлял растопыренную пятерню костей к затылку. Корона? Убор для невесты? Тиара? Королева Гертруда!

О, радость — мессир Ришар понял! Скелетон с воодушевлением закивал, и его череп скатился на пол.

Ришар не был уверен, что это хорошая идея. Но если взять в расчет, что и скоропалительная свадьба брата — задумка весьма далекая от гениальной, то обратиться к королеве за советом насчет подвенечного платья не так уж и глупо. Торжества были не ко времени! Над Морелем нависли неприятности гораздо большие, чем брак. Рано или поздно Лорану пришлось бы жениться, если он хотел сохранить свое звание Великого Магистра и кресло председателя тайной ложи. По уставу лицо, занимающее эти посты, должно было состоять в браке и иметь наследника. Должность передавалась именно так. До Мореля Великим Магистром числился его почтенный отец. Это было очень давно, еще в те времена, когда бессмертным не позволялось руководить Орденом. Но по желанию Белой Госпожи в Устав Ордена внесли поправки, и Морель удерживался в почетной должности вот уже третью сотню лет. А с женитьбой все тянул. С этой точки зрения, может, и хорошо, пусть женится, это смягчит гнев Белой Госпожи, а гневалась она не на шутку. Ришару, как и всем остальным, не нравилось, что Лоран столько времени проводит в реальном мире, вот и сейчас, когда он так нужен тут...

Шенкель подал Морелю старшему очередную записку — непрочитанная, она легла поверх остальных.

— Все это суета сует, любезный друг, а вот свадебное платье — вопрос серьезный, с него мы и начнем, все остальное приложится. Итак, отправимся теперь в комнаты королевы. Она выбрала, наконец, с кем из трех мужей будет жить? Или из двух? Призрак отца принца Гамлета считать не стоит, бесплотное существо вряд ли сможет чем-то порадовать женщину. Разве что блаженную Офелию... Как затрудняет процесс общения твоя немота! Неужели Морель ничего не мог придумать? Он же некромант, ну нашел бы для тебя подходящее тело, соединил...

При этих словах Шенкель так затрясся, что стук костей стал похож на мелкую барабанную дробь. Скелетон принял скорбную позу Ангела, стенающего над прахом. Вероятно, он заметил это в фамильном склепе Морелей. Получилось смешно.

— Да ладно, — успокоил скелетона Ришар, — я пошутил. Очевидно, что здесь нужен особый подход. Примитивное оживление мертвой плоти не годится. Но пока братец изобретет нечто подходящее, мы можем пользоваться языком жестов. Я подобрал для тебя несколько книг, потрудись не просто прочесть их, а проштудировать с прилежанием, чтобы нам было легче понимать друг друга. Ну что ж, веди меня в комнаты королевы Гертруды. Я сам поговорю с ней. А ты можешь заняться изучением языка глухонемых и всем остальным.

Вдовствующая при двух мужьях и одном призраке мужа королева Гертруда сидела с придворными дамами за вышиванием. Девушка Офелия стояла рядом и выслушивала наставления.

— Вот, взгляни сюда, — королева ткнула пальцем в раму с натянутым холстом. — Видишь, здесь узор нарушен?

— Но вышло красиво, смотрите какие цветочки, Ваше Величество.

— Здесь не должно быть никаких цветочков! Только кресты. Это алтарный покров. Надо все распороть и отшить заново, — приказала королева придворным дамам. Те молча закивали. Королева соизволила заметить Ришара и милостиво ему улыбнулась. — Как приятно, что кто-то вспомнил о нас, — изрекла она, — в этом доме совершенно нечем заняться. Мы умираем от скуки.

— У меня есть замечательные новости для Вашего Величества, — поклонился Морель-

старший. Он хорошо знал придворный этикет.

— Мы готовы выслушать вас.

Королева Гертруда оставила вышивание и перешла в кресло у окна, расположилась в нем, Ришару сеть было не на что, это и понятно — в присутствии коронованных особ положено стоять.

— Мы готовимся к празднику, Ваше Величество, надеюсь, он развлечет вас.

— Что за праздник?

— Свадьба. Мой младший брат, хозяин этого дома, женится на достойной девушке из внешнего мира. Это все, что я знаю о ней. Но для свадебной церемонии нам необходимы некоторые вещи. Например, фата, платье невесты, обручальные кольца.

— Венок! Обязательно должен быть венок из флердоранжа. Цветы померанцевого дерева, — перебила Ришара Офелия.

— Как же вы мне надоели со своими цветами! — воскликнула Гертруда. — Помолчите! Что вы можете знать о свадебных церемониях! — Настроение королевы мгновенно испортилось. Ришар понял, что женщины терпеть друг друга не могут. Скорее всего, сказывался юный возраст Офелии. Девица, как известно, умерла молодой. Тогда как королева успела дожить до седых волос и расплывшейся фигуры. — Вряд ли мы сможем помочь вам, — заявила она, — гардероб наш истлел.

— Я приведу к вам модистку, нужны лишь указания, — попробовал умиловить королеву Ришар. — Эта свадьба чрезвычайно важна для нашей семьи.

— Но почему невеста сама не позаботилась о платье.

— В их мире все происходит иначе. Традиции там потеряли значение.

— Свадебные платья не обязательны?

— Боюсь, что так.

— Нет, вы слышали?! — Королева Гертруда скорбно сложила руки. — Если бы я позволила себе нечто подобное, что бы сказали подданные?

— Ах, какое безобразие! Это неслыханно! Трудно себе представить... — загомонили фрейлины, они рады были прервать монотонное шитье.

— Я не смогу вам помочь, — повторила королева, — поищите платье в другом месте. А вы за работу, за работу, нечего отлынивать! — приказала она фрейлинам.

— Милорд, возьмите... — начала было Офелия, но королева так строго взглянула на неё, что слова замерли на губах невесты принца.

— Вам, юная леди, следовало бы заботиться о собственном свадебном платье, — заключила Гертруда. Было очевидно, что с Ришаром она ничего больше обсуждать не собирается.

— *Audience terminée**, — подтолкнула его к двери одна из придворных дам.

Морелю-старшему ничего не оставалось, как принять поражение и покинуть поле боя с позором.

* * *

*Audience terminée — Аудиенция окончена (фр.)

Глава 7

Мамушка и тайная комната Лиможского замка

...Параллельный мир. Где-то в трехстах лье от Лиможа, в замке некроманта Лорана Мореля...

К Йорику Морель старший не вернулся, сейчас это было бы бессмысленно. Проблема подвенечного наряда отвлекла Ришара от главного, но как только она отодвинулась в сторону, с новой силой встала перед ним основная — что отвечать Белой Госпоже. Ведь это по её повелению он явился сюда, преодолев порталы нескольких миров.

Сколько времени необходимо Лорану для экспериментов? Сможет ли он осуществить задуманное? И не выдумка ли эти волшебные капли, на которые так уповает его любимый брат?

Если Морелю-старшему и было известно чувство любви, то в первую очередь — братской. Лоран многого не знал, он считал Ришара родным братом — все думали так, даже муж несравненной госпожи Бланшефлер, в девичестве виконтессы Дюбуа, по мужу — графини Вуайон. Пьер де Вуайон любил и сыновей, и дочерей, он был хорошим отцом и мужем, Бланшефлер искренне оплакивала его, но сама любила другого, ему была посвящена и предана, исполняла его волю. Потому и пошла на подмену — из двоих её сыновей старший был приемным, история эта сохранялась в глубокой тайне. И лишь одна свидетельница могла бы приоткрыть завесу — старая Мамушка. Она в собственные руки приняла тайное дитя от Белой Госпожи, а новорожденного отдала ей. Приемного мальчика нарекли Ришаром и воспитали, как первенца графа. Что стало с ребенком рожденным Бланшефлер — никто не знал, Белая Госпожа забрала его. Второму сыну могущественного возлюбленного прекрасной графини она позволила остаться в семье графа де Вуайон, простодушный Пьер до конца дней считал себя отцом обоих мальчиков. Разница между ними была в десять лет.

Портал рассыпался искрами за спиной Мореля старшего. Сколько же раз придется сегодня совершать перемещение. От этого голова уже гудит, как большой соборный колокол...

Извилистые коридоры и крутая винтовая лестница привели к хорошо знакомой двери. В далеком отрочестве Ришар часто скрывался в комнате Мамушки. Он был непокорен и изобретателен на шалости, но добрая кормилица всегда защищала его.

Морель-старший постучал, условных три удара долгих и два коротких, он и сразу бы признался, что находится в замке, но история с мороженым спутала все карты.

Дородная негритянка чистила миндаль.

— Дорогой мой Ришар!

С Морелем-старшим она не придерживалась строгих правил, кем бы ни стал Ришар и сколько лет бы ни прожил на свете, для Мамушки он оставался все тем же любимым сорванцом, вечно готовым на шалости. В вечерних молитвах каялась добросердечная кормилица, что любит старшего сына Бланшефлер больше других детей. Как взяла его на руки, так и прикипела сердцем. А и то сказать, хорош он был и в младенчестве, и в отрочестве, и в юности. С ангельской внешностью и невинным взором. Да и теперь...

— Мамушка! Вот ты где! — Ришар обнял её. — Я думал, как обычно на кухне.

— Нет, там теперь другие хозяйничают. — Она явно была обижена. — И до этого довелось мне дожить! Но зачем ты здесь, дитя мое? — Мамушка тискала и осматривала Ришара, как будто он был младенцем. — Хочешь орешков? Ты любишь миндаль.

— Да... — думая о своем, Ришар захватил горсть чищенных орехов из миски, сел на мамушкин бездонный сундук.

За долгие столетия своего бессмертия Морель-старший приучил себя ко многому, что сопутствовало обычной человеческой жизни и было отнято, когда он стал вампиром. С позволения Белой Госпожи, конечно, она видела в этом смысл. Ритуал вкушения крови стал необходим лишь раз в год, а дневной свет уже не вредил глазам. Алый огонь бессмертной сущности застилал их лишь в день осеннего равноденствия, когда вампирская кровь преобладала, но она же дарила Вечность.

— Я здесь, чтобы убедить Ларри оставить надежды на разупокоение и достойно предать матушку земле.

— Что ты, — всплеснула руками Мамушка. — Даже не думай подходить к нему с этим. Ты же знаешь, Лоран не слушает.

— Тогда его и спрашивать не станут. Есть силы способные заставить.

— Неужто Совет Причастных.

— Именно, — медленно произнес Морель. — Если это произойдет, Лоран лишится сана и свободы. Я не могу допустить такого. Свадьба, конечно оттянет время, но...

— Ты уже знаешь?

— Даже видел невесту. Недурна. Красивые глаза.

— И где он только отыскал её?! Еще и вместе с бабушкой. Несносная старуха! — Мамушка с удвоенной энергией принялась лущить орехи. Щипцы в её руках так и мелькали, и кожура сыпалась на пол. — После замету, — пояснила она, перехватив удивленный взгляд Ришара. — Это все нервы. Если бы не наши обстоятельства — ни за что не одобрила бы я эту свадьбу. Ни за что! Лоран торопится.

— Да, странно. А где он сам?

— Там, — Мамушка многозначительно указала глазами куда-то вбок и вверх.

— Я хотел бы поговорить с ним, но прежде успокой меня относительно наряда невесты. Придумай что-нибудь. Бедняга Йорик уже всю голову сломал... вернее череп, — засмеялся Ришар. — Повезло Лорану со слугой. Но о платье для невесты не он должен думать.

— А тут и думать нечего, я храню подвенечное платье госпожи. Оно подойдет, есть и фата, и венок, все, что необходимо. — Мелькание щипцов прекратилось, мамушка безвольно опустила руки на колени. Лоран заметил, как повлажнели её глаза. — Не верится, что он все-таки решился! После стольких лет печали о нашей любимой Бланш...

— Может, это и к лучшему. Если эта девушка вернет Ларри к жизни... — Ришар решительно поднялся с сундука. — Пойду к нему. Передам приказ моей госпожи и попробую убедить не противиться. А ты приготовь все, нам нужно показать капитулу достойную избранницу.

Мамушка безнадежно покачала головой вслед старшему брату Мореля, смахнула слезы со смуглых щек и поправила свой идеально накрахмаленный чепец. Не верила она, что её малыш Ларри покорится.

Перила широкой каменной лестницы были увиты гирляндами роз. Живые цветы. Казалось, будто кусты проросли через пол и укрыли лестницу. Белые и нежно-розовые, кремовые, алые, почти черные, — они источали тонкий аромат. Ришар поднимался ступень за ступенью и все яснее слышал музыку. Звуки скрипки. Он шел прислушиваясь и невольно отмечая, что мелодия изменилась. Не была спокойной. Металась и жаловалась. Раньше Лоран не играл так. Ришар сконцентрировался и сквозь мелодию различил слова:

— Я не потерплю того, что ты женишься! — стонала Скрипка.

— Не плачь, для нас это ничего не изменит, — убеждал Морель.

— Изменит, изменит, изменит! Ты меня больше не любишь! Лучше бы я умерла, сгорела, разбилась...

— Не говори так, я не смогу жить без тебя!

— Тогда не женись. Сделай так, чтобы невеста исчезла! Или я умолкну навсегда. Ты не сможешь играть для матушки!

Ришар дошел до площадки галереи и повернул к небольшой арке, за ней открывалась лестница в башню. Музыка возобновилась. Теперь Ришар не слышал ничего, кроме дивной мелодии. Если бы сердце его билось, то оно замерло бы при этих звуках. Морель-старший вошел в комнату и остановился у двери. Не окликнул брата, ждал, слушал и смотрел на нетленный труп своей приемной матери. Хрусталь надежно оберегал его, а розы из Сада Мертвых сохраняли. Малейшего дуновения свежего ветра хватило, чтобы труп рассыпался в прах. Но толстая крышка гроба была хорошо притерта и надежно запаяна изначальным огнем. Сам Отец Драконов сделал это, повинаясь заклинанию Силы. За свое долгое бессмертие Лоран произнес его дважды. Оставался последний третий раз. Ничто, ни в одном из миров не могло противостоять заклинанию, но еще одно обращение к нему превратило бы Лорана в пленника.

Лоран почувствовал присутствие брата, хоть стоял спиной к Ришару. Тот видел как поднимается и отходит в сторону согнутая рука Лорана двигая смычок, покачивается в такт музыке высокая широкоплечая фигура. Но вот, мелодия прервалась, рука со смычком опустилась, Лоран обернулся.

Встретив взгляд родных, так похожих на материнские, глаз, Ришар прочел в них вековое страдание и ни слова не произнес из приготовленных доводов, а лишь раскрыл объятия и шагнул навстречу брату.

— Я знаю, что она слышит! — промолвил Лоран, руки у него были заняты, и он не мог ответить на приветствие Ришара.

— Конечно, слышит, Ларри, ведь она спит, — Морель старший прижал Лорана к груди и оставался так. Потом отстранился, легко встряхнул брата за плечи. — Не время предаваться печали. Мы должны подумать о другом. Я спешил, чтобы предупредить тебя, хорошо что успел. Идем, нам надо поговорить. Но не здесь, не при ней.

Глава 8

Нинья Бьянка

— Позволь несколько минут побуду с матушкой, мне нужно принять важное решение. — Ришар отступил на шаг и заглянул брату в глаза. — А потом мы спустимся в скрипту.

— Хорошо, я буду ждать тебя за дверью, — согласился Лоран и медленно направился к лестнице. Казалось, он все еще пребывал между мирами, в том пространстве, что открывал живой голос скрипки. Шаг за шагом, как будто с трудом поднимался по ступеням. Словно невидимый груз отягчал его плечи. Или душу?

Лоран покинул комнату, а Ришар приблизился к саркофагу и склонился над той, что при жизни звалась его матерью. Он рано узнал, что это не так, от неё самой. И это ничего не изменило — Ришар любил её, почитал. Сейчас он мог бы используя силу огненного ключа отомкнуть хрустальный гроб и освободить душу Бланшефлер, но любовь к брату оказалась сильнее верности Белой Госпоже.

— Я знаю, что ты слышишь, там, где ты сейчас страшно и холодно, только музыка дает тебе силы и немного света. Прости, я пришел помочь тебе и не сделаю этого. Потому что помню твои слова! Ты хотела, чтобы я оберегал Лорана, я исполняю это и потому сейчас здесь. И продлеваю твои страдания, прости... — Ришар коснулся хрустальной крышки, внутри саркофага вспыхнул свет. — Да, я знаю, что ты слышишь! Твоя душа отвечает. Покажи мне тот день, я должен почувствовать это еще раз. — Свет внутри пульсировал, как биение сердца. Ришар опустился на колени перед гробом, прижал обе ладони к хрустальной поверхности. Свет стал нестерпим, он слепил и жег глаза вампира, теряя сознание от боли Ришар погрузился в мир видений.

Сон во сне, это не крипта Морелей, но тоже подземелье. Арки так высоки, что рассмотреть, что там вверху, не смог бы самый зоркий глаз. И вот оттуда, сверху, пролился ярким белым лучом свет. Опустился, достиг каменных плит и оказалось, что в луче стоит некто, закутанный в белое. Ришар был уверен, что женщина, и не ошибся, она медлила молча, потом отвела с лица покрывало. Он оцепенел, пораженный неземной красотой, это женское лицо соединяло в себе несовместимое. Жестокость и нежность, юность и зрелость. Женщина поманила, Ришар сделал еще один шаг, и свет поглотил его.

Теперь он уже не в подземелье — в обычной комнате. Вероятно, женской: зеркало с безделушками, простая постель, простыни, подушки и полог искусно вышиты незнакомыми яркими узорами. Запах пряностей тяжелый, сладковатый и горячий, от него воздух в комнате кажется густым, тягучим. Шумит в ушах. И очаровывает дивный вкрадчивый голос.

— Я ждала тебя, Рикардо, мой приемщик. Твоя мать поручила мне присматривать за тобой. Что же ты собирался сделать? Разве тебе дано решать о Времени ухода? Я не отпустила тебя.

— Прости, моя госпожа, я устал жить.

— Это от безделья, — усмехается она.

Ришару страшно, так страшно, что холодеет сердце. Но вместе с тем его влечет к ней. Он опустился бы на колени, целовал бы ее ноги, как раб, но понимает, не этого она ждет, не за этим позвала. Превозмогая человеческий страх, он смотрит ей в глаза. Ла Муэрте, Святая

Смерть, Сантита...

И вдруг называет, как называла в молитвах мать:

— Нинья Бьянка!

Он вспомнил! Или увидел в кружении ключьев тумана? Словно сон — странный, невероятный, еще один в бесконечной череде снов.

Память не оставила Ришару образа матери, но он был уверен, что в этом сне видит ее. Как она склоняется над колыбелью. А вокруг все настолько иное, самый мир другой. И то место, где женщина с добрым заплаканным лицом качает зыбку.

Большая комната, скорее зал. На стенах факелы, в очаге пылает огонь. Языки пляшут, стремятся вверх к резным деревянным балкам. Пламя отражается в щитах, развешанных по стенам, бликами скользит по шелковым знаменам, что свешиваются с балок. Глубокая ночь, а женщина все не спит. Она поет и поет колыбельную, как будто боится замолкнуть и не уследить за ребенком.

Потом вынимает младенца из колыбели, берет на руки и идет через коридоры и комнаты, по винтовым лестницам. Ришар незримо следует за ней. Она плачет, прижимает младенца к груди, целует влажные волосики на макушке. Поднимается все выше, лестница заканчивается перед деревянной, окованной медными пластинами, дверью. За дверью комната, в которой ничего нет, кроме длинного стола, покрытого черной скатертью. На столе разложены фрукты — виноград, груши, лимоны, яблоки, — перевитые лентами гирлянды цветов. Зажжены свечи, много тонких и потолще. В центре стола на большом серебряном блюде козлиный череп с выбеленными и покрытыми узором рогами. Этот череп пугает больше всего. Страх беспричинен, Ришару ничто не грозит, но воля скована, он хочет уйти из этой комнаты и не может. Женщина кладет рядом с черепом младенца. У Ришара от ужаса замирает сердце.

Что это? Жертвоприношение? Как это бывает в снах, он не может двинуться с места, не в силах помочь младенцу. Лишь ждет, цепenea, с болезненным трепетом предвидя, что она достанет жертвенный кинжал. Женщина разворачивает пеленки. Малыш радуется, гулит, тянет к ней ручки. Рыдание сотрясает ее хрупкое тело, женщина падает на колени, начинает горячо молиться. Язык незнаком.

— Санта Муэрте, миа челло, — ее голос дрожит, прерывается жалобными вздохами. Ришар начинает понимать, как будто за гранью яви и сна, в другом мире, в другое время он хорошо знал этот язык. — Святая Смерть! Моя добрая госпожа, молю тебя, услышь, приди! Взгляни на это дитя... Малыш прекрасный и беззащитный. Я не в силах защитить его! Но ты можешь, моя добрая госпожа Сантита, Нинья Бьянка, ты взяла у меня всех детей. Твоим даром для них была смерть, они стали ангелами, теперь они у Господа Нашего и Девы Марии Гваделупы. Но этому, молю тебя, этому даруй жизнь!

Распростершись на полу, женщина продолжает молиться долго и невнятно. Ришар не в силах выносить ужас, который сгущается, плотнеет, душит. Надо проснуться! Тщетно, сон тисками держит его разум...

Но вот женщина встает, взгляд ее безумен. Склоняясь над младенцем, она осыпает его поцелуями, бормоча нежно:

— Сыночек мой, Рикардо, прости...

Снимает с шеи крест или ладанку, Ришар не успевает разглядеть. Кладет между пеленами, заворачивает малыша.

А потом выхватывает из складок одежды кинжал. Мгновение — и острая, как бритва, сталь ранит запястья, вены вскрыты, кровь алыми слезами орошает жертвенные фрукты, цветы и младенца.

— Прими это, возьми мою жизнь, это выкуп за него, — произносит женщина, поднимает руки над алтарем, кричит в исступлении.

— Ла Муэрте! Я, Матильда Перригорская, заплатила тебе кровью испанских королей, ты не любишь кровавых жертв, но эту примешь! Слышишь ли ты? Я плачу тебе кровью! Рикардо теперь твой сын, я посвятила его тебе. Дай ему долгую жизнь! Взамен моей...

При этих словах все свечи на столе гаснут, ребенок заходится криком, а женщина падает замертво.

Тогда струйки дыма от задутых неведомой силой свечей начинают складываться в неясный белый силуэт, он повисает над столом, длинные одежды колышутся, накрывая ребенка. А в дверь уже молотят изо всех сил и слышны голоса:

— Откройте! Откройте!..

Дверь не выдерживает напора, сорвана с петель, в комнату вваливаются мужчины — они в кирасах, с обнаженными мечами. Останавливаются над телом матери.

Ребенка на алтаре — нет.

— Ришар, ты сказал, что выйдешь через минуту! — Лоран вернулся и тронул брата за плечо.

— Да, прости, я потерял счет времени, — Морель-старший поднялся с колен. — Теперь идем!

Братья выбрали для беседы самое уединенное место в замке — фамильный склеп. На триста три ступени вниз пришлось спуститься, чтобы попасть туда. За тяжелой дубовой дверью открылся сводчатый зал, пышная гробница главы рода Морелей. В центре, на возвышении, в мраморном саркофаге, останки графа Максимилиана Мореля, что защищая короля, погиб в битве при Дюсо пять веков назад. За этот подвиг род был удостоен привилегий и почестей. Вдоль стен многочисленные родственники Максимилиана, из колена в колено, все они по мужской линии принадлежали славной фамилии, род пресекся двести лет назад, в гербовых книгах была подведена черта. Что касается усыпальницы — её следа не смог найти ни один археолог. Наводнение размыло и утащило в небытие саму память о Морелях. Но не в параллельном мире. В другом Париже дело обстояло куда лучше. Замок остался цел, и подземелье по-прежнему хранило славные кости. Одно время в залы скрипты хотели перенести резиденцию Ордена Мертвой Розы, однако Лоран воспротивился этому, он не желал терять свою тайную лабораторию. И тогда Ришар уговорил Госпожу оставить все как есть. Поэтому капитулы проходили то в одном месте, то в другом. А Лоран без помех занимался запрещенными опытами. До поры до времени Госпожа закрывала на это глаза. Но Морель столько лет удерживал душу Бланшефлер!

— Лоран! — Ришар был уверен, что никто не может услышать их, толстые каменные стены подземелья и магические щиты, установленные братом, исключали малейшую возможность этого. И все же Морель-старший произнес вполголоса. — Я пришел, чтобы сказать тебе совсем не то, что ты сейчас услышишь. При мне есть приказ с огненной печатью Госпожи, но я не передам его тебе. Потому, что ты — мой брат.

Благодарная улыбка Лорана свидетельствовал о том, что Ришар может продолжать. Но она была слабой, какой-то безнадежной. И из чувств, которые сейчас испытал Ришар, самым

сильным оказалось сострадание. Он стремился помочь Лорану, как и много веков назад, еще до того, как Бланшефлер покинула мир живых. — Я как и ты, хотел бессмертия для нашей матушки. Его можно было получить гораздо легче... постой! Не спорь, — Ришар пресек горячие возражения младшего брата. На препирательства у них сейчас не было времени. — К тому же споры бесполезны, момент утерян, и мы должны следовать по пути, избранном тобой.

— А если я ошибся? Если средства нет?! — горестно воскликнул Лоран. С братом он был другим, куда подевалось хладнокровие и уверенность в себе. Вот так Великий Магистр. Растерян, ищет помощи.

Ришар никогда не позволил бы себе использовать это. Он любил названного брата и приемную мать, считал их родными. На всем свете у него никого больше не было.

Белая Госпожа — другое, не подчинение и не любовь. Он был посвящен ла Муэртэ, древний ритуал крови связал их навечно. Пока существовала Сантита — рядом с ней оставался и Ришар. Рикардо — так она его звала, но чаще «челло». С ним Сантита становилась женщиной. Ненасытно-страстной, неутомимой.

То что он совершал сейчас, по сути являлось предательством могущественной госпожи и возлюбленной. Что за наказание грозит ему, Ришар не знал и не слишком заботился об этом. Накажет так накажет. Лишит жизни? Он и без того мертв, откажет в милости, сделает изгнанником? Не все ли равно, на каком берегу встречать восход луны, соскучится Сантита — все равно призовет. Типичная логика счастливого любовника еще ни разу не подводила Ришара. А с женщинами он общался много. Еще до того, как истина открылась ему. Откуда Ришар мог знать, что родная мать посвятила его ла Муэртэ? Мало ли причин, по которым графиня Морель могла принять в сыновья подкидыша и выдать его за собственное дитя? Да хоть бы необходимость в наследнике. Возможно, у графа Мореля с этим возникли проблемы. Все-таки воин, израненный в боях, гораздо больше склонный проводить время на поле брани, чем в будуаре красавицы жены.

На остренькие клычки вампирши Ришар нарвался в тридцать лет. Хороша была графиня Ричмонд, дьявольски хороша! Но и коварна. За укус просила изрядную цену. Ришар до сих пор еще оставался должен по счетам её внучке. Сама-то леди Ричмонд благополучно рассыпалась в прах, когда законный супруг, уличив жену в неверности, пригвоздил её осиновым колом к ложу. В родовом гнезде Мореля-старшего неизменно тянуло на воспоминания. А предаваться им не следовало. Не сейчас! Когда мрачная тень гнева Сантиты нависла над ними.

— Средство найдется, ты почти достиг желаемого. Я видел в городском доме компанию поднятых членов королевского дома. Они в прекрасной форме.

— Это не моя заслуга, но эффект яда. Кроме того, я изначально ошибся! Нет никаких членов королевского дома. Эти сущности из другого мира. Они не совсем люди, вернее совсем и не люди, но воплотились силой великого волшебника слова. Он сильнее Мерлина и Морганы вместе взятых. Силу вдохновения дал ему не бог, а мой отец...

— Хочешь сказать, что Уильям тебе родня?

— Возможно, но я не уверен полностью. Здесь какая-то другая связь.

— Какой бы она ни была. Сейчас мы говорим о каплях. Вильям знал состав? Тогда почему ты вместо всей этой венценосной компании не разуспокоил его одного?

— Не нашел.

— То есть как?

— Могила в Стратфорде пуста. Это и навело меня на некоторые мысли. Но гипотезу надо проверить, а у нас не осталось времени! Ни на что. Ришар, ты хотел сказать мне... Но если это касается...

Брат догадался по непримиримому взгляду Лорана и прервал ненужные возражения.

— Нет, я не собираюсь советовать тебе явиться с повинной. У меня есть план получше.

— Значит, ты на моей стороне? Против Неё? — Лоран потрясенно замолчал.

— Я всегда за тебя, Ларри, — снова обнял его Ришар, — пусть мы не родные по крови, то Бланшефлер мне больше, чем мать. А ты — больше, чем брат.

Глава 9

Мерцающий покров

Лиза равнодушно смотрела на себя в зеркало. Свадебное платье было восхитительным, но это не радовало. В странном волшебном мире все происходило также неправильно, как и в том, из которого она исчезла. И стоило попадать сюда? Очень хотелось пожалеть себя и расплакаться. Слезы уже защипали глаза. Никто её не любит! Там дома — родители развелись. А что ей делать, если она одинаково любит обоих, а каждый хочет, чтобы Лиза была на его стороне.

А здесь? Будущему мужу как будто все равно, что Лиза выходит за него замуж! Чушь какая... А платье все-таки великолепно. Как у королевы. И тиара. Зачем такая пышность? Мамушка говорила о каком-то таинстве. Об Ордене. Лиза ничего не поняла. С каждой минутой ей становилось все страшнее. А вдруг она уже никогда не попадет домой? Маму жалко! И диплом тоже, ведь все же почти сдала. Остались эти чертовы десерты.

— Плакать нельзя — глаза станут красные. Это может повредить, решение будут принимать тайным голосованием, все члены Ордена, — пояснила Мамушка, расправляя на Лизе фату. — Вот теперь хорошо! Точно наша покойная госпожа, — Мамушка сказала и испуганно зажала руками губы. — Язык мой — враг, однажды доведет до...

Дверь в комнату раскрылась и вошли шестеро мужчин. В доспехах и белых орденских плащах.

Они встали полукругом, так, что при всем желании Лиза не смогла бы сбежать. А она собиралась. Но не вышло. Ей было не по себе, когда шесть пар глаз уставились на неё в прорези забрал. Рыцари были в шлемах. Вошел еще кто-то, но за высокими фигурами в долгополых одеждах невозможно было рассмотреть. А это оказывается слуги, Лиза не сомневалась, что именно слуги, двое юношей с открытыми лицами внесли странный предмет, похожий на плоскую чашу стол на трех ножках в виде птичьих лап. Вогнутая столешница являла взорам очертания материков и континентов, моря и горы, как это бывает на картах. И ни на одну знакомую Лизе часть земли рисунок в чаше не походил.

Стоило слугам опустить трехногий стол перед Лизой, как из дна чаши пробился росток. Он был похож на бобовый стебель, гибкий, светло-зеленый и быстро начал тянуться вверх. Мамушка, которую оттеснили в угол, радостно закивала оттуда и замахала руками, но ничего не сказала, ни словечка. Видно, не решилась.

А стебель все рос, выпускал ветки, он превращался в дерево! Удивительное, двухцветное, с одной стороны белое, с другой — черное. И листья на каждой из сторон также были противоположных цветов. Распустились цветы, завязались плоды. По шесть с каждой стороны. Полдюжины черных и столько же белых. Похожи на яблоки.

Каждый рыцарь сорвал по одному, остальные плоды продолжали расти, упали вниз, раскололись и выпустили прекрасных девушек, гибких как ветви, прикрытых лишь волосами. Белыми или черными. Девушки взялись за руки и поплыли в медленном танце. Сначала вокруг дерева, монотонно напевая, покачиваясь. В такт песне качались и освобожденные от плодов ветви.

Девушки кружились все быстрее, и Лизе никак не удавалось сосчитать сколько же из них светловолосых, а сколько темноволосых. Она понимала, что это важно, как будто

выбор. Голосование. Те плоды, что рыцари держали в руках, белые или черные преобладают? И как угадать их значение? Хорошо черные, или белые? Девушки разомкнули цепь, вереницей прошли по комнате и встали в круг.

Лиза оказалась в центре. Перед собой она видела двух светловолосых и одну темноволосую, оглянуться и посмотреть за спину не могла — оцепенела. Ни рукой, ни ногой пошевелить. Даже моргнуть не могла. При этом не боялась. Ждала, что будет дальше.

Девушки сомкнули круг и одновременно коснулись Лизы, она чувствовала их руки на плечах, спине, на лице. Её обнимали, гладили. И они все пели, пели, смеялись, шептали что-то на непонятном языке и снова затягивали песню, которая стала походить на шум ветра в ветвях. Потом отступили разом, взялись за руки и поднялись над полом. В волосах и на телах заискрились звездочки, девушки поднялись выше, они истаивали, а звездное сияние оставалось очертаниями их тел.

Когда осталось лишь мерцание, рыцари один за другим подошли и положили плоды у ног Лизы, также полукругом. Два черных и четыре белых яблока. Мерцающие силуэты девушек сплелись, раскрылись большим цветком, растянулись воздушным покровом и опустились на Лизу. Она оказалась скрыта дивной вуалью.

Рыцари расступились, и в комнату вошел Лоран Морель. За ним и другие люди, мужчины и женщины, но Лиза смотрела только на него. Лоран был неотразим в том самом парадном камзоле из-за которого все и произошло! Неумолимо приближался. Шаг, еще один, и еще... Теперь уже точно не сбежать!

— Синьоры Малого капитула решили в пользу невесты, — торжественно произнес один из рыцарей, и все они сняли шлемы. — Дерево не плодоносило много лет, — продолжал тот же рыцарь, — Девы звезд не выходили из него. Ныне нам явлено благословение Изначального. Союз может быть заключен. Шествуйте к алтарю.

Оцепенение спало с Лизы, Лоран протянул ей руку, она подала свою. Откуда-то взялась бабушка Тамара, легко связала их руки черно-белой шелковой лентой, двинулась вперед, увлекая за собой. И снова зазвучала и все усиливалась песня, теперь уже невидимых дев. А покров на Лизе мерцал все ярче.

Церемония напомнила Лизе обряд венчания. Во всяком случае, священник или жрец — как правильно назвать, она не знала, — говорил и говорил, эмоционально жестикулируя. Широкие рукава его сутаны развевались и взлетали вверх, как крылья диковинной птицы. Были и чаши с вином, и хлеб, и обмен кольцами. Лиза отвечала на вопросы, когда жрец спрашивал её. И на все только короткое «да».

Слабенькая мысль о том, что это сон или какая-то диковинная мистификация, все еще жалась где-то на задворках сознания. А тем временем Лиза и Лоран принимали поздравления, а может, присягу. Рыцари подходили один за другим. На них все те же орденские плащи, но лица открыты. Гораздо больше «братьев», как называл их Морель, уже, наверное, раз двадцать по шесть — Лиза сбилась со счета. На поздравление Лоран отвечал всем одинаково:

— Спасибо, любезный брат мой! — и обменивался рукопожатием. Лиза эхом повторяла за мужем:

— Спасибо.

Все это тянулось так долго, что голоса слились в неясный гул, а лица смешались в расплывчатую массу. Лиза упала бы, если бы её не поддерживал брат Лорана — Ришар. С ним она познакомилась также в процессе поздравлений.

Бабушка Тамара суежилась, являя собой чужеродный элемент в суровой сдержанности рыцарей.

И прекрасен был зал с витражами! Свет нисходил цветными лучами сверху, переливался на гладких колоннах, украшенных хрусталем. Как же они попали в этот зал? Лиза решительно не понимала. И как перенеслись из него в пиршественный? Или она отключалась и теряла сознание стоя? Разве это возможно?

Но вот они уже сидят за праздничным столом. Хорошо уже то, что сидят. И можно что-то съесть. Или нельзя? Лоран не притрагивается ни к кубку, ни к приборам. Тарелки с едой уносят от него нетронутыми. Лиза не решается спросить, почему он не ест. И надо ли ей также воздерживаться или все-таки можно обглодать вон ту чудесную баранью котлетку на косточке? Или хотя бы винограда пощипать! Но спросить не получается, и Лиза повторяет все действия за мужем. Желая лишь одного — чтобы все это поскорее закончилось и... может, удастся проснуться?

— Напрасные надежды, дорогая, — негромко произносит он, — вы не в царстве сновидений, и все, что произошло и происходит, имеет силу и значение.

— Значит, мы в самом деле поженились? — А это она спросила или тоже подумала?

— Согласно закону и обычаю, — подтвердил Лоран. Лиза даже обрадовалась, что он прочел её мысли. В конце концов, это удобно, не надо подыскивать слова и тратить силы на лишние разговоры. Достаточно подумать. Вот бы ей так научиться! — Это не сложно, надо лишь внимательно слушать.

— Что?

— Не сложно научиться, во всяком случае вам, — пояснил он. — У вас хорошие природные способности к ментальному общению.

— Я не замечала этого раньше, — Лизе стало забавно. Она решила проверить, в самом ли деле он слышит каждую её мысль. Вот, например, почему бы не перейти на «ты»? Разве муж с женой должны продолжать обращаться друг к другу официально?

— Наедине — нет. Если хотите, мы можем перейти и на «ты», — усмехнулся он. — А проверять меня не нужно, достаточно спросить.

— Хорошо. Почему мы сидим, как две восковые куклы? Остальные пьют, едят и веселятся. Даже смеются. Особенно бабушка Тамара...

Лиза оглядела длинный пиршественный стол. Праздник как праздник. Жуют, переговариваются, гомонят.

— Ваша бабушка всегда была веселой и общительной особой. Что касается нас, мы должны потерпеть еще немного и сможем удалиться.

— Куда? — Лиза перешла от думанья к произнесению. Вопрос живо интересовал её. И даже волновал. Если все это не сон, допустим, она попала в странный параллельный мир, где Париж остается Парижем, а вот его жители...

— В спальню, разумеется.

— В спальню, — обреченно повторила она.

— Это вас настолько опечалило?

— На самом деле — да. — Лизе было наплевать, слышат ли её сейчас и смотрят ли на них с Лораном. Обида за неправильность происходящего закипала внутри и просилась выплеснуться слезами. Почему все так? Праздник, нарядное платье, поздравления — и никакой радости. Так не выходят замуж! — Я вас не знаю, — попробовала объяснить она. — И вы меня тоже. Меня не радует тот факт, что на мне женятся по принуждению. Пусть даже

и в другом, не моем мире. Все равно обидно.

— Мне тоже это не нравится, но что же делать? Обстоятельства оказались сильнее нас. — Лоран накрыл руку Лизы своей. — Я постараюсь свести неприятные моменты к минимуму.

— Мы отсидим этот пир на весь мир, и я смогу вернуться домой?

— Боюсь, что наш брак осложнил вопрос вашего возвращения.

— Но вы же понимаете, что у меня есть семья, родители, учеба! Мне диплом получить надо! — Лиза повысила голос, и гости, что сидели ближе, повернулись к ней. Она тут же доброжелательно улыбнулась. Не хватало еще, чтобы её сочли скандалисткой. Разговор Лорана и Лизы привлек внимание бабушки Тамары, она сидела в кругу рыцарей достаточно далеко от новобрачных. Помахала Лизе рукой и воскликнула:

— Добра и счастья!

— Добра и счастья! — отозвались все и дружно подняли кубки.

Лоран встал и потянул Лизу за руку.

— Неужели еще и целоваться при всех? Пещерные обычаи у вас! — возмутилась Лиза.

— Нет, это необязательно, — сказал Морель, — хотя было бы правильным показать, что между нами согласие и приязнь.

— Поступайте, как знаете. Мне лишь бы поскорее уйти отсюда.

— Мы можем это сделать. — Лоран обнял её и все-таки поцеловал в губы. Но легко, без всякого чувства.

И это тоже было до слез обидно!

— Пожалуйста! А мы не могли бы вернуться туда, в вашу квартиру? Я не хочу в замок.

— Нет, мы должны удалиться в спальню, — со вздохом произнес Морель, а вот в глазах его никакого сочувствия Лиза не заметила, скорее смех. Нашел над чем смеяться!

— Хоть в спальню, хоть в прихожую, только бы прочь от этой толпы. Я устала.

Лиза не лгала. Она и в самом деле смертельно устала и от церемонии, и от пира. Не более всего от чувства беспомощности. Она как щепка в водовороте — её крутит и бросает туда-сюда, и ничего нельзя изменить. За обидной свадьбой последует еще более обидная брачная ночь. И есть ужасно хочется!

«Удалиться в спальню» не означало по-тихому уйти из-за стола. Проводы до двери превратились в целое действо. Им руководила бабушка Тамара. Она быстро организовала двух рыцарей в авангард процессии и двух в арьергард.

Безусловно, выглядело все торжественно и помпезно. Разряженные новобрачные и исполненные достоинства факелonosцы в орденских плащах. За ними толпа гостей. Лизе было странно, из смутных отрывочных сведений о рыцарских орденах она вычленила один неоспоримый факт: сообщества эти были полумонашескими и не предполагали брачных уз. То есть, попросту говоря, рыцарям нельзя было жениться, нарушителей гнали из Ордена в шею. А в этом параллельном мире все наизуоборот. Великий Магистр должен быть женат. Великий Магистр! Это же все равно, что король или президент! А она, выходит, королева или мадам президентша. Но это еще не так страшно, как то, что Морель — некромант.

Бабушка Тамара мельком обронила, когда помогала свадебное платье шнуровать, а не разъяснила, в чем отличия некроманта от человека или там вампира, или оборотня. Профессор, который Франкенштейна создал, он ведь был некромант? А Иешуа, который своего друга Лазаря оживил? И тот встал и пошел. Простой человек такого совершить не

может. Лиза ничего не знала о некромантах, а спросить уже не у кого. Поздно! До двери спальни дошли. Казалось, коридорам конца не будет, но вот та самая дверь, Лиза прекрасно её помнила!

Бабушка Тамара широко распахнула дверь, и факелonosцы уже собирались переступить порог спальни, а гости, что тянулись следом за молодыми, начали посмеиваться и перекидываться двусмысленными шутками в адрес Мореля и Лизы. Но Лоран встал в дверном проеме и жестом остановил рыцарей. Они повиновались ему, но не беспрекословно.

— Ты хочешь нарушить обычай, экселенс? — спросил один.

— Да, любезный брат. Мы с девицей Елисаветой подтвердили обеты. Ни в каких иных проверках моя жена не нуждается.

Значит, еще и проверки грозили?! Лиза задохнулась от возмущения. Не много ли берут на себя господа рыцари?! Интересно, что именно и каким способом они проверять думали? Но высказать это она не успела, Лоран ухватил её за руку, втолкнул в комнату и быстро захлопнул дверь, начертав на ней некий знак, вероятно вместо засова. Лиза поняла про знак потому, что линии, что Морель проводил в воздухе, светились. Но как только они погасли, комната погрузилась в кромешный мрак.

Глава 10

В спальне новобрачных

Лизе стало страшно. Она боялась сделать шаг, и ей очень хотелось снова схватиться за руку Лорана.

— Я здесь, — услышала она. Понадеялась было, что обнимет, но он и не собирался. Судя по шагам, отошел в сторону. Вспыхнул огонек, начал перекачиваться из руки в руку некроманта, и когда Лоран кинул его вверх, то огненный шарик запрыгал по канделябрам, зажигая свечи. Через полминуты в комнате стало светло. Но не тепло! Пар шел изо рта. Разве теперь зима? У Лизы в голове все перемешалось.

— П-п-почему тут так холодно? — дрожа всем телом, спросила она.

— Потому что мои нерадивые ученики не разожгли камин. Когда меня нет в Крак-де-Шантли спальня пребывает в зимнем покое, согревать замок постоянно — слишком большой расход энергии.

— Понятно, у нас на даче отопление зимой тоже почти на ноль ставят, только чтобы трубы не разморозило, — клацнула зубами Лиза.

— Сейчас все исправим.

Еще один знак, вычерченный Морелем в воздухе, и в камине загудел огонь, а по толстым поленьям забегали ящерики.

— Это... что?! Саламандры?! — Лиза подошла ближе, чтобы рассмотреть их.

— Осторожнее, они не любят чужих, могут обжечь, — остановил Морель. — Я покажу вам сам.

Он наклонился к огню и протянул руку. Одна из саламандр прыгнула к нему на ладонь. Лиза вскрикнула в испуге. Но огненная ящерица не причинила Лорану никакого вреда. Он поднял руку, удерживая существо на раскрытой ладони, и заглянул в желтые глаза ящерицы.

— Однажды ты станешь драконом, — улыбнулся Морель. При этом его лицо, освещенное язычками пламени, что плясали на хребте и шипастом хвосте саламандры, показалось Лизе гораздо добрее, чем при первой встрече.

— Ну, что же вы стоите, располагайтесь — это наша общая спальня. — Морель вернул ящерицу в камин и стянул камзол.

«Наверно, в обычное время разоблачаться помогает слуга» — предположила Лиза. А что ей самой делать, если шнуровка на спине?

— Слуг я отпустил, помочь вам с платьем могу и сам.

— А нельзя как-нибудь сделать так, чтобы вы прекратили лезть в мою голову? Чувствую себя жестким диском, который сканируют хакеры.

— Вы бы могли поставить защиту, если бы захотели. Я не проникаю в ваши мысли несанкционированно.

— То есть как?!

Лиза тщетно пыталась расшнуровать платье сама. Из этого ничего не выходило.

— Очень просто. Вы ХОТИТЕ, чтобы я знал их.

— Неправда!

— Просто не желаете признавать это.

Морель подошел сзади и ловко распустил шнуровку. Лиза подозревала, что на этот раз дело не в магии, а в жизненном опыте. Платье белым колоколом сползло к её ногам, Лиза

осталась в длинной шелковой сорочке.

— А где мой халат? — спросила новоиспеченная мадам Морель.

— В ванной.

— Я не хочу принимать ванну, — поежилась Лиза, — здесь все еще холодно!

— Надеюсь, что смогу вас согреть. Но прежде нам следует согреть постель.

Лоран снял с поставца серебряный сосуд, похожий на большую сковороду с крышкой, подошел к камину, снял крышку и тихонько свистнул, тотчас три саламандры запрыгнули в сосуд и забегали там по кругу, Лоран прикрыл грелку и засунул в постель.

— Можно было бы выпустить их прямо так, но будут шалить.

— А разве кровать не загорится, если они выберутся?

— Конечно нет. Огонь — лишь зрительный эффект, иллюзия. А тепло они излучают иначе, это сложный процесс. Долго объяснять, но если бы не было так устроено природой, то драконы горели бы изнутри, от собственного огня.

— Драконы могут жечь.

— Да, конечно, там другая схема, но внутренний огонь дракона схож с тем, что вы видите на спине саламандры. Драконий огонь становится опасен при соприкосновении с воздухом, огонь саламандры — нет. Но дерево хорошо разгорается от его жара.

— Вы так много знаете о фантастических существах?

— Я преподаю этот предмет в Магической Сорбонне. По меркам вашего мира можно классифицировать его как ветеринария, но в моем мире он гораздо сложнее в изучении, включает и историю возникновения, и классификацию, и способы лечения фамильяров и зооморфов, а также вопросы их размножения. И все это вряд ли подходящая тема для бесед в первую брачную ночь.

Лиза поняла, что он всерьез намерен исполнить супружеский долг. Теперь она уже не была уверена, что хочет этого. Происходящее все меньше походило на иллюзию. А если так, то... что будет потом?

— Вы не поужинали и сожалели о бараньей отбивной. По нашим обычаям новобрачным следует воздерживаться от пищи и вина за свадебным столом. Но никто не мешает восполнить это в спальне. Горячих чувств у нас друг к другу нет, так давайте устроим дружеский ужин?

— А разве некроманты... простите.

— Вы хотите знать чем некроманты отличаются от людей и нуждаются ли в пище и воде. — усмехнулся Лоран, — идемте, воздадим должное баранине, фруктам и вину, заодно я расскажу вам о семье Морелей, которая теперь стала и вашей.

Он предложил Лизе руку и подвел к изысканно сервированному столу.

— Сначала воздадим должное бараньей отбивной, о которой вы так печалились, — сказал он, отодвигая для Лизы стул. Потом перешел на другой конец стола и занял свое место. Все как в каком-нибудь историческом романе про французских аристократов. Лизе еще казалось временами, что она смотрит яркий костюмный фильм. Но, увы, реальность, в которую она попала, была такова, что приходилось признать — все совершается не на экране, а именно с ней, Лизой Полянкой. Здесь её называют мадам Морель, а муж на библейский манер Елисавета. Ну и ладно! Раз все настоящее, то и еда тоже. Лиза взялась за баранью косточку и с удовольствием вгрызлась в сочное мясо. Это было божественно вкусно! Но она чуть не подавилась, когда в комнате появился скелет! Живой! Такое бывает?!

Живой скелет — оксюморон. Но костяное создание, одетое в щегольской наряд с галунами нечто вроде сиреневой ливреи, почтительно приблизилось к столу. Скелет был с бутылкой вина, он собирался прислуживать. Если бы рот у Лизы не был занят — то она несомненно завизжала бы! А так только хлопала глазами. Скелет же мило улыбался и щелкал челюстью.

— А, это ты, Йорик, — благосклонно бросил ему Морель, — прислужи прежде мадам. Не бойтесь, он миролюбив и предан, — упредил он возражения Лизы, — никогда не причинит вреда членам моей семьи. — Давно ли ты здесь, друг мой? — спросил он у скелетона. Тот поставил бутылку на стол и принялся очень быстро жестикулировать. — Понятно, понятно. Значит и остальные с тобой? — уточнил Лоран. Йорик утвердительно кивнул и потерял голову. Тут Лиза все-таки завизжала, потому что весело улыбающийся череп покатился по столу прямо к ней. — Мадам! — воскликнул Морель, — Нас могут неправильно понять те, кто подслушивают под дверь. Посудите сами, они подумают, что я недостаточно вежлив, применяю силу. Et cetera.* — Он развел руками и укоризненно взглянул на Лизу.

Она замолчала и с трудом проглотила недожеванный кусок.

— Простите, я не ожидала.

— *Mia culpa* (моя вина — лат.), все не соберусь закрепить её, голову Йорика. Иди, друг мой, не оставляй королевское семейство без присмотра, я сам поухаживаю за мадам.

Скелетон смущенно поклонился, забрал свою часть со стола и насколько мог неслышно удалился.

— Куда он ушел? Вы же заперли дверь, — сказала Лиза.

— Здесь есть еще одна, там, за гобеленом. Кроме того замок сам создает их при необходимости.

— Создает что?

— Двери и порталы. Вот, например, Йорик, он бы добирался сюда из Парижа если верхом — два дня, на машине четыре часа, ну а через портал мгновенно. Впрочем некоторые не любят этот вид перемещения. Например, мой брат Ришар. Попробуйте вина, оно поможет вам расслабиться.

— Мы так далеко от Парижа? А мне казалось... нет, мне ничего не казалось! Я не знаю, что вообще может мне показаться! Я хочу домой, вы обещали.

Морель встал, подошел к ней, взял бутылку, оставленную Йориком и наполнил бокал Лизы.

— Да, я обещал. Очень редко я нарушаю слово, но в данном конкретном случае ничего не могу изменить. В нашей ситуации *C'est un mal necessaire, ma cherie*. (Это неизбежное зло, моя дорогая) *Voulez-vous coucher avec moi?* (Не хотите переспать со мной?)

— Что?! — Лиза поперхнулась вином и закашлялась. Красное винное пятно расплылось на шелковой сорочке. Морель коснулся груди Лизы в этом месте.

— Нам не удастся выдать вино за кровь. Выпейте еще и пойдём в постель.

Мысли Лизы судорожно заметались. Она конечно понимала, что её пребывание тут, подковерные игры бабушки Тамары, церемония — все это неизбежно приведет к брачной ночи, но надеялась, что как-нибудь обойдется. Что Морель не станет делать этого. Ведь по сути брак их фиктивен, он вынужденный, а не по любви. Любовь. Почему так грустно, что её не случилось? С Морелем? А могло бы?

— Выпейте вина, — Морель коснулся подбородка Лизы, приподнял её голову, а сам наклонился и глаза в глаза смотрел на неё. Лиза замерла. Она лишилась воли и способности

говорить. Руки стали как плети, а мозги, как кисель. И что за силу он имеет? По какому праву распоряжается?

— По праву законного супруга, — усмехнулся некромант и отпустил Лизу. Не поцеловал. Снова наполнил её бокал, сначала сам отпил половину, затем поднес к губам Лизы. Вино показалось ей горячим, Лоран поднимал бокал, вынуждая испить до дна. Лиза покорилась. С каждым глотком огонь разливался по жилам, сердце билось все чаще. Морель вернул пустой бокал на стол. — Вы хотели знать, кто такой некромант. Долго рассказывать, постепенно вы и сами поймете, но я скажу главное. Путь некроманта — Бесконечность. Предназначение — соединять миры. Служение — верность Белой Госпоже. И лишь одного не может наша сила, превосходящая все иные — дать жизнь. А теперь, идемте, мадам, нам пора подтвердить узы, наложенные брачным обрядом.

Легко сказать «Идемте» а если голова кружится? Нет, пару шагов Лиза еще смогла, а вот потом чуть не заплелась ногами и не рухнула посреди спальни. Лоран поддерживал её за локоть и успел подхватить на руки. Отлично, опять, как в кино. Несет на руках в постель. Лизе стало смешно. Или это вино так подействовало. Или от безысходности. Деваться-то некуда. Хоть кричи, хоть волком вой. Но смешно! Со стороны посмотреть — красивая пышная свадьба. И такая партия завидная, кто он там...граф...ха-ха-ха...графиня, мадам Морель...а сама Лиза по здешним-то меркам бесприданница. Ничего нет, можно сказать в одном летнем платьишке переместилась. Нет, с книгой еще. Книга ему нужна была, вот в чем вся соль...а может сода...или сахар. Сливки надо лить в уваренный сахар только горячие, иначе все убежит...и не получится карамель. Бежать...тоже не получится, а вот лежать — сколько угодно...ха-ха-ха...что за чудесная мягкая постель. Все, теперь точно все! Он уже раздевается...

Морель щелкнул пальцами и все свечи разом погасли, а огонь в камине спрятался в угли, и саламандры забились в них и замерли. Лиза повернула голову и смотрела на ящерок. Они ей нравились. Лоран вытащил из постели грелку и отпустил трех пленных ящерок к подружкам. На фоне камина в котором едва тлели угли Лиза увидела лишь темный силуэт мужа. Потом кровать прогнулась под ним. Лизе стало страшно. Очень страшно! Если он не живой — значит холодный, как покойник! Лучше бы вампиром был, как его братец. Про это Мамушка успела Лизе нашептать, а вот про будущего мужа ничего не сказала. Наверно тоже боялась. Все его бояться. Мамочка-а-а-а...

Лоран вздохнул и лег на спину рядом с ней.

— Я ничего не стану делать против вашей воли. Поверьте у меня есть более приятные варианты. И если бы ваша бабушка не грозила судом присяжных Ведьм, то...

— Я не знаю зачем ей это! — всхлипнула Лиза. Смеяться ей расхотелось и теперь хотелось плакать. Причем не в подушку, а желательно уткнувшись в мускулистую грудь некроманта. На ощупь он вполне нормальный. Когда нес на руках Лиза удостоверилась в этом. Только не поняла теплый или холодный. А если потрогать? Ей опять стало смешно. Да чем он таким её опоил?

Морель лежал молча, но Лиза прекрасно понимала, что он слушает её мысли. Да! И она хотела, чтобы он слышал. И даже мысленно произносила не очень хорошие слова в адрес его рыцарей, ведьм и всего прочего. А, еще вот про диплом надо подумать. Кто ей возместит ущерб? Столько лет училась, на круглые пятерки и вот...

— Давайте не все сразу, — сказал Лоран, — сначала я отвечу на первый вопрос, зачем

это вашей бабушке. Я её знаю как старшую Лесную Ведьму. В нашем мире все сожалели о её гибели, как выяснилось мнимой. Все что произошло с вами, с того самого момента, когда вы вошли в её дом, поднялись на чердак и достали из сундука волшебную книгу — произошло не случайно. Даже ваше желание приготовить забытый десерт было не совсем вашим. Мысли можно не только слышать, но и внушать. — Лиза перестала дрожать и успокоилась от звука его голоса. У Мореля был красивый голос. — Единственное совпадение, которого она не могла предугадать заключалось в том, что я, призывая духа столкнул свое магическое плетение с вашим.

— Но я не умею ничего плести!

— Я знаю. И уже говорил вам, что неуправляемая природная магия создает множество проблем, если не привести её в повиновение. Магия прежде всего — порядок и подчинение, строгие правила и законы. Без умения управлять духами и энергетическими узорами рун можно нанести вред себе и окружающим. Все могло быть гораздо хуже.

— Куда уж хуже, — буркнула Лиза. Она даже и не пыталась быть милой с Морелем. Разлегся и читает ей лекции, как своим студентам в Сорбонне. Лучше бы отправил домой. — А диплом? Что теперь будет с моей защитой? Если я тут останусь.

— Время в мирах течет по-разному. Вы сможете вернуться либо в тот же день и час, либо через сотню лет. Это зависит от некоторых деталей.

— Что? — Лиза так и подскочила. — Через сотню лет?! От каких еще деталей?

— От некоторых, — повторил Лоран и взял её за плечи, побуждая снова лечь. Руки у него не были холодными. — Мы слишком увлеклись посторонними разговорами. Со всей убежденностью я могу сказать только одно — Лесной Ведьме надо было связать меня обязательствами для того, чтобы потребовать нечто, чего бы я не стал делать добровольно. Но она просчиталась, мадам, в результате этой сделки я получил гораздо больше.

— Что же?

— Вас. Вы представляете значительную ценность и кроме всего прочего помогли мне выполнить один из важных пунктов орденского устава. Нам осталось только завершить начатое и тогда брак не сможет расторгнуть ни один суд.

— Но так нельзя... я боюсь, — прошептала Лиза.

— Теперь уже нет, — так же тихо ответил Лоран и обнял её. — Я постараюсь сделать это быстро и безболезненно.

* * *

* Et cetera — И так далее (лат.)

Глава 11

Настало время поговорить по душам

Лиза проснулась с тяжелой головой и не сразу поняла, где находится. Потому что находилась она не там, где уснула! Ни камина, ни старинной кровати с пологом, и вообще ничего, хотя бы отдаленно напоминающего замок. Но что-то знакомое все же было. Лиза осмотрелась. Светлые стены, большой зеркальный шкаф-купе. Это... Парижская квартира Мореля, точно! Лиза выбралась из постели, пробежала босиком к окну, отодвинула штору. Да! Тот самый вид. Парижские крыши и скверы. Линии улиц, вдаль Тур де Эйфель. Она с самого начала хотела сюда и даже просила Лорана. Вчера... Но он отказал. А потом... потом... Вспомнить о том, что было заставила боль. Ничего приятного в этом нет! А вот стыдно ужасно... Но как могло случиться, что она тут?

В соседней комнате слышались шаги и звон посуды. Там кухня. Все двери тут ведут в разные комнаты, а кухня всегда одна. Это Лиза хорошо запомнила. Все также босиком она пошла на приятное звяканье тарелок. Наивная, решила, что любящий супруг готовит ей кофе в постель. И круассаны греет в микроволновке. Да, как же. На кухне Мореля не было, зато там хозяйничала бабушка Тамара.

— Ну что? Как все прошло? — без всякого участия спросила она, не отвлекаясь от сортировки тарелок в кухонном шкафу.

— Ты еще спрашиваешь?! Ты...как ты могла?! — Лиза была готова перебить всю посуду. От обиды, что тут нет Мореля. Да ладно? Правда, что ли, из-за него? А не из-за диплома, или по причине застревания в параллельном мире? Не может быть. Некромант ей безразличен. Какое счастье, что бабушка Лиза не умеет мысли читать.

— Да, это верно, такие способности собеседника создают массу проблем, — Лоран появился не из портала, вошел в дверь. Из прихожей. — Доброе утро мадам Морель, — он церемониально поклонился и, несмотря на то, что одет был не в камзол, а в простые джинсы и рубашку, впечатление производил убийственно аристократическое.

— Доброе утро, ми... ме... — «милорд», или «мсье»? Лиза затруднялась, — Мессир, — нашлась она, припомнив, как называла Лорана Мамушка...

— Здравствуй, зятек, — усмехнулась бабушка Тамара, — вовремя явился. Настало время поговорить по душам.

— Ну да, хорошее дело, души ведьмы и некроманта одна другой стоят, — усмехнулся он. — Но, может, сначала позавтракаем? Я принес круассаны, ну а кофе придется сварить.

Щеки Лизы так и запылали от смущения. Значит, он все слышал. Экстрасенс несчастный! И это слышал...

Морель засмеялся.

— Я научу вас противодействовать. Это не трудно, надо лишь воздвигнуть стену непроницаемости. Или мысленно поставить зеркало.

Бабушка Тамара неодобрительно поджала губы.

— Не время сейчас учить её, мы должны обсудить условия.

— Какие условия? — насторожилась Лиза.

— Тебя это не касается. Условия нашего брачного договора.

— Это почему не касается? — Лиза уже собралась спорить, но Лоран решил дело иначе.

— Брак уже подтвержден, — улыбнулся он. При этом Лиза покраснела еще сильнее.

Наверно, как помидор.

Бабушка Тамара недоверчиво взглянула на него.

— Могу ли я удостовериться в этом?

— Почему бы и нет? — пожал плечами Морель. — Спальня направо. А вы мадам, — он без тени насмешки посмотрел на Лизу, — садитесь за стол. Надеюсь, я был не слишком груб, — тихо добавил он и, как обычно, отодвинул для нее стул и снова придвинул, когда она садилась. Лиза уже начала привыкать к галантности мужа. Но ответить ему доброжелательностью мешали обида и стыд. Больше всего сейчас Лиза хотела бы остаться одна. И поплакать. Странно, что за слезливость на неё напала в этом параллельном мире. Дома такого не было.

— О каком договоре она хочет знать? — Лиза старалась не смотреть на Лорана. Почему-то на этой кухне он смущал её больше, чем в театрально-средневековом зале. Все эти рыцари, гости, пир.

— Да, рутина. Я тоже устаю от неё и сбегая сюда. К тому же нынешняя Сорбонна куда интереснее прежней. — подтвердил мысли Лизы Лоран. И к этому она стала привыкать. — Попробуйте круассаны, они с шоколадом и с ванильным кремом, — он достал поджаренные рогалики из крафт пакета. — Какие вам нравятся больше?

— С ванилью, — промямлила Лиза. Она ничего не могла с собой поделаться. По неизвестной причине Лоран заставлял её слушать и соглашаться.

— Наши вкусы совпадают, — он поставил тарелку перед Лизой и сел визави. — Ну что ж, пока госпожа Лесная Ведьма занята, мы с вами можем поговорить об одном важном обстоятельстве. Как я вчера упомянул, наш осуществленный брак в любом случае не принесет плодов. Это неизбежный побочный эффект моего бессмертия.

Слова Мореля шокировали Лизу, она не была готова к подобным разговорам. И не знала, что отвечать. Чтобы как-то сгладить неловкость и выиграть время она потянулась за круассаном. А что еще остается, когда так сильно нервничаешь? Только жевать. Во-первых, рот занят и отвечать не можешь по факту, во-вторых, отвлекаешься и лучше думаешь.

Лоран несколько не смущаясь продолжал, — Таким образом наш брак не причинит вам никаких неудобств ни в одном из миров.

— Угу... с той небольшой разницей, что я...перестала быть девственницей, — выпалила Лиза, поперхнулась и закашлялась.

— Надо было сварить кофе! — Морель встал, налил в стакан воды из тонкого крана фильтра, подал ей.

— Я должна это делать? Варить кофе...

— Ну не я же...

— А почему?

— Хотя бы потому, что это вы повариха.

— Я не повариха, а кондитер, — возмутилась Лиза.

— А также моя жена!

— Это не аргумент!

— Ну вот, вы уже и ссоритесь, как настоящие супруги, — удовлетворенно промурлыкала бабушка Тамара. Она вернулась в самый тот момент, когда Лиза собиралась кинуть недоеденный круассан обратно на тарелку и уйти в спальню рыдать.

— Мы никак не решим чья очередь варить кофе, — сказал Лоран. То ли пошутил...

— Тогда кофе сварю я, а заодно и расскажу о том, что заставило меня разыскивать вас, любезный зять, в лабиринте времени. — Тамара сопровождала свой рассказ неспешными действиями: достала турку засыпала в неё кофе, налила холодной воды из фильтра. — Вы безусловно правы, что называете меня лесной ведьмой, но в лесу меня чаще зовут Хранительницей. Я жила на границе мира людей и обитателями источников, скал и роц. Туманных заводей и Холмов. Холмами правит король Бринмор Рыжеволосый, вы его знаете, — она поставила турку на огонь.

— Да, я хорошо его знаю, король Бринмор прервал общение с нами в последние сто лет, а раньше мы встречались в Самайн, на Большом осеннем Совете, — подтвердил Морель.

— Почему же вы больше не общаетесь? — язвительный вопрос Тамары не смутил Лорана.

— На то были веские причины, которые я не вправе разглашать.

— Да все и так знают, — усмехнулась Тамара, — один из ваших рыцарей выкрал эльфийку и насильно удерживал её в комтурии, принуждая ухаживать за садом.

— Этот человек изгнан из Ордена и лишен титула. Бринмор принял наши извинения, инцидент был исчерпан.

— Все так, — Тамара приподняла турку, позволяя кофейной пене осесть и снова приблизила к огню. — К несчастью бедная эльфийка оказалась родственницей королевы Линоры, а та не простила обиды.

— Не простила, — нахмурился Лоран.

— Королева имеет огромное влияние на короля. И теперь упрямец Бринмор скорее даст вымереть всем единорогам в моем лесу, чем обратиться за помощью к Магистру Ордена Мертвой Розы.

— Почему ко мне?

— Кто же, кроме вас, справится со странной болезнью единорогов? А запретить моему родственнику доступ в пределы холмов не сможет даже король Бринмор.

— Так ты устроила все это из-за каких-то единорогов?! — воскликнула Лиза. От возмущения она даже позабыла о своих обидах.

— Не из-за каких-то, в том лесу обитают лунные единороги, их осталось очень мало, — пояснил Морель.

— Теперь всего два. Осталась пара.

— Если они не принесут потомство, то вымрут. — Тамара разлила кофе по чашкам.

— Этого нельзя допустить. Почему их так мало?! Я помню лунных единорогов короля Бринмора — они прекрасны и выносливы. Практически не болеют.

— Браконьеры виноваты, — Тамара поставила перед ним кофе. — Лунный рог омолаживает людей, охотники добыть его идут на что угодно, лишь бы проникнуть в Зачарованный лес. Но это не самое худшее из зол, которые произошло в Холмах. Король Бринмор хочет отделить свои владения, отгородиться от людей. Он забыл главный, общий для всех закон: «Вечные боги умирают, когда исчезает память о них». Холмы опустеют, Зачарованный лес на грани катастрофы.

— Но при чем тут я, — все еще не могла понять Лиза.

— Вчера мы породнились через брачный обряд, без вас это было невозможно. — Морель многозначительно переглянулся с Тамарой, та едва заметно кивнула. — Значит мы немедленно отправляемся в Лесные Холмы, — заключил он.

Глава 12

Король Бринмор Рыжеволосый

Уэльс. Королевство Лесных Холмов. Дворец короля Бринмора Рыжеволосого

Большой Лесной Холм многие сотни лет оставался резиденцией короля. Правление Бринмора Рыжеволосого ничего не изменило, внутри холма скрывался настоящий дворец. Покои королевы Линоры, покои короля, многочисленных принцев и принцесс славного семейства, придворных дам и рыцарей, что оставались при короле постоянно. Тронный зал, библиотека, подземный сад, кухня, подземелье, которое переходило в катакомбы с разветвленной сетью ходов. И много чего еще. К тому же все это имело способность к метаморфозам. Например покои короля: все оттенки зелёного и серебряного. Немного золота, но ненавязчиво. По желанию короля вид кабинета менялся со «средневекового» на «современный».

Средневековый же воссоздавал во всех подробностях большой зал замка века двенадцатого. Длинный стол, поднятый на возвышение, во главе стола резное кресло, по бокам — скамьи, застеленные коврами, на скамьях небольшие вышитые подушки для сидения, на нижнем уровне комнаты — поставцы с красивой золотой и серебряной посудой. Кубками и разными фигурками, причём сувениры были собраны отовсюду, а потому встречались и из мира людей — китайские, индийские, а были с Огненных островов от дружественных Бринмору Великих Драконов, или из Страны Грез, был даже кубок Мерлина, в незапамятные времена подаренный волшебником еще отцу Бринмора.

Окон в зале не было, но свет шел от больших, в виде деревянных обручей, люстр, укрепленных на цепях под потолком. В люстрах использовали не масло и не свечи, а какое-то особое вещество, которое не чадило и не давало ни дыма, ни запаха, но при этом горело ровно и ярко. На столе красовались фигурные, в том же стиле что и люстры, светильники из дерева и серебра. Стены зала украшали гобелены со сценами скачек фейри* на оленях, игрой в мяч, мирными стадами лунных единорогов с фейри-пастушками, танцами фейри в волшебных кругах.

Воздух в холме был сухим и тёплым, напоенным запахом сухих трав, что устилали пол. Камин ярко пылал, расцветали огненные лилии на сухих поленьях. У камина лежали три больших охотничьих собаки, похожие на колли, но чисто белые с красными глазами и более короткими и закругленными, чем у колли, ушами, но такими же острыми мордами. На собаках торжественно смотрелись красные кожаные ошейники с серебряными накладками.

Вся обстановка показывала типичную роскошь и изящество жилища знатных фейри королевской крови. И вся эта картина по мановению руки Бринмора Рыжеволосого легко менялась. Зал преображался в кабинет с дорогой офисной мебелью. Стол оставался на возвышении, но неузнаваемо менялся на современный, полированный, из мореного дуба, стулья с высокими спинками завершали превращение. А вот подушки на стульях оставались те же, что раньше были на скамьях. Чудеса!

Во главе стола, там где стояло резное кресло короля, утверждалось удобное, тёмно-зелёное с кожаной обивкой кресло-вертушка с закругленной спинкой и подлокотниками также из дерева, король не любил пластмассу, и конечно терпеть не мог металл, как и все

фейри.

В комнате ни окон, ни светильников, но сами стены испускали сияние, то зеленоватое, то белое, то красное, то радужное. От этого кабинет казался даже просторнее зала. Неизменным оставался и камин.

И в средневековом кабинете, и в современном, и на охоте, и в пиршественном зале — всегда рядом с королём были три белые эльфийские гончие в красных ошейниках.

А вот в одежде Бринмор Рыжеволосый был не так склонен разнообразию, обычно он не менял свой средневековый наряд, только если оказывался в «чужом» мире, тогда одевался как люди, чтобы не отличаться от толпы.

У себя же, в своих владениях, каким бы не был интерьер жилища, король предпочитал средневековую одежду. Зелёную серебристо-серую или алую тунику, шитую золотом или серебром, под туникой полотняную камизу, на ногах тёмные или светлые шоссы и кожаные шнурованные сапоги (если на охоту или в лес), а дома — невысокие мягкие башмаки с длинными носками.

На плечи надевал алый, зелёный или серебристый плащ, скрепленный эмалевой фибулой в виде трилистника клевера — подарок королевы Линоры, которым Бринмор чрезвычайно дорожил.

На семи стульях восседали на подушках королевские министры. Не то, чтобы Бринмор слишком заботился об удобстве советников, но по причине малого роста их вовсе не было бы видно из-за стола. Королевский Совет Большой скамьи составляли семь лепреконов: Антрэй, Барра, Броган, Гарбхан, Доно, Калваг и Киф.

Антрэй, как председатель занимал место подле Бринмора. Остальные сидели согласно своему положению в Совете. Все они были одеты в зеленые камзолы, а круглые шапочки сняли и положили перед собой на стол. Растрепанные волосы лепреконов торчали во все стороны, только Калваг сиял трогательной лысиной.

Господа Совет болтали ногами, обутыми в нарядные туфли с пряжками. До пола советники не доставали и потому очень не любили это мероприятие. В конце концов Бринмор мог бы и сам прийти к ним в холм-сокровищницу, там все было устроено под малый рост лепреконов. Здесь же в тронном зале они чувствовали себя неуютно. По окончании Совета с высоких стульев придется прыгивать, а на самом Совете при вступлении никак невозможно встать. Говорить надо сидя. И что заставило короля Бринмора созывать их столь поспешно?

Словно отвечая на этот вопрос король коснулся клавиш ноутбука, что стоял перед ним и на противоположной от камина стене зажегся большой экран, он отделился от стены и повис в воздухе, мерцающей голограммой.

Сюжеты из мира людей клипами замелькали на нем.

Столицы мира: Токио, Лондон, Париж, Нью-Йорк.

Мосты, современные автомагистрали, небоскребы, памятники, исторические центры городов, музеи. Потом люди — портреты и фотографии всемирно известных или никому не известных, старых, молодых, красивых, уродливых, мужчины, женщины, дети с родителями. И снова мир людей, дворцы, офисы, учебные заведения, богадельни и приюты, кладбища, надгробные плиты и снова дома, дома, дома. Море, корабли разных времен, поезда, самолёты. Небо, огненный закат, мир людей с высоты птичьего полёта, аэросъёмки.

Король смотрел на экран и угрюмо молчал. Он был величествен и печален. Молчал и первый министр и остальные члены Совета.

Король Бринмор погасил жестом экран, поднялся со своего места и заговорил.

— Вы видели это, милорды Малого Совета, теперь я скажу. Долгие века мы жили никак не беспокоясь о том, что происходит в мире людей, но сейчас пришло время всем нам прекратить внутренние распри, взглянуть внимательно на их мир и задуматься. Люди не изменились. Они всё так же алчны, ищут клады — при этих словах лепреконы энергично закивали. А Бринмор продолжал, — Люди лживы, жестоки, самонадеянны, надменны, не умеют любить, но они стали намного сильнее. И невозможно не обращать на это внимания. Страшно не то, что они вырубают леса, уничтожают поля, загрязняют моря и реки, осушают болота, срывают с лица земли наши холмы — всё это мы сохраняем в невидимом мире Волшебной страны, но нельзя допустить, чтобы они узнали дорогу к нам. Если мы не закроем наглухо все пути, то и здесь они погубят то, что мы любим и бережно храним. Люди не должны знать о нашем существовании, а те кто знают, пусть позабудут. Век человека короток — через два-три столетия они перестанут вспоминать о нашем мире. И сейчас в их представлении мы — легенда, но и это должно исчезнуть и превратиться в пустоту, в провал в памяти человечества. Для этого никто, я повторяю НИКТО не должен видеть нас, не должен слышать наши голоса, получать от нас знаки внимания, подарки. Ничего, никаких свидетельств того, что мы существуем. Нельзя делать добро, или вредить людям, во всяком случае, вредить так, чтобы они поняли откуда исходит угроза. Королевство Лесных Холмов отныне и навсегда закрыто для мира людей.

Ослушники из всех племён фейри, в пределах подвластных мне земель будут наказываться самым строгим образом, согласно новым законам Королевства. Большого я пока сделать не могу, моя власть распространяется не на всю Волшебную Страну, и, чтобы установить новый закон повсеместно, необходимо согласие всех правителей. Но вы знаете, что мои действия были одобрены Собранием Правителей, и, я надеюсь, не за горами то время, когда мы сможем жить спокойно.

— Милорд король, — подал голос Антрэй. Он единственный из лепреконов осмеливался возражать вспыльчивому Бринмору, — так ли виноваты люди? Нет ли иной угрозы? Гибель лунных единорогов — проблема внутренняя, она никак не связана с контактами...

— Вы всегда встаете на сторону людей, сэр Антрэй! И мы догадываемся почему! Все наслышаны о вашей дружбе с лесником, — отрезал Бринмор.

Лепреконы снова закивали, Антрэй потупился, нещадно дергая ленту на своей шляпе, пока не оторвал её совсем. Расстроился, и это придало ему решимости.

— Осмелюсь напомнить Вашему Величеству, что в Совете были голоса и против.

— Да, я помню, — грозно сдвинул рыжие брови Бринмор, — Фейри лесов всё ещё не согласны, они упорствуют и хотят внести поправки, оставить наш мир открытым для избранных и для детей. Вот к чему приводят эти демократические новшества, которым они учатся у людей. Но фейри лесов в меньшинстве, они всегда отличались от других племён фейри и не думаю, что сейчас к ним кто-либо прислушается всерьёз. Не их ли попустительство и привело к гибели лунных единорогов? Это предстоит выяснить, будет составлена комиссия наблюдателей, они докопаются до истины. Госпожа Мара уже занимается этим, по моей просьбе она отправилась собирать сведения. Но сейчас мы поговорим о делах внутри подвластных нам владений. В Королевстве Лесных Холмов новые

законы должны соблюдаться неукоснительно.

Бринмор неодобрительно посмотрел в сторону Калвага, который в продолжение длинной речи три раза клюнул носом над протоколом.

— Лорд секретарь, я должен обратить ваше внимание на важность того, что сейчас будет сказано, и прошу записать это дословно, — возвысил голос Бринмор.

— Да...да...Ваше Величество, дословно... — макнул перо в чернильницу Калваг.

— Итак! — Бринмор поднял указательный палец правой руки, а левую положил на спинку кресла, — За любой контакт с людьми фейри понесут наказание. В соответствии с тяжестью проступка определяется степень строгости. сэра Антрэй, вы должны проследить, я поручаю Малому Совету заниматься обвинениями по этим делам и выносить бы решения в срочном порядке. Первое и самое мягкое наказание — ограничение контактов с другими фейри, то есть пожизненная изоляция.

— Осмелюсь уточнить у Вашего Величества. Действительно ли ограничение контактов с людьми включает также и контакты с человеческими детьми? — спросил Калваг и голос его при этом дрогнул.

— Да! Без всякой разницы с детьми или со взрослыми. И судить без всяких смягчающих обстоятельств! — неумолимо подтвердил король, — За союз со смертными — изгнание, без права вернуться в мир фейри. Лишение всех способностей фейри, дабы они не могли показывать их людям. Далее — невозможность общаться с родными и друзьями из мира фейри. И самое главное — лишение памяти в Волшебной стране. Фейри, которые осмелятся на союз со смертными, навсегда забудут не только путь в нашу страну, но и всё своё прошлое, ВСЕ ВЕКА своей жизни. В новом мире они станут потерянными душами без памяти. Вы записали это?

— Да...да...Ваше Величество.

— Само собой разумеется, что изгнанные теряют бессмертие и становятся в этом схожи с людьми. — подытожил Бринмор, — Приготовьте добавления к кутюмам Королевства Лесных Холмов, я подпишу их на следующем Малом Совете.

— Да, милорд король, — сидя поклонился Антрэй, выглядело это нелепо. И он все крутил в руках оторванную от шляпы ленту, что выдавало волнение и несогласие.

Король отвернулся, всем своим видом он показал, что не допустит прений.

— Последнее, что я хотел бы обсудить сегодня — это экспорт и импорт товаров морскими путями. — перешел Бринмор к следующему вопросу, — Мне хотелось бы знать, почему сорваны поставки драгоценных камней?

— Осмелюсь напомнить Вашему Величеству, — подал голос красавчик Киф, который недавно был назначен лордом казначеем, — Транспорт с рубинами прибыл ещё вчера.

— Разве я не повторял вам много раз, мне нужны зелёные камни! — вскричал Бринмор

— Но в холмах больше нет зелёных, Ваше Величество!

— То есть как это нет?

— Ресурсы наши истощились, лунные единороги не бродят по тайным тропам и земля не открывает залежи камней. Остаётся только одно — закупать их на стороне, — развел руками Киф. А остальные лепреконы снова энергично закивали.

— Так в чём дело? Закупите.

— Те камни, которых вы требуете можно доставить только морем. — напомнил Бринмору Антрэй

— Разве это такая большая проблема? Зафрахтуйте корабли. — продолжал гневаться король.

— Вот это и есть самая большая проблема. Викинги все в набегах, пираты в южных морях. На рейде стоит только Летучий Голландец, но на нём теперь новый капитан, и мы не знаем можно ли ему доверять. — оторвался от записей Калваг

— И кто же теперь там капитаном? — спросил Бринмор

— Какой-то никому не известный капитан Вильгельм, говорят он бессмертный...

Король обвел Совет взглядом, но лепреконы опустили глаза, им не хотелось сердить Бринмора еще больше.

— А что слышно о капитане Якобе?

— Он пропал где-то в затерянном мире, — вздохнул Калваг.

— А жаль...и я же говорил ему, что стоит сменить компас. Это не пишите. Хорошо Вильгельм, так Вильгельм. Нет такого пирата, которого нельзя было бы купить с потрохами за хорошие деньги. Не люблю я вязаться с нежитью, да делать нечего. Жаль, что Якоб пропал, очень жаль...мы любили его шутки и талант к переговорам. Ладно, отправляйтесь к капитану Вильгельму, зафрахтуйте «Голландца», выдайте ему капёрское удостоверение для свободного передвижения в северных морях и свяжитесь с моим братом Мередилом, пусть устроит так, чтобы кораблю не чинили препятствий ни в каких водах. Плыть на этот раз придётся далеко, в Италию.

Первый Министр и остальные лепреконы в один голос:

— В Италию?

— Да, поскольку того, что мне надо, тем более нет в наших холмах. Мне нужен новый материал, он называется бисер. — Милорды Совета с недоумением переглянулись, но Бринмора это не смутило. — Видом он напоминает разноцветные зёрна, бывает совсем мелким, как просо, а бывает и с чечевицу, самых разных цветов, он блестит, как роса на траве в лунную ночь, или сверкает лучше драгоценных камней в яркий полдень. Я хочу сделать для Королевы нечто необыкновенное и мне нужен этот бисер, найти который можно только в Италии. Если через три дня... — Бринмор перехватил умоляющий взгляд Антрэя, — хорошо, через неделю заказ не будет выполнен, весь кабинет министров...

На пороге кабинета без предупреждения появился еще один лепреконт, не из членов Совета. Он сделал страшные глаза и различные жесты руками. Показывал, шевеля пальцами, будто за спиной у него длинные волосы, а потом растопыривал пятерню на голове, что означало корону. Король понял и быстро вышел из-за стола.

Лепреконы также встали, вернее соскочили с высоких стульев.

Король повелительным жестом отпустил членов Малого Совета.

— Милорды, позволяю вам удалиться и выполнять мои приказы.

Лепреконы ушли через потайную дверь. По мановению руки Короля кабинет приобрел вид пещеры, обставленной средневековой мебелью: стол на козлах, сундук, поставцы, на стенах пещеры гобелены. Все, как и было до превращения.

* * *

* Фейри — в фольклоре германских и кельтских народов. прежде всего — шотландцев, ирландцев и валлийцев, общее наименование сверхъестественных существ. К фейри

относятся эльфы и дини ши, Тилвит тег, Благой и Неблагий Дворы, и многие другие.

Глава 13

Королева Линора

Бринмор забыл лишь о ноутбуке, который так и продолжал светиться заставкой экрана, когда королева Линора вошла в зал.

Король сделал вид, что просматривает манускрипты. В последний момент он все-таки успел накинуть на ноутбук свой плащ. Когда Бринмор поднял голову от пергаментов и встретился глазами с королевой, взгляд его был невинен, как у младенца. Только не так-то просто было провести её величество этой мнимой простотой.

Венценосная супруга Бринмора была прекрасна! Ее одеяние благородных оттенков голубого — светлая камиза и темное сюрко, напоминало летнее небо, синий пояс, расшитый золотой нитью — блики солнца на водной глади. Золотисто-рыжие локоны королевы свободно ниспадали, укрывая Линору огненным плащом, фэйри не следовали обычаю людей укладывать и покрывать волосы замужним леди. Запястья королевы были перехвачены тонкими браслетами — в изящном переплетении золота сверкали звездочки сапфиров. Недавний подарок короля.

Король поднялся навстречу Королеве, подошел к супруге, поцеловал ей руку, подвел к скамье у камина, усадил и сам сел рядом.

Собаки вскочили, отряхиваясь, подбежали, принялись ласкаться к хозяйке и хозяину. Король ласково потрепал за уши самого большого пса, потом приказывал любимцу.

— На место, лежать... — И учтиво обратился к королеве, — моя госпожа! Что заставило вас посетить меня в неурочное время, которое вы обычно проводите за отдыхом или чтением?

Королева посмотрела прямо в глаза Бринмору.

— Нет смысла бродить вокруг да около, милорд, я пришла чтобы поговорить с вами о новых кутюмах.

Король заметно напрягся, но отвечать старался непринужденно.

— Вы напрасно беспокоитесь, миледи, это незначительные поправки, не более. Кроме того, в нашей семье не принято, чтобы женщины...

Линора не стала дослушивать то, что по её мнению могло задеть честь рода лесных фейри.

— А в НАШЕЙ — принято! Когда вы уговаривали меня стать вашей женой и спуститься жить в холмы, то обещали, что ни в чём не будете ограничивать мои свободы. Общение с людьми входит в их число, и ваш новый закон... Это... это ужасно!

— Откуда вы узнали о законе, который ещё даже не утвержден Советом и не подписан?

— Как вы наивны, милорд, — горько рассмеялась Линора. — Мне известно гораздо больше, чем вам кажется. Например вот это... Что это, кстати, там под вашим плащом?

Она указала на ноутбук.

— Это м-м-м... Модель, модификация...э-э-э... м-м-магическая книга, справочник.

Он откинул в сторону плащ и показал Королеве ноут, который выглядел уже как книга в старинном кожаном переплете с золотыми застежками.

— И кому это вы хотите отвести глаза? К чему эти дешевые эльфийские ухищрения? — покачала головой Линора, её легкого движения рукой было достаточно, чтобы компьютер приобрел свой естественный вид. — Природа вещей подчиняется мне лучше, чем Вам,

милорд, — напомнила Линора.

Ещё одно движение королевы и кабинет стал таким, какой он был во время Совета с министрами-лепреконами. Скамья у камина превратилась в современный кожаный диван.

Королева с грустной улыбкой смотрела на Бринмора. Он же, не желая признать поражение, отвернулся и, заложив руки за спину, принялся мерить зал шагами. Собаки подняли головы и следили за хозяином, поворачивая морды вправо и влево

С каждым шагом король все больше распалялся гневом.

— Узнаю, кто доложил вам и тогда...

— Напрасный труд, милорд супруг мой. Вы забываете что я — фейри лесов. И каждое, даже самое тоненькое дерево, куст, трава, всё что уходит корнем в землю знает о том, что происходит в её недрах. Ваш род лишь ищет убежища в холмах, под землёй, тогда как наш — питается силой и мудростью общей Матери. И всё, что слышит и чувствует она, так же и мы чувствуем и слышим. И нам больно, когда люди доставляют Земле страдания! У меня гораздо больше оснований ненавидеть людей и мстить им, и всё же я отношусь к ним терпимо, в отличие от вас.

— О, конечно, ваши излюбленные доводы о превосходстве родов лесных фейри, вы — высшая раса, ваша матушка предупредила меня, что с этим могут возникнуть определённые проблемы в семье.

— Вам следовало прислушаться!

— Я слушал своё сердце, миледи, только его!

— Так же как и я, милорд, так же как и я, а если бы прислушалась к разуму, то вряд ли согласилась бы сменить жилище в чаще леса на этот унылый сырой холм.

— Унылый сырой холм? Унылый?! Вот значит как?!

— Да, так, милорд! Если бы не наши законы и я не дала бы брачной клятвы навечно, то...

— Закон — это всего лишь закон, и его всегда можно переписать.

— Что вы и делаете! Веками мы жили так, как было установлено в начале, а вы теперь хотите всё изменить?

— Да, хочу, — отрезал Бринмор.

— Я выскажусь на Большом Совете против.

Эти слова окончательно разъярили короля.

— И не сомневаюсь, что вы глазом не моргнув, опозорите меня, ради того, чтобы сохранить связь с людьми.

Линор вдруг перестала наступать на мужа и успокоилась. Как только она поняла, что Бринмор всерьез расстроен, её главной задачей стало попытаться утешить его.

— Я не хочу выставлять наши разногласия на всеобщее обозрение. Но как мне быть? Разве есть другой путь?

— Другой путь есть всегда. В данном случае — признать мою правоту и поддержать в Совете. Вы можете убедить несогласных!

— Ни-за-что, — отчеканила Линора, но тут же смягчилась и тихо добавила, — что происходит, Бринмор? Что с Вами происходит, возлюбленный супруг мой?

Король опустил голову, отвел глаза.

— Я боюсь... боюсь, что все мы исчезнем, Линора. Мир перестал нуждаться в нас. И без моих запретов осталось слишком мало тех, для кого слово «фейри» значит нечто БОльшее, чем средство для мытья посуды.

Несмотря на напряженность и серьёзность момента королева вдруг начала смеяться.

— Средство для мытья посуды...ха-ха-ха! Ха-ха-ха... ну не хмурься, Бринмор, что ты в последнее время такой мрачный!

Король снова сел рядом с Линорой, глядя на неё невольно улыбнулся, но улыбка родившись в его глазах лишь отражением, тут же угасла.

— Ты не понимаешь, Линора, люди достигли очень многого. Они научились летать, использовать солнечный свет, силу воды и ветра, они оторвались от земли и поднялись так высоко, что увидели Землю в первородном Хаосе, который стал Космосом. Они передают на расстоянии звук и изображение, умеют развивать скорость выше, чем скорость света, вот в этом электронном приборе, — он указал на ноутбук, — содержится больше знаний, чем в моей голове, а ведь я живу на земле так давно...И за всё это время, что я сделал? Сундук серёг, браслетов и ожерелий для тебя... не более. Люди деятельны. В то время, как мы лишь созерцаем мир — они изменяют его.

— Изменяют в худшую сторону, не забывай. Потому я и против прекращения встреч с ними.

— Где тут логика? — изумился Бринмор.

— Хотя бы некоторые, увидев и поняв нас и наш мир, смогут изменять свой иначе, — пояснила Линора.

— Посмотри, моя госпожа! — По мановению руки короля стена с экраном исчезла и за ней открылась библиотека, шкафы под потолок сплошь уставленные книгами. — Вот их труды, их знания, лишь малая доля того, что создало человечество за то время, что я живу. И ещё... в их семьях рождаются дети, а у нас — всё меньше. За все годы, Линора, в нашей семье родилась только одна дочь, наследника нет. За что мы наказаны? — он опять встал и принялся ходить.

— По нашим законам наследовать может и девочка. О чём ты, Бринмор? Иди сюда, сядь со мной, — она протянула руки к королю. — Послушай и ты меня. Мир, которого ты так опасешься на самом деле влечет тебя. Разве нет? И почему ты скрывал от меня это столько времени? Ты говоришь, что мы исчезнем, канем в небытие в нашем замкнутом мире, а сам хочешь замкнуться ещё больше. Говоришь люди создали сами всё в чём нуждались? Но тот, кто создал их, Он же создал и нас, и Он знал всё наперёд. Миру людей нужен мир фейри, и так было и будет всегда. Друг без друга мы исчезнем. Во все времена, которых на самом деле нет, ибо есть только одно время и одна жизнь, всегда были те, кто не верит в нас и всегда их было больше. Те же, кто верили — в своём мире они становились изгоями. А ты, мудрый и справедливый, так же хочешь наказать наших братьев и сестёр? наших детей? Лишь за то, что они жаждут доискаться истины и не дать миру погибнуть? Они хотят как и ты — понять. Понять, что связывает нас! Успокойся... у тебя болит голова... Иди ко мне...

Бринмор послушался, Линора положила ладонь ему на лоб, потом обняла мужа. Некоторое время оба они молчали, слышно было только, как трещат поленья в камине.

— Нет! — Бринмор вырвался из объятий Линоры и резко встал. — На этот раз будет как Я сказал! То, что необходимо было узнать и понять, я узнал и понял, а вы ищите повода сдружиться с ними. Вы правы, миледи, мне следовало помнить. Ваша прабабушка вышла замуж за смертного из клана Макгрегоров. До сих пор в Шотландии помнят легенду о «знамени» фей, реликвии этого клана — волшебном покрывале, сотканном фейри для младенца — сына лаэрда клана и принцессы из рода лесных фейри.

— Это был клан МакЛаудов, — улыбнулась Линора.

— Не перебивайте меня, не имеет значения, Макгрегоров или МакЛаудов. Потом эта несчастная, которая не смогла жить с людьми, вернулась к своему народу, но постоянно бегала навещать смертного дитя. Она потеряла душу, перестала быть одной из нас по сути. Не человек, не фейри... Говорят, потом она вышла за одного почтенного фейри.

— Но об этом уже никто не складывал легенд, — грустно обронила Линора, она не улыбалась больше.

— Я просил Ваше Величество не перебивать меня. Вероятно, дурная наследственность сказывается на членах рода во всех поколениях. Ваша бабушка притащила в наш мир Томаса Лермонта Рифмача, как называли его в мире людей. И что же этот неблагодарный? Он ушел, несмотря на все милости, на все дары, которыми она его осыпала. Видите ли затосковал! А ваша матушка...

— Бринмор, довольно!

Король перехватил возмущенный предостерегающий взгляд королевы.

— Ну хорошо, из уважения к вам я не стану дурно отзываться о вашей матери, Вы и сами всё прекрасно знаете. Счастье, что у Вас нет сводных братьев и сестриц в мире людей. Но наша дочь! Это уже ни на что не похоже, наша родная дочь Мелисса, единственное дитя, которая должна была наследовать мой трон, вышла замуж за смертного! Родила полукровку...

— Бринмор, остановитесь!

— Нет, извольте выслушать меня до конца! В том, что произошло — ваша вина, ваше дурное влияние, ваши рассказы о мире людей. Мелисса не вернулась к нам даже когда овдовела. Она использует свои знания и силы фейри для помощи смертным. Она предала наш род и Волшебную Страну. В вашей семье предпочитают людей. А вы! Вы вероятно тяготитесь браком со мной. Как я уже говорил, законы легко переписать.

Линора встала перед Бринмором гордо выпрямившись и приподняв голову. Королева была по грудь супругу, но сейчас казалась одного роста с ним, а то и выше.

— Довольно! Да, вы правы, милорд, у людей, быть может, есть то, чего нам не хватает, но некоторые наши с ними различия можно счесть благом. Например, фейри не умеют плакать. Представьте, если бы я умела, то вероятно, как это говорят у смертных «каждый день умывалась бы слезами» от вашего дурного характера. Вы просто невозможны, Бринмор! Просто невозможны... Когда Ваше Величество одумается... когда вы придёте просить прощения, Бринмор, не забудьте захватить с собой седло!*

С этими словами Линора развернулась и быстро пошла прочь.

— Невозможен! Ну конечно, я невозможен и последнее слово всегда за вами! — выкрикнул ей вслед король.

Линора даже не оглянулась. Бринмор махнул рукой, вернул на место стену, схватил со стола ноутбук и швырнул его о каменную кладку с такой силой, что тот разлетелся на части.

— Как же! Приду я с седлом. И не мечтайте. Не позволю больше на себе ездить! Очень хорошо, что вы всё слышите, — потрясая кулаками продолжал кричать Бринмор, он вышел на середину зала и повторил, глядя вверх, — не позволю!!

* * *

* Королева упоминает о седле потому, что в знак примирения обычно требует

от Бринмора, чтобы он в виде единорога катал её по лесу в «верхнем мире». Это обязательное условие примирения.

Глава 14

Королевская дочь

Королевство Лесных Холмов. Резиденция короля Бринмора. Комнаты королевы Линоры

Комнаты королевы Линоры в Лесном Холме сильно отличались от тех, которые она только что покинула в гневе. Линора все не могла успокоиться! Ну пусть бы Бринмор нелюбезно упомянул её далеких предков, но так отзываться о родной дочери?! Линора помнила, скольких жертв ей стоило убедить Бринмора не отнимать у Мелиссы бессмертие. Теперь дочь горько ее упрекает, плачет и жалуется вот уже которую сотню лет. Кто же знал, что Мелисса не сможет позабыть своего мужа из мира людей? Нежная душа, верное сердце.

В память о муже она помогает людям, всем, кто приходит просить, даже если просьбы эти преступны. Чтобы изолировать Мелиссу и не допустить её запретных предсказаний, Бринмор распорядился стеречь дочь, крепко накрепко замкнул эльфийскими рунами все двери в её дом. Лишь те, у кого был ключ, могли проникнуть к Мелиссе.

Бедная мать навещала её каждый день. Чтобы хоть немного скрасить жесткую изоляцию, Линор рассказывала дочери о том, что происходит в королевстве. И показывала. Она не хуже Бринмора умела раздвигать пространство, делать прозрачными стены и направлять магическое око в любую точку бесконечного множества параллельных миров.

Сегодня Линоре необходимо было не только повидать Мелиссу, но спросить у неё совета. Королева знала, что тем самым нарушит волю Бринмора и сделает еще более трудным путь к примирению с ним. А поссорились-то крепко. Возможно, ей следовало сдержаться. Промолчать. Быть снисходительнее. Бринмор хоть и могущественный король Лесных Холмов, но, прежде всего, он мужчина. А значит, соединяет в себе все типичные несовершенства. Но зато как искренен и открыт в чувствах. Этим-то молодой Бринмор и покорила когда-то сердце Линоры, любимой дочери короля лесных фейри. А как он пел! Цветы распускались при звуках его голоса. Стоило Бринмору взять в руки роту* — и дриады покидали свои укромные жилища в вековых деревьях, выходили из роц и водили хороводы. Ах, Бринмор, Бринмор, что же сделало твое сердце столь черствым, почему страхи терзают его, а недоверие пеленой тумана застилает разум? Линора в тревоге ходила по комнате. Нет! Так продолжаться не может! Ей необходимо подняться к свету, вдохнуть воздух родного леса. Прогулка успокоит и позволит понять, что делать дальше. В стене открылась светящаяся арка, королева шагнула в неё и исчезла.

Недолг был путь, и вот уже Линор в том самом лесу, где впервые встретила Бринмора. Долго же он был её тайным возлюбленным, пока владыка лесов, отец Линоры не согласился на этот брак. Друиды не предсказали молодым счастья. И можно было через год объявить союз расторгнутым. Но Линора любила мужа и пожелала, чтобы их брачные узы стали нерушимы.

Вот тропинка, по которой она ходила к нему на свидание в уединенный грот у ручья. Вот поляна с серебристыми цветами. Она собирала их и приносила Бринмору. А цветы вяли от одного его взгляда. Линор печалилась, но ничего не могла изменить. Вся её любовь не способна была дать жизнь цветку под землей. И все же она и сейчас рвала их. Для дочери.

Линор хотела повидать её. Всегда при себе королева носила на поясе ключ. Он отмыкал не дверь, но сложное плетение рун. Еще один портал со светящимся замысловатым узором открылся, и Линора вставила ключ в волшебный замок. Настало время поговорить с Мелиссой.

О том, что произошло после Малого Совета, Линор рассказывать Мелиссе не стала. И без того довольно дочери обид и разочарований. Но о лунных единорогах королева не смогла умолчать. Более других тревожил её этот вопрос и то, что могло ожидать древних существ в будущем. Неужели им суждено исчезнуть?

Линор принесла Мелиссе цветы из своего леса. Лишь короткое время они могли оставаться свежими под землей, в холме. Подкрепленные живительной магией, даже источали тонкий аромат. Королева поставила их в вазу и села рядом с дочерью.

Мелисса вышивала гобелен. Многие сотни лет она занималась этим и достигла такого совершенства, что вышитые птицы, звери, цветы казались живыми. Воды на её картинах будто бы плескались и сверкали зыбями, а солнце согревало. Все стены комнаты, где трудилась Мелисса, были увешаны от пола до потолка большими и маленькими картинами. А сейчас на пальцах наполовину готовая вышивка показывала лунного единорога. Он стоял на опушке дивного леса, деревья там буйно цвели, хоть время года было осень — листва оранжевая, багряная, и травы полегли и пожелтели. При этом на ветвях распускались белоснежные и серебристые цветы, обилием и формой они напоминали магнолию. Закатное солнце подсвечивало их, но трудно было понять, какой закат виделся вышивальщице. Тревожный ли багряный или мягкий опаловый. Жемчужно-белый единорог стоял на опушке, подняв голову, наострив чуткие уши. Он смотрел на ту сторону картины, где ничего еще не было. Что его испугало, встревожило или, напротив, обрадовало — знала лишь Мелисса. Картины без эскиза рождались под её руками, в часы вдохновения игла быстро сновала вверх-вниз, вытягивая за собой цветные нити.

— Он красив! — Линора задержала взгляд на неоконченном гобелене.

— Это последний, — молвила Мелисса, воткнула иглу в полотно и набросила на вышивку легкую ткань. — Вы пришли спросить меня о чем-то, матушка? Я ждала вас позже к вечеру.

— Я знаю, что не должна спрашивать, но... — Линора все смотрела на гобелен. — Неужели они исчезнут навсегда? — Она поняла слова дочери так, что единорог, вышитый на ткани, и есть последний. — Сегодня я говорила с отцом, он хочет закрыть Лесные Холмы. Заставить всех жителей лесов, рек, пещер — всех фейри — прекратить всякие сношения с миром людей.

— Король Бринмор желает повторить со всем государством то, что он сделал со мной? — грустно покачала головой Мелисса. — Это пагубный путь. Такие меры ничем не помогут нам.

— А что поможет? Ты знаешь? — Линора пытливо вглядывалась в лицо дочери, но ни единый мускул не дрогнул на нем. Мелисса оставалась все так же спокойна и отстранена. Это и раньше тревожило Линору: дочь замкнулась в своем горе, перестала искать поддержки даже у родной матери. А сейчас тревога была не только за отношения внутри семьи — весь привычный мир Линоры мог претерпеть необратимые изменения.

— Не что, а кто. — Мелисса сочувственно смотрела на мать, будто извинялась за то, что не проявляет ожидаемых чувств. Она должна была бы сейчас обняться с Линорой и рыдать, жалуясь на свою горькую бессмертную судьбу. Но у Мелиссы и слез уже не было. —

Посмотри на мою картину, я попытаюсь показать тебе.

Мелисса провела рукой по пустому краю, погладила ткань, и вслед за движением её ладони проявился еще не вышитый узор. Казалось, что закатный луч солнца разделяет мир Единорога и некий другой. Там была ночь, светила луна и белый жасмин склонялся к надгробию. Кладбищенская ограда, в отдалении часовня или склеп. А у могилы, пышно убранной лилиями, женщина в траурных одеждах. — Это я, матушка, отец не позволяет мне ходить туда и оплакивать моего незабвенного Роберта. Но он не властен над моими снами и воспоминаниями. — Картина побледнела, холст вновь побелел. И снова Мелисса провела по нему рукой. То, что проявилось, изумило её саму. Мелисса ахнула. Но месте кладбища теперь был пологий речной берег, и та женщина, что плакала над могилой, бежала навстречу мужчине, а единорога на картине не было! Изображение исчезло еще быстрее, все вернулось к исходному.

— Что это значит? — Линора не могла понять. Еще большая тревога охватила её.

— Нет! Я не могу сказать сейчас! — Мелисса прерывисто вздохнула и резко поднялась. Корзина с нитями упала и цветные пасмы рассыпались по полу. — Пойдите, не собирайте их, матушка! — Мелисса смотрела на то, как нити сложились в только ей понятные знаки. Руны? — Я сама подниму. — Она наклонилась и принялась собирать тонкие пасмы в корзину. Линора же смотрела на стену. Королева не открывала портал, и тем не менее стена колыхнулась, как отражение на воде, на ней обозначился портал, сначала его обрисовал синий огонь, потом алый и, наконец, белый. Из портала вышла госпожа Тамар — так называли в Королевстве Лесных Холмов Верховную ведьму.

Королева радостно поднялась ей навстречу, но тут же и отступила, следом за Тамар в комнату Мелиссы вошли мужчина и женщина. Женщина была Линоре не знакома, мужчину королева знала слишком хорошо! Великий Магистр Ордена Мертвой Розы, с которым король Бринмор поклялся враждовать до скончания века, младший отпрыск ненавистного Бринмору рода Морелей, тот, кому запрещено было переступать границу Королевства Лесных Холмов. И, вероятно, единственный, кому было по силам спасти лунных единорогов.

— Тамар! — воскликнула Линора. — Что ты творишь? И без того Бринмор раздражен, а если увидит здесь Мореля, то взбеленится еще больше!

— Моя госпожа, — склонилась перед королевой Лесная Ведьма, — Лоран Морель здесь не как представитель Ордена Мертвой Розы. Со вчерашнего дня младший сын графа Мореля мой зять и прибыл в королевство вместе с моей внучкой. Елизавета, подойди к королеве, ты удостоена чести быть представленной Её Величеству Линоре Актианской и Её Высочеству принцессе Мелиссе.

Лоран подвел Лизу к венценосным особам. И это было слишком! Путешествие через порталы уже не так сильно удивляло девушку, но быть представленной королеве... Не зная этикета, Лиза судорожно соображала, что надо сделать и сказать.

«Поклонитесь с учтивостью, — услышала она в голове. — Когда королева позволит вам подняться, скажите: счастлива быть представлена Вашему Величеству», — пришел ей на помощь Лоран.

— Счастлива быть представлена... — промямлила Лиза и поняла, что ей еще никто не давал позволения подняться. И поклонилась она неуклюже. Потому что платье было неудобным. Она предупреждала, что дурацкая одежда параллельного мира ей не нравится!

— Оставьте церемонии, — королева взяла Лизу за руку, — я рада, что вы здесь. Этот брак может стать первым шагом к примирению, — повернулась она к Тамар.

— Ваше Величество знает о моем искреннем раскаянии. И о том, что виновник наказан со всей строгостью. — Лоран низко поклонился и был удостоен чести поцеловать руку королевы. Мелисса тем временем взяла Лизу за руки и вдруг просияла радостной улыбкой.

— Матушка! Здесь незримо присутствует дитя двух миров!

Тамар и Линора изумленно переглянулись. Лоран не смог скрыть волнения. И только Лиза ничего не поняла. Она дурно себя чувствовала после перехода из портала в портал, не хватало еще опозориться перед королевой, принцессой и мужем.

— Вам лучше остаться в покоях Мелиссы, — сказала Линора. Она, вероятно, заметила, что Лиза неважно выглядит. — Отдохните здесь, познакомьтесь поближе с моей дочерью. А мы тем временем обсудим с госпожой Тамар и сиром Морелем, как нам представить вас королю Бринмору.

* * *

* рота — средневековый музыкальный инструмент наподобие лютни

Глава 15

Просветление мозгов Йорика

...Параллельный мир. В Парижском доме некроманта Мореля...

Последние дни мысли Йорика занимала одна тема — предстоящая свадьба любимого господина. Но вот она прошла, мессир Лоран с молодой супругой отбыл в недружественные земли эльфов. На скелетона вновь легли рутинные заботы по дому.

Кроме семейства датского принца в парижском особняке временно обосновался мессир Ришар. Если бы не он, то скелетону впору было сойти с ума, настолько непоследовательны и глупы оказывались желания королевы Гертруды, её разупокоенных мужей и придворных дам.

Во всей этой компании симпатию у Йорика вызывала лишь Офелия. Скелетон сочувствовал дочери Полония — существу безответному и всеми помыкаемому. Когда у королевы Гертруды созрел план устроить еще одну свадьбу и соединить брачными узами принца Гамлета и Офелию — девушка и слова не сказала против. А Йорик вдруг стал задумчив и мрачен. И предметом его дум являлся он сам! Недопустимо, но факт!

А еще Йорик все чаще впадал в меланхолию. Впрочем, на его внешнем виде это никак не сказывалось, тут на руку скелетону играла маска смерти: пустые глазницы, зубастая улыбка, отполированный шар черепа — никто даже и не догадывался, что бессмертная душа, заключенная в гротескную оболочку, рыдает. Йорик всегда улыбался и дружелюбно буравил собеседника круглыми провалами глаз. Это не пугало, а скорее веселило окружающих.

И при жизни, и в нынешнем разупокоенном состоянии, Йорик обычно был деятелен, исполнен радости и оптимизма. Его искрометные шутки могли бы развеять печаль самой Нении*. Но что таилось внутри, за костями ребер и ключиц? То есть в груди скелетона... Разве что мессир Ришар мог бы считать настроение Йорика по тому невидимому полю тонкой материи, которое окружало его тело, лишенное плоти... Но старший брат Лорана был всерьез озабочен тем, что творилось в его собственной семье. Он был категорически против путешествия брата и его молодой жены в Королевство Лесных Холмов. Сопровождать их Ришар не мог — Лесная Ведьма воспротивилась. «Если одного из Морелей королева Линора стерпит в границах своих владений — это уже будет чудо! — заявила она. — Но если пред очи Её эльфийского Величества объявится еще и Ришар, скандала нам не миновать! Кроме того, нельзя оставлять гостей из Эльсинора без присмотра. Они в любой момент могут переродиться».

Все это гораздо больше занимало Ришара, чем безмолвные страдания верного слуги. Возрастало и раздражение Мореля-старшего на королеву Гертруду.

«Кто она такая, чтобы проявлять высокомерие по отношению ко мне — консарту самой Белой Госпожи?» — негодовал Ришар. — «Как только Лоран закончит свои дела с семейством датского принца, надеюсь их прах будет развеян и беспокойные сущности перестанут отравлять мне кровь. Но Йорика надо оставить», — эти умозаключения также мешали проявлять внимание к странным переменам в поведении Йорика. А стоило бы!

Йорик стал менее деятелен, не писал вопросов в блокнот и, рискуя уронить и разбить банку с мозгами, постоянно доставал ее из шкафа и носился со своим сокровищем, как

курица с яйцом.

Так вот, если бы Ришар обратил внимание на содержимое банки, то отметил бы много необычного. Во-первых, мозги скелетона теперь шевелились в банке не хаотично, а складывались в узоры и могли бы послужить прекрасным приспособлением для медитации. Во-вторых, начали являть образы — вероятно это были мечтания Йорика. Выглядело это как голограммы, которые зависали над банкой. В довершение всего — сами мозги начали светиться. Воистину, подобное явление можно было бы назвать просветлением мозгов! И оно, конечно, заинтересовало бы главу дома Морелей. Но увы, Ришар ничего об этом не знал.

После появления в доме семейства Датского принца, кабинет Лорана стал, пожалуй, единственным спокойным местом, где можно было посидеть в тишине.

Итак, Йорик принес свои просветленные мозги в кабинет, поставил их на хозяйский стол, уселся в хозяйское кресло, подпер впалый висок костлявой рукой и задумался. Мозги явили чудесную картину — внутри банки закружилось голубоватое сияние, в котором замелькали существа, похожие на дельфинов. Йорик смотрел на собственные мозги и все больше впадал в транс.

Он вспоминал берег сурового Северного моря, темный Эльсинорский замок, где под сводами таились тени забытых времен. Вспоминал он и милых детей — Гамлета и Офелию. Мальчик и девочка росли вместе, и Йорик любил их! Как часто дети забирались к шуту на колени, теребили его яркую одежду, дергали красный шаперон, украшенный колокольчиками, веселились серебристому звону. По вечерам просили Йорика петь и рассказывать сказки. Он охотно делал это. На пирах, на охоте — Йорик старался не терять Гамлета и Офелию из вида. Они наполняли его душу радостью, и Йорик оберегал их, словно живые цветы, что пробивались сквозь мрачные камни Эльсинора. Те времена прошли быстро. За детством последовало отрочество, потом юность и полные жизни Гамлет и Офелия исчезли, превратились в заложников придворного этикета, бесконечных правил и регламента. Даже то чувство, которое возникло между ними, оказалось больным. Стены Эльсинорского замка погубили его.

Погубили они и Йорика — земная жизнь королевского шута оказалась недолгой.

Офелия всегда казалась Йорику недостижимо прекрасной, и он часто думал, что лучше бы ей было родиться не в семье Полония, а у простых людей. Росла бы на приволье, гуляла по весенним лугам, пела песни. И ничего не знала о принце Гамлете. Но все произошло, как произошло.

И вот судьба снова свела их всех в каком-то другом измерении. И к ужасу своему Йорик понял, что иначе смотрит на дочь Полония.

«Смотрит...» если бы можно было так сказать! Нет у него взгляда, чтобы послать ей! Смотреть-то нечем! Скелетон раздраженно поскреб череп костяшками пальцев и вновь задумался.

Еще тогда, в Эльсинорском замке, он ощущал странную близость, духовное сродство с Офелией. Когда она подросла, то часто приходила к нему. С ней Йорик не шутил. Они говорили о разных вещах. Офелия задавала простые вопросы. Она была наивна, близка к

природе, любила птиц и цветы, хорошо пела. Стоило ей взять в руки роту, и Йорик забывал о мрачности Эльсинора. Даже темными, зимними вечерами, когда в пиршественном зале особенно сильно чадили факелы, голос Офелии словно наполнял пространство особым сиянием.

Когда она погибла, все видели, как страдал Гамлет, страдал ее брат Лаэрт. Но никто не знал, как рыдал над ее могилой Йорик. Душа его стенала незримо, ведь он ушел из жизни раньше.

Безжалостное время разделило их. Да, он помнил милое дитя, эту девочку, но дни его жизни завершились раньше, чем она превратилась в девушку. И Йорик наблюдал за ней из невидимого пространства, в котором пребывают бессмертные души. Он не нашел в себе сил покинуть это место. Незримым защитником оставался он рядом с Офелией.

Йорик привык к сырому, мрачному склепу. Офелия приходила туда, украшала могилу Йорика цветами. Разговаривала с ним, почему-то именно с ним. Взрослела. Ее детские обиды, детские жалобы и детские радости менялись, выросли вместе с ней. Любовь к Гамлету... Йорик знал об этом все! Ни королеве Гертруде, ни своим придворным дамам, ни отцу, ни даже брату не открывала Офелия того, о чем знал Йорик. Избрав его своим сердечным другом, она доверила ему свои тайны.

А Йорик не смог защитить! Ни от несчастной любви к Гамлету, ни от помутнения рассудка, ни от холодных вод реки, что утянула девушку на дно! Все это прошло. И оставалось только в памяти Йорика.

И что же теперь? Снова Гамлет? Ни до чего хорошего он Офелию не доведет!

Йорик вскочил и принялся мерять шагами хозяйский кабинет. Ну точь-в-точь, как мессир Лоран, когда разуспокоил датчан.

В этом мире, в другом измерении, они оказались вместе. Силой заклинаний некроманта возвращены к жизни, но мог ли Йорик надеяться, что им сохранили также и чувства? А даже если да, то лично ему на что рассчитывать? Влюблена ли Офелия, в Гамлета. Хочет ли за него замуж? Или вновь ведет себя как послушная дочь, повинувшись воле Полония и своей королевы?

Когда ее не стало, когда ее тело нашло свой приют в том же склепе, что и тело королевского шута, а душа вознеслась, Йорик и Офелия расстались. И лишь Лоран Морель соединил их снова, забрав из безвременья. Это было странно, но вместе с тем давало надежду. Теперь Йорик не бесплотный дух. Пусть у него нет тела, но кости-то вот они! Вполне материальны. А мозги в банке шевелятся не хуже, чем когда были в голове.

И все же... «Кто я теперь? — снова и снова вопрошал Йорик. — Неудачный эксперимент мессира Лорана. Что такое кости без образа? Они обезличены. Возраст определить может только патологоанатом». С Офелией дела обстояли гораздо лучше. Морель смог вернуть ее к жизни такой, какой она была, какой она ушла. «Прекрасной, светлой и безумной» — мысленно повторил Йорик слова Лаэрта, произнесенные над бездыханным телом сестры.

«Безумной...» Впрочем не это удручало скелетона. Они с Офелией смогли бы понять друг друга, если бы девушка умела читать! Но увы... грамоте её не обучили. А Йорик не мог

говорить. Ни голосом, ни взглядом, ни улыбкой!

Так он и метался между надеждой и сомнением и даже отчаянием.

Услышит ли его душа Офелии, как его собственная слышала её в Эльсинорском склепе?

А что если... Йорик взялся за перо... И вот на листе бумаги появились морская гладь, скалистый берег, узнаваемый абрис стен и башен Эльсинора. А над банкой тут же зависла трехмерная живая голограмма. Море волновалось, ветер гнал по небу тучи. А на стене можно было заметить юношу и девушку. В бумажной версии их не было — только пейзаж.

Скелетон так увлекся рисованием, что не заметил, как в кабинет вошел мессир Ришар.

— А, милейший Йорик, — заглянул ему через плечевую кость Ришар, — поверить не могу, романтические картинки! Вот уж не подумал бы, что шут Датского короля способен на подобные чувства.

Йорик не успел вовремя прикрыть банку с мозгами и Ришар смог во всех подробностях рассмотреть дивную картину морского берега и влюбленной парочки.

— А неплохо было бы утереть нос этому меланхоличному Гамлету, — задумчиво произнес Ришар. — Если ты в деле, то мы можем попробовать.

Он взглянул на Йорика. Вот тут скелетон бы покраснел, как рак! Если бы мог. Но его череп остался все таким же белым, а улыбка однообразной.

Однако, Ришар прекрасно проникал в мысли Йорика. Он приложил ладони к банке, некоторое время словно прислушивался, а потом рассмеялся.

— И это все, что тебя тревожит, друг мой? Мне казалось, ты всегда отличался особой изобретательностью. А сейчас ведешь себя как глупый влюбленный.

Йорик энергично затряс головой.

— Постой, постой, не забывай, что череп твой не закреплен, — предупредил Ришар. — Вот что, пока Лоран путешествует в Королевство Лесных Холмов, мы можем провести время с пользой. Не хочешь ли попробовать сблизиться с Офелией? Ведь она тебе нравится.

Йорик опустил голову и потупил взгляд своих пустых глазниц в пол хозяйского кабинета.

— Ну полно, — Ришар все не убирал руки с банки, — что ты смущаешься? В конце концов вы с Офелией так давно знакомы. Предоставь мне заняться твоей судьбой.

Быстрые жесты скелетона свидетельствовали о его крайнем душевном волнении. Ришар «выслушал» и ответил:

— Чем свадьба может помешать?

Йорик безнадежно покрутил черепом.

— Отчего же? — Не обратил никакого внимания на упадническое настроение Йорика Ришар. — Я не нахожу никаких препятствий для того, чтобы вам с Офелией подружиться. Ведь речь не идет о романтических чувствах? Во всяком случае не сразу. Такие вещи делаются постепенно. Я понимаю, у тебя нет опыта. За свою жизнь ты занимался чем угодно, кроме любви. Это большое упущение. Что ж, если ты не против... ты ведь не против? — Ришар убрал руки от банки и в упор посмотрел на Йорика. Тот медленно утвердительно наклонил череп, придерживая его во избежание падения. — Ну вот и славно! Значит, я начну сегодня же, — усмехнулся Ришар. — Это будет весело! Для начала повременим со свадьбой! Клянусь мертвыми розами моей госпожи — это разозлит Гертруду!

* Нения — богиня-плакальщица у греков и римлян. И также называлась погребальная песнь

Королева Гертруда и придворные дамы развлекали себя вышиванием все того же алтарного покрывала и сплетнями. Гамлет и Горацио сидели за шахматным столом. Два венценосных мужа Гертруды и Призрак в доспехах следили за игрой. Лаэрт с Полонием смотрели в окно. Разупокоенные датчане уже забыли, сколь неприятно были ограничены пространством саркофагов в склепе Эльсинорского замка. Никудашные коммунальные условия, что и говорить. Но королева Гертруда, а за ней и остальные, все чаще высказывали недовольство по поводу тесноты помещений, отведенных для них в парижской квартире Лорана Мореля.

— Это неслыханно и недопустимо!

Красивые губы королевы Гертруды сложились в узкую ниточку. Придворные дамы хорошо знали — это признак приближающейся немилости, и предпочли промолчать. В такие моменты королеве Гертруде не стоило не только возражать, но даже высказывать согласие с ее словами. В любом случае, нарушителю молчания грозил монарший гнев.

Подняв взгляд и пройдясь им по склоненным к полотну подыстлевшим эскоффонам* придворных дам, Гертруда нахмурилась. Прицепиться ей было не к чему — все молчали. Королеву в парижском доме Лорана Мореля раздражало решительно все. Во-первых, недостаточное количество слуг. В конце концов, придворные дамы не должны исполнять ту работу, которую раньше делали простолюдинки. В Эльсинорском замке слуг было много, он буквально кишел ими. А здесь? За слугу мог бы сойти Йорик. Он хоть и королевский шут, но неблагородного происхождения. Ему не зазорно и ночную вазу вынести. Впрочем, здесь в этом не было необходимости. В плане удобства жилище Лорана намного превосходило резиденцию датских королей. Но это не причина, чтобы шуту бездельничать и отлучаться из покоев, отведенных гостям! Раз уж всем приходится сидеть тут...

Однако, Йорик все время где-то пропадал! И Гертруда ничего не могла с этим поделать, потому что шут каким-то необыкновенным способом сумел втереться в доверие к хозяину дома и теперь занимал при Лоране место секретаря.

Королева снова осмотрела дам и заметила пустое место между леди Бодсворт и леди Стенберг.

— А... где Офелия? — спросила Гертруда.

Дамы начали переглядываться, одна быстро что-то зашептала другой на ухо. Остальные пытались разобрать её невнятную речь.

— Что вы там шепчетесь? — повысила голос королева. — Я спрашиваю, где Офелия?

— Она решила немного прогуляться, Ваше Величество, — наконец пискнула одна из самых младших придворных дам.

— Прогуляться? Без моего позволения?

Гертруда встала так резко, что отъехавший назад стул едва не упал.

— Она вечно где-то бродит, моя милая Офелия, — меланхолично протянул Гамлет, переставляя фигуры на доске. — Тебе шах, Горацио!

Короли и Призрак одобрительно закивали.

— О нет, мой принц, Вы ошиблись с этим ходом, — возразил сердечный друг Гамлета — Горацио. Он смотрел на принца влюбленным взглядом. Гамлет только чуть улыбнулся в ответ, смешал фигуры на доске и поднялся из-за шахматного стола.

— Игра мне наскучила. А что у вас интересного? — Он подошел к Полонию и Лаэрту. — На что вы смотрите?

Отец и сын почтительно разошлись в стороны, дали принцу место и Гамлет, положив руку на эфес шпаги, застыл, скептически обзревая улицу.

С высоты третьего этажа хорошо были видны окна дома напротив, немного проезжая часть и тротуар, отделенный от неё газоном. Прошла минута, вторая, пятая, все ждали, что скажет принц.

— В этом мире ничего не происходит, — изрек принц. — Я вижу улицу... — Гамлет говорил то ли для себя, то ли для матушки. — По ней идут люди. Без всякой цели. Они не несут никакого груза. В странное место мы с вами попали, не находите, Полоний?

— Как вам будет угодно, мой принц.

Умудренный годами службы при дворе старик Полоний поклонился.

— Однако, это лучшее место, чем то, в котором мы пребывали в последнее время, — осмелился возразить Горацио.

— Что значит «лучше», друг мой Горацио?

Принц встал в театральную позу, поднял глаза к карнизу с ламбрекеном и приготовился произнести монолог.

— Ах нет, Гамлет, пожалуйста, только не это! — попыталась остановить его королева Гертруда, но было уже поздно.

Что в этом мире нас встревожит может?

Он сер и не похож на тот, другой,

Который мы оставили когда-то.

Красивым голосом начал декламировать Гамлет. Придворные дамы все как одна оставили шитье и подняли взоры на принца. Гертруда страдальчески нахмурилась и принялась тереть виски.

Воодушевленный вниманием дам Гамлет продолжал:

На замковые стены поднимаясь,

Я мог окрест все обозреть до моря

И в гавани увидеть корабли,

Представить страны дальние и замки,

Прекрасные, как облачный чертог.

А здесь дома уродливы, как тролли,

И люди бродят мимо них без цели,

Не задаваясь никогда вопросом

О бренности земного бытия.

И быть, или не быть — им все едино!

То время, как от дел мирских забывшись,

Я в мрачном склепе предавался снам —

*Прошло! И все же вновь я не свободен.
В духовном склепе пребываю ныне,
Готов я в нем концы отдать от скуки.*

Гамлет замолчал и, быстро крутанувшись на каблуках, встал спиной к окну. Это вышло эффектно. Дамы восторженно закатили глаза. Полоний снова поклонился, Горацио продолжал пожирать Гамлета все тем же, полным обожания, взглядом, даже осмелился приблизиться и прикоснуться к руке. Лаэрт, вздернув бровь, демонстративно отвернулся, но все заметили, его ревнивый взгляд, брошенный в сторону принца, который медлил, задерживая свою руку в руке Горацио.

— Ваше Высочество! Как это сказано! В самом деле, ничего не может быть лучше вашей декламации! — На глаза Горацио навернулись слезы.

Лаэрт с трудом сдержал саркастический смех, Полоний предупредительно покачал головой и незаметно для других погрозил сыну пальцем, прикрывая руку коротким плащом.

Королева Гертруда расцвела улыбкой.

— Возлюбленный наш сын! А почему бы и тебе не пойти прогуляться по дому, не поискать невесту?

— Увы, Ваше Величество. Нам запрещено покидать пределы этих комнат, — напомнил Гертруде Полоний.

— В самом деле? Отчего же Офелии можно выходить в другую часть дома? — возмутилась королева.

— На Офелию распространяется особое разрешение, — ответил Полоний.

— Чье же? Хозяина дома, или этого невыносимого Ришара?

Королева решительно двинулась к двери. Но открыть её не смогла.

— Осмелюсь напомнить, — подал голос Лаэрт, — в отсутствие хозяина домом управляет Йорик.

— Так пусть немедленно явится сюда! Милорд король! — При этих словах Гертруды оба венценосца и Призрак встрепенулись. — Милорды короли, — поправилась она. — Неужели вы трое не можете привести к повиновению какого-то шута? Пусть сейчас же откроет дверь! Мы здесь гости, а не пленники!

— Помните о заклинании оцепенения, Ваше Величество, — умоляюще сложил руки Полоний.

— И о сыром подвале, которым грозил нам мессир Ришар, — прогудел из лат Призрак.

— Он старший брат хозяина дома. Не стоит раздражать членов семьи Морель, — заключил действующий супруг Гертруды — Клавдий.

— Хорошо, — сбавила тон королева Гертруда. — Но Йорик должен отчитаться мне, как идут приготовления к свадьбе. И пусть найдет Офелию и вернет к нам. Ведь это он разрешил ей слоняться по дому. А если девушка выйдет на улицу?

— Офелия всегда была склонна к бродяжничеству, — развел руками Полоний.

— Вернется, — успокоил королеву Гамлет. — Реки поблизости нет.

* * *

Глава 16

В библиотеке

Тем временем Офелия, побродив по коридорам парижского дома, который изнутри был гораздо больше, чем казался снаружи, попала в большую комнату. Ее от пола до потолка занимали шкафы. В них на полках стояли книги. Офелию заворожили переплеты, тисненные золотыми узорами. Ей хотелось дотронуться до корешков, полистать страницы.

Девушка так увлеклась созерцанием, что не заметила Йорика, который сидел в углу на диване и держал раскрытую книгу.

Скелетон был занят чтением, а Офелия вошла так тихо, что он ее не заметил. Она же смотрела на него в нерешительности. Ей хотелось подойти и поговорить с ним, но природная стыдливость не позволяла.

Офелия хорошо помнила Йорика таким, каким он был при жизни — с открытым взглядом, копной волос цвета спелых каштанов, ласковой улыбкой на полноватых губах. Йорик заразительно смеялся. И у него были добрые руки — прикосновения всегда казались нежными, даже если он просто застегивал фибулу на плаще Офелии. Йорик любил природу, имена многих цветов Офелия узнала именно от него. Она вспоминала прогулки в окрестностях Эльсинора и о том, как они с Йориком ходили к реке. Если бы в тот злосчастный день она пошла вместе с ним. Но тогда Йорика уже не было в мире живых.

Сейчас шут датского короля выглядел иначе. Не то, чтобы Офелия пугалась, нет. Ей не страшны были кости и череп, хоть Йорик и походил на те зловещие фигуры на фресках в замковой церкви, где был изображен Страшный суд и Смерть с косою. Офелия не связывала эти образы с ним. Больше, чем вид, ее удручало молчание скелетона. Она не пыталась заговорить с ним, потому что понимала — он не сможет ответить.

На память ей приходили те долгие часы, которые она проводила на тихом кладбище у его могилы. И все те слова, что она говорила ему. Разве она могла тогда предположить, что они встретятся вот так? А если он действительно слышал? Значит, он знает ее жизнь, все сокровенные думы. Офелии хотелось спросить Йорика об этом. Но как?

Словно бы почувствовав ее взгляд, скелетон поднял голову и уставился пустыми глазницами на дочь Полония. Она улыбнулась и сказала ему:

— Здравствуй, Йорик.

Он отложил книгу на диван и поднялся, пошел навстречу, протягивая вперед костлявые руки. От неожиданности Офелия отступила назад и прижалась спиной к шкафу. Йорик тут же остановился, прижал руки к груди. Так они стояли, и в этот самый момент в библиотеку вошел месье Ришар.

— А, вот вы где! Прекрасно! А я искал вас, мистрис.

Офелия обрадовалась приходу Ришара.

— Зачем вы искали меня, мой добрый господин? — спросила она.

— Мне нужен ваш совет, — сказал Ришар. — Королева Гертруда, скучает в нашем доме, и как брат хозяина, я удручен этим обстоятельством. Расскажите мне, что любит ваша госпожа, чем бы мы могли ее занять? Это первый вопрос. А второй касается вашей свадьбы.

Офелия сейчас же погрузилась, опустила голову и уголки ее губ так же скорбно опустились вниз. И плечи поникли. Йорик забыл, что напугал девушку, и тут же снова потопал к ней. Его ступни громко застучали по полу. Уже не думая о том, что допустимо, а

что нет, Йорик взял Офелию за руку и тут произошло невероятное! Девушка услышала его мысли... ей даже казалось, что она слышит голос, тот самый знакомый, но давно забытый — из тех времен, из прошлого, когда она была маленькой девочкой. Йорик говорил ей: «Не бойся, Офелия, держись за меня.» И она ухватила за его костлявую руку и ответила:

— Я не боюсь.

Изумленный Ришар молча наблюдал за ними.

Со стороны все это выглядело весьма странно — говорила только Офелия, а Йорик молча кивал, продолжая удерживать ее пальцы в своих.

Обычный человек удивился бы, но Ришар, так же как и Офелия, прекрасно слышал мысли Йорика. Поэтому он в полной мере понимал о чем говорят эти двое.

— Я рада видеть тебя снова и иметь возможность беседовать с тобой, любезный Йорик. — Офелия заглядывала в его глазницы и теперь даже тени страха не было на ее лице. — Когда я вошла, ты читал. Здесь столько книг, — свободной рукой она обвела книжные шкафы. — Я бы так хотела прочесть их все, но, увы, мне это не доступно.

— Это легко поправимо, — упрямил ответ Йорика Ришар. — Я думаю мы найдем способ обучить Вас этому нехитрому занятию. Поверьте, читать книги гораздо легче, чем вышивать алтарные покровы.

Офелия засмеялась.

— Меня считают искусной вышивальщицей. Жаль, что Ее Величество не разрешает вышивать цветы.

— Я хотел поговорить о вашей свадьбе, — вернул беседу в прежнее русло Ришар. — Она не может сейчас состояться. Пока не вернулся мой брат, я не имею полномочий для проведения в нашем доме такого праздника.

— Следует сказать об этом королеве. Она разгневется, — отвечала Офелия. — Но я рада, что свадьба откладывается. Я не хочу выходить замуж за принца Гамлета. Она осторожно высвободила руку, Йорик поклонился и вернулся на диван. Возможно скелетон был смущен своей вольностью.

Ришар видел, что Офелия хочет поговорить с ним, но не решается, поэтому он сделал первый шаг. Любезно поклонился, как это было принято в семействе датчан, и предложил:

— Не хотите ли пройтись по саду, мистрис?

— Здесь есть сад? — удивилась Офелия. — Где же он? Я вижу только улицу, дома.

— Здесь есть все, чего Вы можете пожелать, мистрис. Вам достаточно представить себе этот сад и обратиться к дому с просьбой.

— Обратиться с просьбой?

— Да, это не трудно. Можете закрыть глаза и мысленно произнести про себя какой именно сад вам хотелось бы увидеть.

— Я могу пожелать что угодно? — недоверчиво спросила она.

— Именно так, — подтвердил Ришар. — Я даже готов отойти в сторону, чтобы не мешать вашим мыслям или мечтам.

Он отвернулся, и Офелия не заметила каким удовлетворением блеснули его глаза. Ришар был доволен, все шло по его плану. Он не слишком отдалился, отошел к камину и остановился, разглядывая коллекцию ненужных вещиц на каминной полке. Это пристрастие Лорана — собирать безделушки — являлось предметом беззлобных шуток Мореля-старшего. Он любил брата, но не мог удержаться и постоянно подтрунивал над «статуэточной

страстью» Лорана. «Совершенно не мужественное занятие, не подходящее уважающему себя некроманту», — смеялся Ришар.

Тем не менее, Лоран любил эти бесполезные вещи. Он привозил их из своих путешествий, и на каминной полке образовался своеобразный алтарь его странствий. Вот фарфоровый дракон из Китая, а это терракотовые статуэтки из Греции — музейная редкость, а вот знакомая Ришару вещь — мраморная статуэтка Святой Девы, попирающей зверя Апокалипсиса. Это из Испании. Ришар взял статуэтку в руки, провел пальцем по гладкому, прохладному мрамору, поставил на место. Фигурка напомнила ему о матери, которую он не мог знать. Но точно такая же Святая Дева была у нее, она молилась ей. А когда не нашла помощи, обратилась к Белой Госпоже. Это было давно. Но что значит время для бессмертного?

Морель-старший обернулся, посмотрел как там Офелия. Девушка стояла улыбаясь, прикрыв глаза, приподняв лицо, словно подставляя его ласковому теплу солнечных лучей.

Ришар не мог отказать себе в удовольствии проникнуть в мысли девушки. Вместе с ней он вошел в сад ее мечты — прекрасный английский парк. Свободу деревьев здесь ничто не сковывало, кроны их не подстригали, кусты не превращали в замысловатые геометрические фигуры или зеленые подобию волшебных зверей. Нет! Ветви тянулись к небу или широко раскидывались, образуя зеленый шатер, а лужайки пестрели цветами. Тенистые дорожки разбегались на пять сторон лучами от небольшого мраморного фонтана, который представлял собой резвящихся в волнах дельфинов. Струи воды били из пасти у каждого. Это было красиво.

В саду светило солнце, хоть на самом деле в том мире, где пребывали Ришар и Офелия, был пасмурный день. Но дом являл не реальность, а мечты девушки. Офелия сделала шаг, второй и пошла по тенистой аллее, все дальше углубляясь в сад. Ришар заметил, что навстречу ей идет человек. Чем-то он ему показался знаком. Но тут мечтания Офелии прервались и в них вклинился голос одной из придворных дам королевы Гертруды.

— Офелия, Ее Величество ищет тебя и очень сердится. Немедленно возвращайся к нам.

Солнце скрыли тучи, солнечный день померк, сад исчез. Ришар с Офелией вновь оказались в гостиной.

— Простите, мне пора. Мессир Ришар, я хотела просить Вас об одолжении, — все же решилась она.

— Да, я слушаю. Готов исполнить Вашу просьбу, если это будет в моих силах.

— Здесь множество книг.

— Да, библиотека у Лорана богатейшая. Он собирал ее сотни лет. Есть книги редкие и даже волшебные. Есть прекрасные любовные романы, истории о путешествиях, сказки. Все, что пожелаете. О чем бы Вы хотели прочесть?

— Я не умею читать, — грустно потупилась Офелия.

— Но это ведь легко исправить.

— Вы могли бы меня научить? — с надеждой она сделала к нему несколько шагов.

— Нет, не я. Попросите об этом Йорика. Я думаю у него лучше получится.

— Но как, мессир Ришар? — Офелия понизила голос. — Вы же знаете, Йорик не может говорить. Я помню, когда он был... — Офелия замялась, не зная как выразить мысль. Называя Йорика человеком в прошлом, она должна была бы признать, что сейчас они не совсем люди. Не только скелетон, но также и она. И все же сказала... — когда он был

человеком, он хорошо пел. Мне нравился его голос. И сам он был таким милым, добрым. Я хорошо его помню. Как жаль, что мессир Лоран не смог вернуть Йорику его человеческий облик.

— Возможно, мой брат сможет это изменить.

Ришар заметил какой надеждой засветились глаза Офелии.

«Полдела сделано, — подумал про себя Морель-старший. — Неплохая из меня получилась сводня. Похоже девушка испытывает к Йорику не только дружеские чувства. Как удивительны и чудны деяния нашего отца». Но вслух он сказал другое.

— Итак, я попрошу Йорика назначить время для занятий с Вами. Думаю, вы оба сможете провести много приятных часов за изучением букв.

— Офелия, — фрейлина, которая пришла за девушкой, была рассержена и видно, что ее терпение лопнуло. — Ты разве не слышишь? Ее Величество требует тебя немедленно!

— Да, да, я слышу. Я иду. Простите, мессир Ришар, мне пора. Спасибо, что поговорили со мной. И за сад.

— За сад нужно благодарить этот удивительный дом, — широким жестом Ришар выразил свои чувства. — Я впечатлен! Лорану удалось создать нечто чудесное. Он сильный маг. Иногда мне кажется, что мой брат сам не сознает всей полноты своей силы. Возможно, теперь все переменится к лучшему. Хорошего вечера, мистрис. Желаю Вам не слишком сильно разгневать королеву Гертруду, — усмехнулся Ришар и они с Офелией переглянулись.

Он добавил бы и еще что-нибудь, если бы свидетельницей их разговора не была фрейлина. Ришар не хотел, чтобы она передала лишнее Гертруде, а та бы потом донимала Офелию. Эта девушка все больше нравилась ему.

«Они будут хорошей парой, — удовлетворенно подумал Ришар, взглянув на Йорика, который делал вид, что всецело увлечен чтением. — А я приложу все усилия, чтобы их сердца соединились. Если, конечно, они есть у разупокоенных. Если же нет— соединятся душами».

* * *

Офелия шла по коридору вслед за придворной дамой и вдруг та исчезла из вида, и коридор удлинился настолько, что конец его потерялся в фосфорическом зеленоватом свете. Как будто дом давал Офелии время подумать над тем, что она сейчас скажет королеве. Шагать стало легче. Словно девушка ступала не по твердому полу, а упругому лесному мху. Свет вихрился по стенам узорами. Офелии казалось, что она слышит отдаленный плеск волн. Он увел память в далекое прошлое.

Лоран Морель вернул Офелию в мир живых к той точке отсчета, где разум её еще был светел и любовь к Гамлету сильна. Вместе с тем в памяти сохранились и последние дни жизни, теперь Офелия могла взглянуть на них как бы со стороны.

Она вспоминала... яркие и болезненные картины сменяли одна другую — юный Гамлет дарит ей украшение, целует в губы, шепчет о любви. А затем их последняя встреча, до того, как тьма безумия окутала сознание Офелии мрачным туманом.

Они стояли на дозорном пути замка. Была осень, ветер рвал с плеч плащи и гнал по небу низкие облака. Холодные, потемневшие от дождя каменные зубцы, узкие бойницы. Гамлет был бледен. Строгие черты, в которых так сильно проявлялось его сходство с отцом, дышали

равнодушием. И те слова: «Ступай в монастырь, Офелия, ступай в монастырь...»

Было так больно, как будто кинжал пронзил сердце!

По сравнению с этой болью, что значили запреты отца, требования вернуть подарки, забыть о принце! Гораздо раньше, чем погрузиться в спокойные воды реки, что влекли ее по течению, Офелия утонула в своем отчаянии.

В основе ее жизни всегда было послушание — она повиновалась отцу, Гертруде, сестрам монахиням, которые ее воспитали, уставу, придворному этикету. И сейчас каждый шаг по коридору в доме мессира Лорана приближал ее к новым страданиям. Но Офелия не хотела этого! Восстав из гроба, вернувшись из Садов Смерти перерожденной, она вдруг почувствовала в себе некую силу. И в первый раз мысль о том, что надо не принимать судьбу, predetermined другими, а сопротивляться — озарила ее разум так ясно, как свет, на который она шла.

Офелия поняла, что ее жизнь принадлежит ей самой. Если Гамлет не ее судьба? Любовь к нему не воскресла, она умерла, когда принц предал их чувства. Офелия могла простить его, уже простила, но полюбить снова? Нет.

«Йорик не предал бы. Если бы он был на месте Гамлета» К чему это сравнение? В то время, когда Гамлет начал всерьез оказывать знаки внимания Офелии, шута давно уже не было в живых.

Йорик всегда желал ей только добра и никогда ничего не требовал взамен. Он старался сделать так, чтоб ей легче жилось в Эльсиноре — смешил, рассказывал истории, приносил цветы, учил как разбирать лечебные травы, сопровождал на прогулках. Офелия вдруг поняла, что образ Гамлета затенил все это!

Однако же, что-то толкало ее в мрачный склеп к праху Йорика и заставляло открывать душу, жаловаться и просить совета у того, кто был ей близок, когда она сама еще была дитя.

В этом чужом мире воля Лорана Мореля свела их вместе иначе. Как будто услышав тайные желания Офелии некто свыше решил дать ей еще один шанс.

«Использую я его или нет — зависит от меня самой», — вспышкой озарило сознание девушки.

Затем призрачный свет погас, коридор пришел в прежнее состояние, и Офелия оказалась перед дверью в комнаты, отведенные для гостей.

Глубоко вдохнув, она раскрыла дверь и вошла. Не как обычно, опуская взгляд на свои сцепленные в замок пальцы, а подняв голову и скрестив его со взглядом Гертруды.

— Ваше Величество желали видеть меня? — как ни в чем не бывало спросила Офелия.

— Неслыханная дерзость! — пробормотала Гертруда.

От удивления королева даже забыла повысить голос. А придворные дамы в ужасе онемели. Гамлет с интересом посмотрел на свою потенциальную невесту. Полоний же с изумлением уставился на дочь. Первым порывом осторожного королевского советника было схватить Офелию за руку, утащить куда-то в укромное место и хорошенько отчитать. Должно быть, за годы смертельного сна она позабыла наставления отца и правила поведения при дворе. Но это легко исправить!

— Кто позволил вам покинуть комнату? — пришла в себя Гертруда.

— Управляющий, — ответила Офелия.

При этом она не поклонилась! У придворных дам глаза стали, как блюда. Гамлет переглянулся с Горацио, тот пожал плечами. Лаэрт удовлетворенно хмыкнул, но под

предупреждающим взглядом отца тут же убрал усмешку с лица.

— Вы должны были испросить разрешение у меня! — заявила королева. До этого она сидела в кресле, заменяющим трон, а теперь поднялась и сделала несколько шагов к Офелии.

— Не должна, Ваше Величество. Здесь мы все равны, — продолжала смотреть в глаза королеве Офелия.

Придворные дамы замерли. Они и дышать не смели.

— Бедняжка. Её болезнь вернулась! — попробовал исправить положение Полоний. Он все-таки ухватил дочь за руку и намеревался увести, но не тут-то было. Офелия выдернула руку и продолжала свою безумную речь.

— Оставьте, отец, я никуда не пойду с вами!

— В самом деле! Она пойдет со мной, — Гамлет тоже приблизился к Офелии.

— Нет, мой принц, и с вами не пойду!

— Но вы моя невеста, — возразил Гамлет.

— Я не давала согласия. Мой принц, признайтесь, вы же и сами не хотите этого. Разве мы не достаточно подчинялись другим в прошлой жизни? Ваше маниакальное желание отомстить за смерть отца было добровольным? Или вы, как и я — жертва обстоятельств?

— Офелия опомнись! — воздел руки к потолку Полоний.

— Это всем вам следует опомниться и перестать плясать под дудку Её Величества, — отчеканила Офелия.

— А ведь она права! — поддакнул венценосный Клавдий. — Тот яд, что влил я в ухо брату — она дала мне! Я молчал. И ждал со страхом, не постигнет участь такая же со временем меня? Когда Гертруда пожелает править единолично в датском королевстве.

По привычке Клавдий начал декламировать и сбил на это Гамлета.

— Зачем же вы позволили ей, дядя?

Меня безумным объявив охотно.

Не лучше ль было честно рассказать

и осудить намеренья такие?

На сцену выступил громогласный Призрак.

— Как будто ты того не знаешь, Гамлет, Опасно спорить с матерью твоей! Чуть что — она сейчас же в крик и в слезы, А там недалеко и до пощечин. Уж я-то их немало претерпел!

Не остался в стороне и экс-король, чье имя совпадало с именем принца.

— Терпел-то я! И не в загробном мире, А в спальне нашей, где давала волю Гертруда и рукам, и языку.

Тут уж и Лаэрт не сдержался:

— Могла б приятней их употребить!

Фрейлины прыснули со смеху. Королева, уперев руки в бока, пошла в наступление на бывшего мужа и Лаэрта.

Финалом сцены несомненно стало бы рукоприкладство, если бы действие не прервал новый персонаж. Он вошел и с порога начал распоряжаться:

— Сто-о-оп! Все это никуда не годится. Стихи больше не в моде. Я перепишу пьесу!

— А это кто такой? — взвизгнула Гертруда. — Почему его к нам впустили?

— Зовите меня просто Вильям! — с преувеличенной галантностью отвесил королеве поклон вновь прибывший. — И долго же я искал вас между мирами! — обратился он к остальным. — Какого дьявола вы сбежали из склепа?

Глава 17

Проблемы и их решения

— Мессир Ришар! — Череп скелетона просунулся в приоткрытую дверь спальни Мореля-старшего. — Кажется у нас проблемы.

— Войди, Йорик, — раздался из-за плотного полога массивной кровати сонный голос Ришара.

Когда такая возможность предоставлялась, вампир спал днем, хоть необходимости скрываться от солнечных лучей у него давно не было — Белая Госпожа избавила своего фаворита от неприятностей, связанных с непереносимостью ультрафиолета, зеркал, серебра, осины и прочих сопутствующих вампирское бессмертие эффектов.

Остальные кости Йорика втянулись из коридора в спальню. Скелетон, стуча по полу ступнями, подошел к ложу, больше похожему на орденский шатер. Одновременно с этим Ришар откинул полог, спустил ноги с кровати и потянулся. Он не стеснялся своей наготы, и Йорик в полной мере мог оценить прекрасную форму принца-консорта Белой Госпожи. Братья Морели были похожи и чертами лиц, и статью, но не цветом волос. У Ришара они были темно-русые со светлыми прядями и мелко вились. Любой придворный щеголь при дворе Елизаветы Первой позавидовал бы.

Морель-старший тщательно ухаживал за волосами, потому что Нинья Бьянка обожала их.

— Проблемы какого толка обременили нас? — зевнул Ришар и просунул голову в ворот, а руки в рукава рубашки, которую Йорик подал ему. Продолжая помогать Морелю одеваться, Йорик пытался жестами рассказать, что произошло. Он картинно приложил тыльную сторону ладони ко лбу, тут же отнял и симитировал движение, которое напоминало быстрое письмо по бумаге.

— Оставь! Я и так понимаю тебя! — Ришару уже и контакт с банкой был не нужен, он хорошо настроился на мозги скелетона. Тот принес их с собой и поставил на умывальный столик рядом с кувшином.

К тому времени, как Морель-старший был одет, он уже знал все частности ссоры в комнатах Гертруды и про появление нового гостя — тоже.

— Это Лоран снова открыл портал? — уточнил Ришар.

— Нет, — развел руками скелетон. Он почтительно отступил и ждал дальнейших распоряжений Ришара. — Наш прежний хозяин пришел сам. И он в ярости. Требуется объяснений.

— Могу понять, я бы на его месте тоже рассердился, если бы созданное мной забрали без моего ведома. С процессуальной точки зрения — разупокоение датчан и перемещение их сюда ни что иное, как кража имущества. Интеллектуальная собственность также к нему относится. Ведь так, Йорик?

— Не совсем так. Сэр Вильям не является владельцем. Мы были переданы ему во временное пользование. Имя нашего создателя и владельца произносить запрещено. Но исторически сложилось так, что сэр Вильям de jure обрел права на эту собственность. По прошествии времени.

— Восемь веков это достаточный срок. Но de facto вы продолжаете оставаться собственностью...

Скелетон умоляюще сложил руки и Ришар не стал продолжать.

— Хорошо, хорошо... я с этим разберусь... надеюсь. И ведь предупреждал Лорана, что добром не кончится. Эти его эксперименты слишком затянулись, как и его пребывание в Королевстве Лесных Холмов, — пробормотал Морель-старший. До этого они разговаривали с Йориком молча.

— Сэр Вильям! Как я рад видеть вас в нашем доме! — непринужденно поклонился Ришар. Он принял гостя в малой гостиной, приведенной домом в привычный для сэра Вильяма вид. Если не выглядывать в окно, можно было подумать, что они находятся в доме елизаветинского вельможи.

Ришар, более расположенный к строгой готике, не одобрял более позднего стиля, повсеместно распространившегося в богатых домах Англии в период славного правления королевы девственницы.

«Они так и не смогли понять и усвоить пять ордеров, как архитектурную систему, — поморщился Морель. — Возможно, это их мало интересовало или они не хотели об этом задумываться. А может быть, жаждали удивить и ошеломить всех с помощью диковинок и гротескных орнаментов. В любом случае результат оказался плачевным. Раздутые и искаженные вариации этих пяти ордеров изуродовали практически все — от ножек стульев до изголовья кроватей. И тем не менее итальянский стиль, огрубленный фламандским духом и воплощенный в прочном — не английском, а датском — дубе, вызывал восхищение»

Впрочем, вкусы отражали настроения и дух той эпохи. В политике королева сама сочетала английские цели с итальянскими идеями и методами, и популярный в то время стишок «*An Englishman Italianate is a Devil incarnate*» («Итальянизированный англичанин — воплощение дьявола»), хотя и подразумевал политический курс, мог быть с равным успехом отнесен и к мебели.

— Ришар Морель, граф Вуайон к вашим услугам. Надеюсь мы приятно проведем время за дружеской беседой, — транслируя в улыбке максимальную степень любезности произнес Ришар.

— Надеюсь, что нет, — ответный поклон был подчеркнуто официален, а взгляд гостя сердит. — Может быть, вы объясните мне, наконец — что происходит? Почему семья Гамлета покинула Эльсинор? Я еще понял бы, если бы украли рукопись, но сманить героев...

— Вы отстали от времени, милорд. Сейчас такое происходит повсеместно. Это называется неприличным словом фанфик.

— Фак... простите, что?

— Не «fuck», а «fan fic» — fan fiction. Я сейчас вам все объясню. Мой брат Лоран, вы кажется с ним знакомы?

— Да немного.

— Он попал в стесненные обстоятельства и был вынужден... Лоран — ученый, он проводит некоторые эксперименты. С вашими героями что-то пошло не так. Уверяю, сэр Вильям, мой брат не собирался тащить их в наш дом! Мы теперь и сами не рады. Но вместе, я думаю, мы сможем все это уладить и вернуть в исходное состояние. А для начала предлагаю сходить куда-нибудь пообедать. Обстановка дома, наполненного призраками и разупокоенными сущностями угнетает меня свыше всякой меры!

Мессир Ришар научил Офелию некоторым знакам. Так он говорил с Йориком. И когда девушка пришла в библиотеку на первый урок, она уже не опасалась, что Йорик не поймет ее. Ей даже понравился этот язык жестов. Он включал в себя гораздо больше тех трех, которые она хорошо знала — «да», «нет». Это можно было сказать глазами или кивком, но Ришар показал ей еще «не знаю», «прошу повторить», «подожди», «продолжай».

Йорик ждал в библиотеке. Он так же сидел на диване и теперь был обложен толстыми фолиантами, а еще к дивану был придвинут стол с кипой листов бумаги и перо с чернильницей были на нем. Йорик встал и поклонился. Офелия улыбнулась ему.

— Здравствуй, Йорик. Я так рада видеть тебя! Спасибо, что согласился помочь мне.

Скелетон попытался сказать что-то руками, но сам отмахнулся от этой попытки и покачал головой отрицательно.

— Не печалься. Я научусь понимать тебя, Йорик. Мессир Ришар сказал, что в этих книгах я найду ответы на многие свои вопросы. А мне сейчас это необходимо. Я не хочу выходить замуж за Гамлета. Знаешь, было время когда я так любила его. Он был для меня единственным светом в моей унылой жизни. Но вернуть это нельзя. Я останусь с ним несчастна. Мне кажется, Гамлет любит кого-то другого.

Офелия не стала продолжать. Они с Йориком друг друга поняли. Ей хотелось взять его за руку, прикоснуться, но она смущалась сделать это первой. И Йорик не пытался дотронуться. А без этого они не могли «услышать» друг друга мысленно. Офелия подошла к столу, Йорик взял с дивана одну из книг, раскрыл. Там были нарисованы цветы на каждой странице. Офелия стала листать — белая роза, лилия, пионы, незабудки. Ни один из этих цветков не остановил ее руку. Но вот страница раскрылась на фиалках. Офелия вдруг вспомнила — берег реки, старый платан и под ним россыпь этих нежных цветов. Они источали аромат. Она любила фиалки. Дотронулась до картины.

— Мои любимые цветы.

Йорик кивнул, обмакнул перо в чернила и написал на бумаге крупными буквами «VIOLAS» (Лат.). Указал пальцем на цветы, а потом на свою запись. Офелия произнесла имя цветка вслух. Йорик радостно закивал.

— Ты написал это слово?

Он снова кивнул.

— В нем несколько букв, — Офелия еще раз произнесла имя цветка медленно, по слогам.

Йорик подал ей перо и указал на лист ниже своей записи.

— Ты хочешь, чтобы я повторила?

Офелия попыталась. Буквы получились кривыми и не все можно было узнать. Она засмеялась.

— Не так красиво, как у тебя. Я попробую еще раз.

Она попробовала еще и еще, и скоро ее буквы стали такими же ровными и красивыми. Она провела по ним пальцем и прочла «VIOLAS». Йорик раскрыл другую книгу. В ней были картины природы, светил и под каждой была подпись. Офелия поняла:

— «Луна», «Солнце», «Небо», «Земля», «Река».

Йорик отрицательно махнул головой.

— «Вода».

Он кивнул.

— Как хорошо, — восхищенно выдохнула Офелия. — Я поняла... Как называется... как называется ветер?

Они не нашли этой картинки, но Йорик написал, и под надписью нарисовал ветер так, как он понимал его. На его рисунке можно было распознать наклоненное дерево, чьи ветви трепал ветер, и небо, по которому неслись рваные облака.

— Как ты хорошо рисуешь! Я не знала. Давай сядем. Если ты не устал... — Йорик энергично замотал головой, — то мы продолжим еще.

Время пролетело незаметно. В комнату для гостей Офелия унесла с собой две книги и стопку изрисованных, исписанных листов. Она была счастлива.

* * *

После второй бутылки красного вина, которая Ришара лишь слегка расслабила, а сэра Вильяма разобрала не на шутку, разговор принял более открытый и дружественный характер. Однако же, Вильям своих претензий не снял. Повышая голос, он в который раз повторял:

— И все же это неслыханно, вот так просто взять и увести моих героев из склепа! Можно было хотя бы прийти, по чести спросить позволения. Я бы отпустил ради такого благого дела. К тому же, ваш брат ищет капли бессмертия не там, где должно. Ни Гертруда, ни Призрак ничего не знают о них!

— А Гамлет? — Ришар живо заинтересовался этой темой.

— Гамлет меньше всех, — покачал головой Вильям. — Этот юноша не знает ничего, кроме своей обиды на мать.

— В самом деле, если вчитаться в трагедию, то можно понять, что она выросла именно из этого зерна. — Ришар задумчиво обводил бокал пальцем.

— Именно! — обрадовался согласию их мыслей Вильям.

Они с Вильямом выбрали небольшое кафе недалеко от дома Морелей — на углу Рю де ла Помп и Авеню Бюжо. Уединенное, посетителей мало и даже при том, что Вильям не старался понизить голос, на них с Ришаром никто не обращал внимания. Особенностью этого параллельного мира, в первую очередь, являлось то, что он принимал всех, допускал все, что угодно, никого не оценивал и не осуждал. На улицах можно было встретить разных существ, на первый взгляд не вписывающихся в обстановку города, и никто не тыкал пальцами в их сторону.

— Всегда мечтал побывать во Франции.

Вильям откинулся на спинку стула. Ришар еще раз наполнил бокалы.

— Вернемся к сути нашей беседы. Милорд, вы позволяете героям остаться на некоторое время в доме Лорана?

— Пусть остаются хоть навсегда.

Вильям вдруг неожиданно помрачнел. Ришар пресек свое желание проникнуть в мысли великого драматурга. Ему хотелось, чтобы тот рассказал сам столько, сколько сочтет возможным. И Морель-старший просто ждал. Ожидания его были не напрасны. Глядя в окно, Вильям начал задумчиво, но на редкость внятно. Вино словно бы прояснило его

мысли, но не отяжелило речь.

— Странное место. Впрочем, я привык попадать в разные места, — Вильям пригубил вино, отслеживая взглядом прохожих за окном. — Вон та леди, у нее наверняка есть своя история. Если б я пошел за ней, то узнал. Даже идти не обязательно, достаточно представить себе — и все это воплощается. На самом деле я удивлен, как вашему брату удалось разупокоить несуществующее, видимое только мне.

— Несуществующее в привычном измерении, — ответил Ришар. — Тогда как в другом, они давно уже бессмертны. Если посчитать сколько раз появлялся на подмостках и умирал на них принц Гамлет, а на следующий день возрождался снова — это ли не бессмертие?

— Да, вы правы! — Вильям мрачнел все больше.

— Что-то удручает вас, милорд?

— Я хотел бы знать, когда они вернутся в Эльсинор, что будет с ними?

— То же, что и было. Коммунальный склеп, — усмехнулся Ришар.

— Вечное заточение, — тихо произнес Вильям. — Я не хотел этого ни для них, ни для остальных своих героев!. Не хотел для «Глобуса», из которого сделали аттракцион, застывшего в прошлом монстра. И уж конечно, я не хотел этого для себя. Я заточен в чужое имя. Моя сущность создана временем и моими пьесами. Есть же я сам. За эти столетия я стал кем-то между безграмотным перчаточником и Эдуардом де Вером семнадцатым графом Оксфордом. Так кто же я — сэр Вильям Шекспир, великий драматург? Меня питали своими эмоциями миллионы восхищенных зрителей в разных странах мира. И вот я попадаю в этот ваш мир, нахожу своих героев, из которых можно составить отличную актерскую труппу. Но что бы я стал делать с ними? Ведь я заключен в рамки того, что создал. Мой «Глобус», в Англии его воссоздали таким, каким он был в то время, когда я... — он не закончил.

— В то время, когда вы жили чужой жизнью?

— Да. Я всегда жил чужой жизнью, а хотел бы свою. И свой театр, и новые пьесы. Невозможно замыкаться в бессмертии.

— Но новаторство в театре всегда ли хорошо?

— Всяко лучше, чем пуританство, — скривился Шекспир. — Стоять на одном месте, будучи бессмертным, это ли не безумие, глупость?

Ришар задумался, а Вильям продолжал:

— Вернемся к «Глобусу». Зачем было оставлять все как есть? В современных домах в Лондоне люди живут и крыша над ними не течет, а зрители «Глобуса» продолжают мокнуть, если идет дождь. Чего они хотят? Вернуться в прошлое? Найти там что-то для себя, для своего времени? Это чудовищная ошибка! Все, что было в нас, я описал. Оно живет в моих пьесах. И чтобы прикоснуться к этому совершенно не обязательно мокнуть под дождем. Сидеть на жестких деревянных стульях. Почему бы тогда не разрушить лондонские мостовые, не ходить по доскам через лужи, как это было в мое время?

— Вопрос защиты публики от дождя мы могли бы решить, — сказал Ришар. — Достаточно простейшего энергетического купола и капли будут отражаться, а воздух проходить.

— Купол над театром? — Глаза Вильяма загорелись живым интересом. — А что еще вы можете?

— А что бы вы хотели, милорд?

— Я хотел бы новый театр.

— Такой же как «Глобус»?

— Возможно, но новый. И свой.

— Хорошо. Мы можем договориться. Если вы отведете Лорана туда, где он найдет эти дьявольские капли Датского короля, я обещаю вам новый театр. Современный, с невероятным оснащением сцены. И новую жизнь в этом мире, если вы захотите в нем остаться. Бренные кости того, кто покоится в Церкви Святой Троицы в Стратфорде никак не пострадают, ведь вы не он. Вы — это вы! Тот, кого создало восхищение миллионов людей, игра тысяч актеров, рукоплескания, слезы, волнение душ. Все это и есть та непостижимая тайна бессмертия великого, нет, величайшего драматурга! И не только вашего времени, но всех времен до скончания нашего общего мира. Королеву Елизавету едва ли помнили столько веков, если бы в её время не жил Вильям Шекспир.

— Я согласен, — ответил Вильям, не раздумывая, и протянул Ришару руку. — И насчет бессмертия, и насчет театра. Вы умеете убеждать, граф Вуайон, не хуже Ричарда Бербеда.*

Мужчины обменялись рукопожатием.

— Думаю, нам пора. Что-то вино ударило в голову, — засмеялся Вильям. — Не знаю, смогу ли я крепко устоять на ногах.

— Но вы можете опереться на плечо друга, милорд. Вернемся домой. Нам остается дождаться Лорана, чтобы обговорить все детали.

— И заключить контракт, — поднялся из-за стола и попытался сохранить равновесие сэр Вильям. — Для актера и для сочинителя контракт — первое дело.

* * *

* Ричард Бербеда (ок. 1567 — 13 марта 1619) — английский театральный актер, по общему мнению, один из самых известных актеров театра «Глобус» и своего времени. Помимо того, что он был актером театра, он также был владельцем театра, антрепренером и художником)

Глава 18

Тайна Лунного Единорога

Королевство Лесных Холмов. Резиденция короля Бринмора. Комнаты королевы Линоры

Лизе не хотелось оставаться с незнакомой принцессой. Лучше бы пойти с Морелем, но выбора никто и не предложил. Так с самого начала было! И Лизу это начинало бесить. Почему её не спрашивают, хочет она или нет? Согласна или против? Даже в брачную ночь не спросили... При воспоминании о неприятном и даже позорном факте их с Лораном отношений Лиза снова чуть не расплакалась. Бесконечные слезы. Она за всю свою жизнь не плакала столько, как здесь за один день.

Лиза устроилась в углу, на скамье с подушками, не проявляя намерений знакомиться с принцессой ближе. Но не тут-то было, Мелисса заговорила сама.

— Полагаю, вы тут не по своей воле?

Вопрос удивил Лизу. Неужели так заметно? А она старалась сохранить «лицо», значит, не вышло. Ну и нет смысла отрицать...

— Не по своей, — подтвердила она. — Я вообще не понимаю, как это все произошло, что я здесь. Сначала думала — сон. Если бы только это. Меня замуж выдали. Можно сказать, насильно.

— Насильно? Стать женой Великого Магистра Ордена Мертвой Розы — большая честь.

— Я ничего не знаю про этот Орден! И знать не хочу! — Лиза даже отвернулась, чтобы подчеркнуть свое намерение не иметь ничего общего с делами Мореля.

Принцесса Мелисса не обратила внимания на непочтительность, проявленную Лизой к Ордену в целом и к мужу в частности. И не рассердилась.

«Может, Её Высочество и сама недолюбливает этот таинственный Орден», — мелькнула догадка, но Лиза тут же отмела эту мысль.

Потому что следующие слова Мелисса произнесла с благоговением.

— Рыцари Ордена Мертвой Розы с незапамятных времен служат Белой Госпоже.

— Ну и пусть себе служат, — надула губы Лиза. — Я тут при чем? Пусть домой меня отпустят и служат дальше. Я не хочу быть женой Лорана.

— Это неправда, — улыбнулась принцесса. — Твое сердце говорит иное.

Лиза помолчала, пытаясь осознать. Во-первых, почему Мелисса вот так сходу утверждает про сердце, а во-вторых... может, она права? И вопреки доводам разума, сердце Лизы транслирует всякие глупости! Например: «Было бы счастьем, если бы Лоран женился на мне не из-под палки, а по любви». И вообще! Сердце не может говорить. Или может?

— Кто такая эта Белая Госпожа? — тихо спросила Лиза. Она почему-то боялась упоминать вслух ту, кому подчинялся и служил Лоран.

— Никто не хочет, но все встречаются с ней рано или поздно, — ответила Мелисса. Тень улыбки снова коснулась уголков её губ, но тут же исчезла. — Орден Мертвой Розы охраняет равновесие всех параллельных миров, подвластных Белой Госпоже. Рыцари отправляются туда, куда она посылает их. Сражаются и побеждают. Они не знают поражений.

— Потому, что бессмертны?

— Нет, потому, что преданы Белой Госпоже и мечом, и помыслом. Некоторых братьев Ордена она лишает бессмертия.

— Это наказание? — Лиза понимала все меньше.

— Самым достойным и отважным Белая Госпожа отворяет врата в свой Сад, — пояснила принцесса. — Это великая привилегия, которой удостаиваются славнейшие.

— Я хочу домой! — в который раз озвучила Лиза. Она уже сама не верила, что когда-то это произойдет. Но заговаривать ей зубы сказками про Белую Госпожу — бесполезно. Лиза упрямо гнула свое. — Скоро меня домой отпустят?

Мелисса внимательно смотрела на Лизу. От этого взгляда становилось, с одной стороны, хорошо, с другой — сил не было даже пальцем пошевелить. И мозги — как кисель.

Принцесса поднялась, подошла близко, взяла Лизу за руки. Некоторое время удерживала, мягко и ласково. В прикосновениях Мелиссы было нечто успокаивающее. Или погружающее в транс. Лиза и не поняла, как провалилась в другую реальность.

Она оказалась в лесу. Ночном, но не страшном. Вокруг буйно цвели деревья, похожие на яблони. Белые цветы, освещенные луной, сияли, источали дивный аромат. Лизе хотелось коснуться их. Она уже протянула руку к ближайшей ветке, отягченной бутонами, но шорох и сухой треск заставили обернуться. Заросли раздвинулись, навстречу Лизе вышел Морель. Она была рада видеть его! Луна светила все ярче, отражалась в его глазах. Лицо Лорана казалось еще бледнее обычного. Высокая фигура была скрыта серебристым орденским плащом.

— Зачем мы здесь? — спросила Лиза.

— Я хочу показать вам причину ваших бед. Вот из-за чего вы попали сюда. И наш брак также следствие этого.

— Я вас не понимаю!

Шорох в чаще повторился, и на поляну вышел Единорог. Если бы не витой рог во лбу, то Лиза приняла бы его за лошадь. Стройную, длинноногую, с маленькой головой, грациозной шеей и длинной гривой. А копыта у мифического существа светились. Там, где ступал Единорог — распускались белые цветы.

— Если бы мы не поженились, я не смог бы войти в пределы королевства Бринмора. Тамар знала это. Как и то, что в моих силах понять и предотвратить страшную болезнь нашего общего мира. Гибель единорогов — лишь следствие, а причина в ином.

Единорог осторожно переступил с ноги на ногу, сделал еще один шаг, копыта его погрузились в мягкий лесной мох. Морель протянул руку к волшебному существу, единорог пошел без опаски и ткнулся губами в ладонь некроманта.

— Он прекрасен! — прошептала Лиза.

— Он напуган, — сказал Морель.

Единорог дрожал всем телом, глаза его были наполнены тоской и страхом. Морель положил руку пониже рога на лоб мифического зверя и закрыл глаза, прислушиваясь к тому, что, вероятно, мог прочесть. Чем дальше они стояли, тем спокойнее становился единорог, шкура его перестала подрагивать, ноздри уже не раздувались так нервно. Он вытянул морду и положил голову на плечо Мореля. Лоран обхватил изогнутую шею, покрыл холку своим плащом и что-то зашептал на ухо единорогу. На певучем, незнакомом Лизе языке.

Некоторое время единорог и некромант оставались неподвижны, они замерли, прислушиваясь друг к другу. Потом единорог повел ушами, поднял голову и осторожно коснулся губами губ некроманта. Это был поцелуй благодарности и доверия. После этого

светлая шкура зверя засияла еще ярче, он будто светился изнутри. Или это луна вышла из облаков? Единорог развернулся и медленно пошел обратно в лес. Вот он уже скрылся в чаще, ветви за ним сомкнулись.

Лоран смотрел вслед.

— Лунный Единорог — это оболочка, в которой живет та частица бессмертной души человека, что заключает в себя веру в Волшебную Страну и в то живое, что кроется в неживом, например, в душу камней. В живой голос вод и деревьев. И кто-то уничтожает их планомерно и жестоко. Уничтожает эту веру. Затем, чтобы люди перестали помнить о Волшебной Стране, чтобы они перестали верить во взаимопроникновение миров. Если это произойдет — Волшебная Страна исчезнет. Боги умирают, когда люди перестают помнить о них.

Лиза вздрогнула и очнулась. Мелисса продолжала держать её за руки. На лице принцессы отражалась глубокая скорбь.

— Мой отец совершает непоправимую ошибку!

— Опять сон! Я устала от снов! — заплакала Лиза. — Я хочу...

— Домой? Если бы я сказала вам сейчас, что вы можете вернуться и забыть обо всем, что произошло? Вы согласились бы? — спросила Мелисса. Голос её был ласков, а взгляд добр.

— Забыть? Да... Нет... Не знаю... — едва слышно прошептала Лиза. Она и сама не могла понять чего хочет.

— Подумайте. У вас есть выбор. Великий Магистр Ордена здесь, в нашем королевстве, он примирился с моим отцом. Верховная ведьма достигла цели.

— И я теперь больше не нужна? — Обида и возмущение затопили Лизу. — Вот так просто? А Лоран?

— Вы забудете и его. Сейчас это еще возможно.

— Нет!

— Так чего же вы хотите?

— Поговорить с ним. Пусть он сам скажет, что я ему больше не нужна!

«Ничего глупее не могла пожелать, — мысленно обругала себя Лиза. — И ведь был же шанс прекратить весь этот ужас! Кто мешал сказать 'Да, хочу все забыть'».

Его взгляд, улыбку, голос... его прикосновения. Он несносный, но не злой! И в Галерее Лафайет с ним было так хорошо. И потом, в парижской квартире тоже. Да, он переменчив, может становиться высокомерным, не отвечает на вопросы. Но в целом... он был с ней добр. Нет! Он был нежен, как никто другой! И это все забыть?! Ни-за-что!

Мелисса улыбнулась.

«Должно быть она тоже умеет читать мысли, — догадалась Лиза. — Ну и пусть! А почему надо скрывать их?»

В этом странном мире нет никакого смысла что-либо скрывать. Тут все работает иначе, чем в мире людей. Ты постоянно оказываешься перед выбором. Зато, как только выбираешь — это сейчас же и происходит. Поэтому ошибаться нельзя.

— Я хочу увидеть моего мужа, — твердо произнесла Лиза. — Прямо сейчас! И чтобы это не было сном!

Одна из стен комнаты дрогнула и поплыла, как отражение на воде, потревоженной ветром. И перед Лизой открылся тот самый лес, где она только что видела единорога. Но никого не было рядом. Ни Мелиссы, ни Лорана. Нестерпимо ярко светила луна.

Глава 19

Замок в лесу

Цветы роняют лепестки и те, продолжая мерцать лунными бликами, устилают тропинку. Лиза идет по ней, все дальше углубляясь в лес. Выходит к охотничьему домику. Он похож на маленький замок. Каменный, двухэтажный, стрельчатые окна, остроконечная башенка венчает крышу. Деревянная дверь с фигурными накладками, должно быть медными, — приоткрыта. Лиза входит внутрь.

Комната на первом этаже всего одна. Посреди неё длинный стол, покрытый белой скатертью. На стенах потрескивают факелы, в камине пляшет огонь. Слева от входа лестница на галерею. Остаться внизу, или подняться? Лиза некоторое время стоит в нерешительности, прислушивается. Но только треск факелов и гудение пламени — больше она ничего не слышит. Однако ощущение, что в доме есть еще кто-то, не оставляет её. Лиза прикрывает глаза, сосредотачивается и отчетливо слышит голос мужа.

— Я же говорил, что это просто — читать мысли. Вот вы и проникли в мои.

— Лоран? — Лиза открывает глаза и оглядывается. Никого. Но она точно слышала голос Мореля! — Зачем вы меня пугаете?

— О нет, я лишь хотел, чтобы вы почувствовали это.

Лиза оборачивается и видит Лорана на верхних ступенях лестницы. Он все в том же орденском плаще, а под ним — кольчуга. Морель препоясан мечом, в руках держит шлем. Лизе становится страшно, тревожное предчувствие охватывает её, ноги сами несут навстречу Лорану. Она не хочет отпускать его. Не сейчас!

— У нас еще есть время, — он спускается к Лизе и подает ей руку. — До рассвета. Мы можем поужинать и подняться в спальню. Если вы пожелаете.

Поужинать? Но стол был пуст, Лиза заметила, когда вошла. Ни блюд, ни кубков. Или что там должно быть? Не сильна она в исторической сервировке.

— Помогите мне снять доспехи, дорогая жена, — просит он.

— Я не умею, — честно признается Лиза.

— Это не трудно. Вы же умеете развязывать шнурки? — Лоран распустил пояс и снял меч.

Лоран оказался прав. Освободить его от доспехов было не так трудно. Скоро Лиза сложила на скамью наручи и нагрудник. Кольчугу Морель снял сам.

— Зачем все это? — решила спросить Лиза. — Почему мы здесь?

— Я хотел бы поговорить с вами. Но прежде надо поужинать.

Лоран повел Лизу к резному стулу, усадил, а сам пошел к противоположному концу стола. И только занял свое место, как из незамеченной прежде Лизой двери под лестницей появились гномы. Они несли блюда и кубки, два глиняных кувшина, мясо хлеб и фрукты. Молча поставили все перед Лизой и Морелем и удалились.

— Так мы здесь не одни, — сказала Лиза.

— Это разочаровывает вас? — Лоран налил ей вина, а себе воды. — В спальне мы будем одни.

Зачем он так говорит с ней? Дурацкий официальный тон. Почему на «вы»? Лизе стало обидно. Вместе с тем и тревога не отпускала, все крепче сжимала сердце стальной лапой. Принцесса Мелисса предупреждала об ошибке короля Бринмора. Лиза мало понимала в

происходящем, но одно ей было ясно — Лоран готовится к битве. Тамар для того и женила его на Лизе, чтобы заполучить в союзники рыцарей Ордена. А Морель — их Великий Магистр. Он станет биться в первых рядах... Лиза не хотела этого! Она боялась за него. Разве нельзя прибегнуть к магии?

Морель усмехнулся. Лиза заметила и рассердилась.

— Прекратите подслушивать мои мысли!

— Тогда говорите со мной вслух, — предложил он. — Вы можете задать мне любые вопросы. И я отвечу. Сегодня — да.

— Почему? — Лиза уже знала ответ, но все равно спросила в надежде, что он окажется иным.

— Потому, что завтра может не быть. Если это произойдет, вы просто вернетесь домой. И все забудете. Наш брак не будет считаться действительным. Порталы между мирами закроются навсегда. И мы с вами больше никогда не встретимся.

— Но я... не хочу... вернее... я...

Лиза запуталась. Да, она хотела домой, но не была готова навсегда расстаться с Лораном! К тому же эти его слова «завтра может не быть». Что за глупости? Ведь Морель бессмертен. И вообще. Куда смотрит его Белая Госпожа, когда в Королевстве Лесных Холмов творится такое?

* * *

Ужин продолжался в молчании. Лиза все ждала, что Лоран скажет что-нибудь еще, но он только подливал вина в её кубок, да смотрел на огонь. На этот раз саламандр в камине не было. Или они появляются только, когда некромант хочет их видеть?

Не об этом сейчас надо думать! На скамье у двери лежал орденский плащ и поблескивали, отражая свет пламени, доспехи Мореля.

Красно-красные блики на серебристом металле казались Лизе зловещим предзнаменованием. Она до внутренней дрожи ясно чувствовала страх. Необъяснимый и от того все усиливающийся.

«Надо успокоиться! Все хорошо. Вернее все очень плохо!»

Эта история с Морганеллой, единорогами, непримиримым к людям Бринмором. Шаг за шагом Лиза продиралась в замысел бабушки Тамары, осознавала, как та её подставила, использовала. Можно сказать, предала. А ведь бабушка была единственным человеком, кому Лиза безоговорочно доверяла.

«Кому верить теперь? Мужу?»

Как бы не так. Он первый её обманул. Обещал отпустить, а сам взял и женился! Кто так делает?

«Еще и брачная ночь...»

Щеки Лизы порозовели от смущения. Она стеснялась вспоминать о том, что было между ними, но помимо воли мысленно возвращалась к пережитым ощущениям. И с ужасом понимала, что хотела бы исправить все. То есть повторить? Да... Да! ДА!!! И почему она должна стесняться? Раз они женаты...

«И что теперь? Просить Лорана об этом? Объяснять, что так хочется любви. В конце концов он же владеет магией, мог бы хоть для вида наколдовать любовь.»

Лиза взглянула на Мореля. Он, конечно, сохранял бесстрастный вид, но тень улыбки смягчила его совершенные черты. Хитрец! Поднес к губам кубок, чтобы скрыть это. Поздно. Лиза заметила. И тоже улыбнулась. Как бы она хотела прочесть его мысли. Он-то в Лизины проникает с легкостью.

Она решительно не знала о чем говорить. И о чем думать. Снова посмотрела на доспехи. Не давали они ей покоя! Нахмурилась.

— Вы готовитесь к сражению? — глупый вопрос был задан раньше, чем Лиза осознала всю его неуместность.

Если муж явился к ужину облаченный в доспехи, так не для того, чтобы продемонстрировать оружейную моду, или чтобы показать Лизе насколько просто справляться с ремешками, застежками и завязками наручей, наплечников и кирасы. Или преподать урок «как обнять мужа и не поцарапаться о кольчужный капюшон». Скорее всего Лоран снова был на капитуле, или на военном совете у короля Бринмора, а, может, вместе с гномами осматривал укрепления — вот и надел доспехи. А потом вспомнил про ужин и явился сюда, используя портал. Хотя... когда они перемещались в Галерею Лафайет, то он и одежду сменил по щелчку пальцев. Может быть, все-таки доспехи — это чтобы произвести впечатление? Он в них нереально красив!

— Благодарю. — На этот раз Лоран не стал скрывать улыбку.

Лиза все время забывала о его способностях. Интересно, со всеми он так, или только с ней? Не было времени уточнить. И ведь началось это еще до их скоропалительной свадьбы, как только она попала в параллельный мир. А после брачной ночи, кажется, усилилось.

— Мессир Лоран! Я же просила! — Лиза почувствовала как сильно краснеет. Отодвинула от себя тарелку. — Благодарю за ужин, но у меня пропал аппетит от этого вашего мыслечения. К тому же есть мясо на ночь — вредно!

— В вашем мире так много гастрономических условностей. Не вижу ничего дурного в этих отменно зажаренных рябчиках. — Лоран положил вилку и тоже отодвинул тарелку.

Лиза тут же пожалела, что брякнула про мясо. Во-первых, а вдруг Морель голоден, а она ему не дала спокойно поесть. Во-вторых, после ужина придется подняться в спальню... Или не сразу? Он же хотел поговорить. А потом? Уйдет? Оставит её здесь одну ждать исхода сражения? А если Бринмор и рыцари не победят? Порталы закроются и тогда... Так вот отчего этот страх! Лоран сказал «мы расстанемся и вы все забудете». Если сражение будет проиграно — Лиза вернется домой!

Морель молчал, но он так смотрел... Лизе показалось, что разочарованно.

Нет! Она не то хотела подумать! Вернее он не так понял.

— Вы не могли бы выключить это? — примирительно спросила Лиза. Она еще в Лиможском замке заметила, что если не спорить с мужем, то добиться желаемого удастся гораздо быстрее. — Я не прошу навсегда, хотя бы на время. На один этот вечер.

— Уже ночь, — вздохнул Лоран. — И времени у нас все меньше.

Страх вернулся, многократно приумноженный этими его словами.

— Времени до чего? Или на что? — тихо спросила Лиза.

Вот почему она говорила о несущественном и думала всякие глупости. Пряталась от чувств. Сейчас главное то, что происходит между ней и Лораном. И это за пределами разума.

— Время — понятие относительное, — как бы и не в продолжение их разговора заметил он. — От того, хотите ли вы его ускорить или замедлить, зависит и ответ на ваш вопрос.

— А вы? — Лиза отбросила смущение. Она хотела знать! — Хотели бы ускорить?

— Да, — сразу и без тени сомнения отвечал он. — Когда судьба ставит нас перед неизбежностью предназначенного — хочется ускорить ожидание. — Он помолчал и добавил: — Пусть все совершится.

— Но я не хочу! — Лизу захлестнула горячая волна несогласия. Слезы обожгли глаза. — Не хочу, чтобы с вами произошло что-то плохое! Пусть я навсегда останусь тут, в вашем мире, только... Вы не оставляйте меня.

Лиза произнесла это от самого сердца и замерла под благодарным, исполненным нежности взглядом Лорана. Она услышала ответ! Хоть Морель не разомкнул губ.

«Со мной ничего не случится, пока вы...»

«Продолжай! Пожалуйста!» — хотелось крикнуть Лизе. Всем существом стремилась она понять, что может сделать для Лорана, чем помочь. Но на эти мысленные вопросы ответов она не получила.

— Уже поздно. Моя дорогая жена, и вам, и мне надо отдохнуть. — Морель поднялся из-за стола и подал руку Лизе. — Я провожу вас в спальню.

* * *

Обстановка в спальне была изысканной, половину комнаты занимала кровать. Правильнее было бы сказать ложе. К нему вели ступени, и на помосте возвышалась конструкция, больше похожая на шатер для пикника. Массивные резные столбы поддерживали плоскую деревянную крышу. По периметру был закреплен подвижный полог. Высокая спинка изголовья также вся украшена резьбой. Вышитые подушки, белые простыни, покрывало из пушистого меха. Но Лизу мало трогала вся эта красота. Разве важно сейчас? Да, чудесный полог, расшитый цветами и листьями, шелковый наверно. И единороги на нем, как живые. Только к чему? Разве может красота заменить истинные чувства? Все у них с Морелем напоказ.

Три ступени вверх и можно сесть поверх покрывала. Кровать была мягкой, манила прилечь. Но Лиза словно застыла в своих горестных мыслях. Положила руки на колени и оставалась неподвижна. Сколько раз за последние дни она уже сидела так, изучая сцепленные пальцы? А Лоран, как и сейчас, молча стоял перед ней. Все это уже было и было.

Лиза не могла понять, прошел ли день, а может быть месяц или год. Явь ли все это, или сон? Воспоминания, или настоящее? Она запутывалась все больше, точь-в-точь, как в парижской квартире Лорана, где переходишь из комнаты в комнату, а оказываешься в другом измерении.

Как идет время, как оно движется в этом странном параллельном мире, куда она не хотела попадать? Может быть тоже параллельно? Лиза не стремилась сюда. Как же вышло, что теперь она не хочет покидать его, расставаться с Морелем? И как рассказать ему об этом?

Да, он слышит ее мысли, но это не правильно. Все равно, как если бы он украл их, а Лизе хотелось отдать ему все добровольно. Вот только не было уверенности, что Лорану это нужно.

Лиза взглянула на мужа и тут же снова опустила глаза.

Лоран не торопился начинать разговор.

Снова хмурится, думает о своем. О чем же? О завтрашнем сражении, да. Он — рыцарь воин.

Все это было так странно. Разве могла Лиза представить себе, что такое произойдет с ней, обычной девушкой-кондитером? Что она умела? Что знала в жизни, кроме своих пирожных-мороженок, технологических процессов? Кто она рядом с ним? Он — мудрый, бессмертный, высокородный. Она слишком проста для него, тут и говорить не о чем.

В душе снова поднялась обида за то, что ее использовали. А теперь, когда цель бабушки Тамары, то есть Верховной ведьмы Тамар, достигнута, то и Лиза больше не нужна. Что дальше? Отправляться обратно в свой мир? И забыть обо всем, что здесь произошло с ней.

Лоран молчал и медлил.

Что ж он не разоблачается, чтобы исполнить свой супружеский долг?

Ей было уже все равно. То, что произошло в первую брачную ночь... Нет, муж ее ничем не оскорбил, он не был груб, даже пытался проявить нежность. В конце концов, она не из тех наивных девушек, которые ничего не знают о том, что происходит за пологом супружеского ложа, как говорят в этом мире. Лиза знала. Смешно было бы предположить, что девушка в ее мире может остаться невинна мыслями.

Также она знала, что и любви, описанной в книгах, показанной в фильмах, ее, наверное, нет. Во всяком случае, родители Лизы являлись тем ярким примером отрицания всей этой романтической чуши. Может быть, они и любили друг друга какое-то время, но Лиза об этом не помнила. Когда она подросла и начала что-то понимать в отношениях между родителями, то сами отношения эти были безнадежно испорчены. Отец с мамой ссорились, потом разошлись. И она осталась между ними, как между двух огней. Встать на сторону одного, значило предать другого. Постепенно Лиза начала обвинять их обоих.

Она сидела молча и думала обо всем этом. Но так же, как в параллельности разделялись странные миры, по которым она путешествовала, так и ее мысли. Частью сознания она оставалась лишь в одном — в тревоге за мужа. Неважно, маг он, некромант, бессмертный — он готов подвергнуть себя опасности ради Королевства Лесных Холмов. Он поведет своих рыцарей в бой, а Лиза не хотела отпустить его, потому что... она вздохнула и произнесла это мысленно: «Потому что полюбила». Какое несчастье полюбить мужчину, которому она безразлична!

— Смысл того, что происходит с нами ускользает от Вас. Времени было слишком мало, мы не успели узнать друг друга достаточно, чтобы довериться. Это главное препятствие, которое мешает нам.

Лоран взошел по ступеням. Лиза думала — сядет рядом. Может, еще и сапоги расшнуровать попросит? Сам он их точно не снимет. Она и не против. Хочется лечь с ним, прижаться. И чтобы обнял. Её тянуло к нему с непреодолимой силой. Первая любовь. Но не только это. Он надежный, если Лиза оступается — он тут же подхватывает на руки. Может, из вежливости, просто воспитан так? Кто знает? Этикет такой у рыцарей его Ордена. Она ведь жена Великого Магистра. Интересно, а какой в таком случае титул? Первая леди Ордена Мертвой Розы. Красиво. Везде и на щитах, и на знаменах, даже на наплечнике доспеха Мореля — роза белая. А у Морганеллы — черная? Война белой и черной роз...

Лоран вдруг опустился перед ней на одно колено, взял за руки, склонил голову. Лиза молчала. Если бы можно было продлить это мгновение. Пусть бы все оставалось так!

— Я бы хотел сделать, как вы просите, — тихо заговорил он. — Не проникать в ваши

мысли, не совершать ничего против вашей воли. Мы могли бы встретиться иначе, в другом мире, возможно в вашем. Но все происходит так, как предначертано.

— Что будет завтра? — спросила Лиза.

Она высвободила руку, но лишь затем чтобы коснуться его склоненной головы. И сделала это без смущения и страха. Сейчас она не думала о том, насколько они разные и насколько их разделяет и время, и пространство миров.

Лиза гладила Лорана по голове, зарывалась пальцами в его волосы. Услышала прерывистый вздох. А потом и сама не поняла как — оказалась в объятиях мужа. Руки Лорана обхватили ее крепко, но бережно. Он быстро поднялся и сел рядом с Лизой на кровать. Прижал к себе теснее. Она спрятала лицо у него на груди. Хотелось плакать и умолять не оставлять ее сейчас, ни завтра, никогда. Но Лиза знала, что не должна и не может просить об этом. Она вообще ни о чем не могла просить.

— Сегодня ничего не будет против вашей воли, — прошептал он совсем близко, у самых ее губ.

— Значит, я могу просить у вас не оставлять меня, — все-таки произнесла она и тут же прибавила, — до рассвета?

Он молча накрыл ее губы своими, но Лиза услышала «Да». Он снова открыл ей свои мысли.

Это был их первый настоящий поцелуй. Именно о таком Лиза мечтала. Горячие настойчивые губы Лорана, его пальцы, распускающиеся шнуровку её платья. И никакой магии.

Он не хуже горничной раздел Лизу и начал раздеваться сам. И с сапогами справился. Лизе стало смешно. Это или нервное, или от вина. Она забралась в постель и следила взглядом за тем, как обнажается её муж. И никакого смущения не испытывала! Ей нравилось то, что она видела. Его широкие плечи, могучий торс, крепкие ягодицы, сильные ноги. И почему бы не смотреть? Законной жене это не может быть стыдно. А браком Лиза и Лоран сочетались, и даже рыцари признали её своей... госпожой? Нет, госпожа у них есть. В общем своей...

Простыни были прохладными, а мех щекотал подбородок Лизы, потому что она натянула покрывало на себя. Но Лоран откинул его. Кровать прогнулась под немалым весом, а потом Лиза ощутила тяжесть горячего мужского тела на себе. А на губах — снова губы мужа. Она обняла Лорана. Закрыла глаза и представила себе, что все правда, что он действительно любит ее.

До рассвета так до рассвета. Пусть эта ночь в параллельном мире будет долгой!

* * *

Лиза проснулась одна, за окном было уже светло. Смятая постель напомнила ей о том, что происходило этой ночью. Нежность и страсть, неутомимость Лорана, слова на чужом, непонятном ей языке. И мысли Мореля, которым отвечало сердце.

Теперь она знала о чем он думал тогда за ужином. О чем думал, когда целовал.

«Со мной ничего не случится, пока мы будем вместе».

Эта ночь убедила Лизу в том, что её отношения с мужем не связаны ни с единорогами, ни с Орденом, ни с интригами бабушки Тамары. Пусть изначально все это было подстроено,

но теперь... Это их с Лораном чувства. И Лиза не собиралась отказываться от них. Для чего судьба свела души из разных миров, соединила, позволила полюбить друг друга?

Вслед за этим пониманием к Лизе пришло и другое: лишь только дотронувшись до счастья — она может все потерять. Что если Лоран и рыцари проиграют битву? Что если все они погибнут? Да, он обещал, если это произойдет — Лиза вернется домой. Но она не хотела свободы такой ценой. Она вообще не хотела ничего без Мореля! Почему он так рано ушел? И ничего не узнал, не успела она сказать... Проспала! Ну почему, почему?!

Лиза ткнула кулаком подушку. Хотелось заплакать. Нет! Слезами тут не поможешь! Надо идти искать его! Сейчас же.

Она поднялась, накинула просторную длинную рубашку и подошла к окну. За ним зеленела лужайка, дальше начиналась опушка леса. Что теперь делать? Куда идти? Или оставаться здесь и ждать? Лиза понимала, что Лоран оставил ее в безопасном месте, оградил от того, что происходит в королевстве. Он не хотел, чтоб она знала. Но это не правильно. В трудный час жена должна быть вместе с мужем. Или хотя бы где-то рядом. Остаться в неведении невыносимо!

Лиза заплела косу, оделась, спустилась вниз. В комнате было прибрано, в камине еще тлели угли. Скатерть со стола снята. Никаких следов вчерашнего ужина.

— Есть здесь кто-нибудь? — позвала Лиза.

Она надеялась, что кто-то из вчерашних слуг отзовется, но нет. Она пошла к той двери под лестницей, откуда они появлялись, но к удивлению своему не нашла ее. Сплошная стена.

Лиза села за стол, обдумывая положение. Куда идти через лес? Дороги она не знает. Но не сидеть же тут? А может быть, Лоран кого-нибудь пришлет за ней? Она вышла из дома и стояла на пороге, прислушиваясь. Ничего. Время тянулось медленно, капля за каплей отбирая у Лизы надежду. Верно сказал Лоран — лучше, когда неизбежное происходит быстро. Но ждать... Солнце поднялось в зените, ушло за лес, Из потайной двери снова появились гномы, они принесли еду. Лиза пыталась расспросить их о Лоране, о Бринморе, но гномы только качали головами и разводили руками. Они не понимали её. Или делали вид, что не понимают! Жестами предлагали поесть.

— Да не могу я есть! Уберите вы это! — сердилась Лиза.

Ей кусок в горло не лез, хоть на блюдах, принесенных гномами, было много всего вкусного. И хлеб, и фрукты, и сыр. Холодное мясо и вино. Лиза только воду пила. Она ходила по дому, поднималась в спальню, думала, может быть, где-то откроется портал. Или Лоран подаст ей весть, знак, хоть что-нибудь!

Когда в небе заиграла вечерняя заря, Лиза снова вышла из дома. Она твердо решила, что не станет больше ждать! Пойдет по лунной тропинке через лес. Надо только дождаться ночи, чтобы луна вышла... И вдруг Лиза различила отдаленный, как будто конский, топот. Он приближался, и вот из чащи показался белый единорог. Тот самый! Она узнала его по серебристой гриве. Единорог нес на себе всадницу. Когда та откинула капюшон, Лиза узнала и её — дочь короля Бринмора, принцесса Мелисса.

Принцесса спешила, единорог вскинул голову, ударил себя по бокам длинным хвостом, развернулся и ускакал в лесную чащу. А Мелисса побежала к Лизе.

Они встретились на середине поляны, обнялись и стояли так. Лиза была уверена, что Мелисса знает что-то о сражении, но боялась спросить, слова замерли на губах. Судя по бледности и сдержанной скорби на лице принцессы, знание это было горьким, тяжелым.

Принцесса отстранилась, всмотрелась в лицо Лизы, брови Мелиссы страдальчески

надломились. Лиза замотала головой.

— Нет, нет, не может быть, чтобы он погиб!

— Он не погиб, — промолвила принцесса, — нет! Твой муж жив. Рыцари бились доблестно вместе с войском моего отца. Они победили.

— Но где Лоран? Почему он не пришел за мной?

— Сейчас он не может вернуться к тебе. Он ранен.

— Ранен! Мне надо к нему. Отведи меня к нему!

— Сейчас это невозможно. Но рана не опасна. Ты не должна тревожиться.

— Он мой муж! Я должна быть рядом с ним!

— Он сам придет за тобой, когда все будет готово.

— Готово к чему? — спросила Лиза.

— К обряду освобождения. Мой отец — король Бринмор — принял славную смерть в бою и удостоится чести войти в Блаженные Сады Белой госпожи. Моя мать — королева Линора — последует за ним.

— Я должна быть с Лораном! — Лиза оттолкнула Мелиссу. — Не удерживай меня!

— Ты не сможешь! Это повредит тебе и тому, кто уже есть в тебе! — попыталась удержать её принцесса.

— Отойди! Или я, сама не желая того, причиню тебе вред! Прошу, отойди!

Лиза снова почувствовала ту неуправляемую силу, которая жгла изнутри, наполняла жаром. Но на этот раз не страх, а желание принять огонь и соединиться с ним овладело всем существом. Полыхнула трава под ногами и огненная черта разделила поляну. Мелисса отшатнулась.

— Не делай этого! — закричала она. — Ты погубишь ребенка! Он еще не принадлежит нашему миру. Нельзя проводить его через огненные врата!

Мелисса воздела руки, и по обе стороны от пылающей черты начали расти кусты, похожие на терн. Их ветки, усыпанные бутонами и шипами, сплетались, пленяя огонь. Быстро, один за другим раскрывались пышные белые цветы, но тут же чернели и рассыпались. Шипы начали сочиться кровью. Пламя испепеляло их.

— Остановись! — Мелисса упала на колени.

— Нет!

Вой ветра и рев пламени соединились в голосе Лизы. Древняя изначальная сила рвалась наружу. Если не обуздать и не направить — принцесса погибнет. И нерожденный ребенок Лорана — тоже.

Лиза словно проваливалась в бушующую пламенем бездну, но огонь не причинял ей вреда. Там, на самом дне, она найдет ответ!

Навстречу ей раскрылись пять лепестков белой розы. И на каждом, словно на страницах волшебной книги, был начертан знак.

Прошлое или будущее?

— Помоги мне! Услышь! Ответь! — вкладывая в исступленную просьбу всю силу своей любви к Лорану, взмолилась Лиза. И сквозь гул огненной бездны услышала голос мужа.

— Выбирай — вернуть, или обрести?

«Обрести — это быть с ним? Значит, будущее? А вернуть... все забыть?»
Она знала, что если ошибется, то потеряет его навеки!

— Выбери будущее... И обретешь все, что пожелаешь.

Это не голос Лорана! Некто третий пытался вмешаться в мысли Лизы.

Края нежных лепестков начали скручиваться от жара. Оранжевая змейка побежала по ним. Как те саламандры в камине... Брачная ночь... Первый поцелуй... То, что было вчера...

Со мной ничего не случится, пока мы вместе...

ПРОШЛОЕ! Лиза протянула вперед руку. Один за другим, следуя обратному движению времени — против часовой стрелки, чертила она в воздухе знаки Белой Розы, проникая в их тайный смысл.

Огонь. Земля. Воздух. Вода. Древо

Языки пламени стали ниже, улеглись у её ног и вошли в землю, не оставив и следа на траве. Опаленный огнем терн ожил и вновь зацвел, а за спиной Лизы открылась искрящаяся синеватым светом арка портала. Лиза обернулась к нему и замерла. Она смотрела на живую картину в светящейся раме портала.

Чтобы войти в него оставалось сделать всего один шаг...

Глава 20

Я славлю Саван Туманов!

Королевство Лесных Холмов. Резиденция короля Бринмора. Комнаты Тамар

Тем, кто попадал в Большой Холм, открывался не только замок, но и город. Он был обнесен кольцом укреплений. Непроступная стена, возведенная гномами за годы правления короля Бринмора, разделила миры. За безопасность пришлось заплатить свободой.

Жители столицы с грустью вздыхали, вспоминая мирные времена. Все изменилось, когда Морганелла протянула когти к главной святыне эльфов — единорогам Клеронского леса.

Причиной всех бед король Бринмор счел людей. И в особенности Арти Сомерсета — юношу, которого полюбила принцесса Мелисса.

По воле Бринмора Королевство Лесных Холмов было скрыто от смертных. Древняя башня на вершине Big Hill поднимала к небу зубцы, похожие на корону, но арка портала больше не являла чудес.

После сражения при Вайверн Хилл все ведьмы ковена вышли из Клеронского леса, чтобы облегчить страдания раненых. Они собрались в покоях, отведенных Тамар. Пять комнат, стены которых были обшиты дубом и украшены резьбой. Младшие ведьмы ждали в столовой, а Тамар и две старшие вот уже несколько часов оставались у ложа Лорана.

Четыре светильника на высоких подставках слабо мерцали по четырем сторонам от ложа. Огонь в них умирал, так же, как и в камине. В полумраке лицо Тамар казалось зловещим, блики пламени искажали черты. Длинные одежды ведьм напоминали дымчато-пестрое оперение сов.

— Наших сил недостаточно, чтобы вернуть его, — сокрушенно покачала головой Тамар, удерживая ладонь на лбу Лорана. Амулеты, вплетенные в волосы ведьмы, постукивали ударяясь друг о друга.

— Но он жив. — Одна из ведьм поставила в изножье ложа чашу, в которой клокотала и светилась белая жидкость. — Три камня с брода Северна, раскаленные в очаге! — Она надела толстую перчатку из кожи, подошла к камину, выхватила из пепла камни и быстро опустила их в чашу. Густой пар словно изливался из неё и обволакивал раненого.

— Это не поможет. Он бессмертный, — возразила вторая ведьма. — Тело не уязвлено, но душа его заблудилась во Тьме.

— Возможно, он найдет путь к Вратам и без нашей помощи, — Тамар наклонилась и взгляделась в бледное лицо Мореля. — В любом случае я сомневаюсь, что мы сможем вернуть его. Попробуем еще раз, — без особой надежды добавила она.

Ведьмы положили руки на грудь Лорана. Тамар взяла его за руку, в другой руке у Верховной ведьмы материализовался деревянный посох с изогнутым навершием. Тамар прикрыла глаза и начала читать нараспев:

«Мананнан Мак Лир, Хранитель Тумана и Колодца Мудрости. Этот воин твердо стоит на земле, море окружает его, небо над ним. Он познал три царства!»

Три раза она ударила посохом в пол, затем отпустила руку Лорана и, удерживая посох параллельно полу, трижды повернулась справа налево на каждую сторону света. Подняла

посох вверх, начертила им три круга над головой, повернулась на север и выкрикнула:

"Мананнан Мак Лир, Бог Тумана, Правитель Тира на Вам, Хранитель двойных врат Иного Мира. Этот воин идет к тебе в поисках знания туманов и иных миров. Позволь ему пребывать в гармонии с тремя великими царствами. Наблюдай за ним во время путешествия по мирам туманов, оберегай от зла в Междумирье. Одарь его, о Мананнан, знанием из твоего колодца мудрости, из которого вытекают пять рек, в них же падают орехи знания и плещется лосось мудрости.

Я славлю Саван Туманов! Саван Туманов, что защищают Иной Мир. Иной Мир, где стоит Колодец Мудрости. Колодец Мудрости, хранящей в себе все знание. Знание, которое является ключом к нашим жизням. Наши жизни, которые посвящены Богам. Богам, которые живут в Ином Мире. Иной Мир, который сокрыт Туманами. Я славлю Саван Туманов!"

* * *

Воспоминания не складывались в одну картину. Она шла трещинами, чернота наползала с краев и поглощала краски. Оставшееся изображение рассыпалось осколками бесконечно долгой жизни Лорана. Он подбирал их один за другим. Далекое прошлое и то, что было вчера — перемешалось. Лоран блуждал наугад, словно в лесной чаще. Темнота скрывала от него путеводные звезды.

Он услышал плеск воды, а потом женский голос. Узнал! Это его матушка пела колыбельную. Вот он — свет!

Лоран видит себя и матушку в их родовом замке в Лиможе. Счастливое время еще не омраченное страхом потери. Бланшефлер здорова, она смеется, обнимает Лорана, потом ведет его за руку в сад. Там цветут розы. Они источают такой сильный аромат, что хочется спать. Сквозь пелену дремы Лоран различает и второй голос — мужской, незнакомый.

— Если мне суждено погибнуть, любовь моя, я стану ждать за гранью мира. До тех пор, пока ты не придешь ко мне.

И матушка отвечает.

— Я приду. Найду тебя в Блаженных Садах Смерти. Там обретем счастье и покой, будем вместе до скончания времен.

Тьма наползает и поглощает видение...

* * *

Военный лагерь. Это было недавно. За день до сражения.

Морель отпустил всех братьев, с которыми беседовал в своем шатре. А потом и оруженосцев. Он хотел побыть один. Была стычка с воинами Морганеллы. Даже и битвой назвать нельзя — обе стороны примерялись, пробовали силы. И разошлись готовиться к большому сражению.

Лоран сидел в шатре, угли в жаровне подернулись пеплом, и снаружи начал заползать холод. Он был странным. Леденящим и густым. Близость Морганеллы сказывалась во всем.

Морель не спешил разоблачаться. Он хотел еще раз обойти посты, удостовериться, что

лагерь надежно защищен. Также он чувствовал приближение Белой Госпожи, ее безмолвный приказ. Разговора с ней не избежать.

Она явилась. Сначала вошел оруженосец. Он был встревожен, хотел говорить, но Лоран жестом остановил его и велел:

— Пригласи миледи!

Он уже знал, что Белая Госпожа здесь. Она вошла. В облике ее не было ничего необычного, разве что особенная бледность. Таким же стал Ришар, когда променял мир живых на бессмертие. А еще она была удивительно, безупречно красива. Строгое, с правильными чертами лицо богини, струящиеся светлые одежды. Она всегда носила только белое. Лоран преклонил колени, опустил голову.

— Приветствую тебя, моя Госпожа! — произнес он и ждал, не поднимая взгляда.

— Лоран Морель, виконт де Вуайон! Я пришла, чтобы объявить о прощении. Несмотря на твою непокорность я не стану лишать тебя награды, уготованной праведным. Твоя сила нужна нашему миру. Вся без остатка. И ты должен быть уверен перед битвой, что мои Сады откроются для тебя, если ты этого пожелаешь. Подари мне победу над Морганеллой и обретешь покой, — сказала она. — Встань.

Белая Госпожа прошла вглубь шатра, села на скамью. Обстановка в шатре была скромной. Великий Магистр Ордена Мертвой Розы не признавал роскоши в походе и не таскал с собой резных кресел и дубовых столов. Простое ложе, скамьи, шест для доспехов. Единственное, что отличало шатер Лорана от временного жилища обычного воина — это орденское знамя, полотнище с изображением белой розы с пятью лепестками, укрепленное на стене напротив входа.

Морель продолжал молчать. Но Белая Госпожа ничего больше не сказала. Она ждала ответа — согласен ли Лоран принять условия прощения. Оба знали какие.

Полог колыхался от порывов ветра, погода портилась. Приспешники Морганеллы копили силы — это влияло и на природу. Тьма рвалась наружу. Хорошо, что Лиза в укрытии. Там никто не найдет её. Ни Морганелла, ни Белая Госпожа.

Лоран должен был хотя бы попытаться выиграть время.

— Позволь мне ответить после битвы, — попросил он. — Мы не знаем, принесет ли нам судьба победу или поражение.

— Это зависит от того, за что ты будешь биться. — Она смотрела ему в глаза и взгляд её был тяжел. От него леденело даже бессмертное сердце некроманта. — За что будут сражаться рыцари Ордена?

— За наш мир, за тебя.

— Нет, месье Морель, не за меня, а за порядок и равновесие, которые ты первый нарушаешь. Не льстишь ли себя надеждой, что я не знаю, где ты скрываешь спящую Бланшефлер?

— Уверен, что знаешь, — тихо промолвил он.

— Не думаешь ли, что я не наказываю тебя потому, что сомневаюсь в правильности наказания?

— Не думаю, моя Госпожа.

— Тогда почему? — Она строго возвысила голос.

— Мой разум не дает ответа. Я не могу проникнуть в твой замысел, — признался он.

— Никто не может проникнуть в мой замысел, — усмехнулась Белая Госпожа и наконец позволила ему отвести взгляд. — Лоран Морель, ты должен сделать выбор и тогда

обретешь блаженный покой. Подумай об этом до сражения. Возможно, от этого зависит его исход.

Она поднялась и исчезла. Не вышла из шатра, а растворилась в воздухе, оставляя после себя легкий аромат жасмина. Ее любимые цветы. Они навевали мысли не о мрачном склепе, но о тихом кладбище с высокими деревьями, дарующими тень, о росистой траве на могилах, мраморных ангелах, скорбящих над урнами, о кустах сирени и жасмина, усыпанных белыми цветами, и о пении соловья.

Оставшись один, Лоран задумался о словах Белой Госпожи.

«Исход сражения зависит от того решения, которое он примет?»

Как это может быть связано? Как, желание вернуть к жизни мать, может быть связано с борьбой с темными силами в Королевстве Лесных холмов? Лоран напряженно думал об этом, но разум не подсказывал ему ответ.

Неожиданно для него, мысли о матери переключились на воспоминания о первой встрече с Лизой, о их свадьбе, волшебных девах, и Лорана с непреодолимой силой потянуло к жене, увидеть ее сейчас. Провести этот вечер и ночь с ней. А сражение — пусть судьба решает его исход.

Лоран поднял руку, начертил в воздухе знак, открывающий портал. Он заискрился привычным светом, и Лоран шагнул в Междумирье, прошел через него и оказался в лесном замке, на втором этаже, в спальне. Портал за его спиной закрылся, и Морель спустился вниз в комнату, где ждала его Лиза.

А дальше пришло воспоминание, в котором Лоран хотел бы остаться навсегда. Возрождая и сохраняя каждый миг. Слова, вздохи, прикосновения, слияние душ и тел. Вот оно истинное бессмертие, когда возрастает не холодное одиночество вечности, но свет вечной любви.

Он хотел бы продлить эту ночь, остановить время! Но утренняя заря взошла на небеса в свой срок.

Лоран проснулся первым и долго смотрел на Лизу. На ее бледное, но спокойное лицо. Длинные золотистые ресницы отбрасывали тень печали, что полукружьями ложилась под закрытые глаза. Пережитое этой ночью сблизило Лорана и Лизу, но это нельзя было назвать безоблачным счастьем. Они пережили боль, открывая друг другу сердца. Никому, кроме матери, не позволял Лоран проникать в свои мысли, никого не допускал, не доверялся. А Лиза без особого труда смогла войти в закрытый мир его души, коснуться сокровенного. Он не сожалел. Печалился лишь о том, что сейчас должен покинуть жену.

Лоран не мог провидеть будущее. Он не знал исхода битвы. Смотрел на Лизу и думал о том, как долго в своем бессмертии ждал ее. А теперь... Ночь на исходе. Сколь мало отпущено было им времени для близости. И совсем его не осталось, чтобы сказать нечто важное. Написать письмо? Нет, лучше он напишет брату, поручая ему заботу о Лизе и племяннике, если ребенок родится, когда Лорана уже не будет рядом.

Морель был некромантом и магом, но в первую очередь — рыцарем и воином. Он понимал, что исход битвы предсказать нельзя. Можно лишь надеяться на победу. Но силы Ордена и воинов короля Бринмора в меньшинстве против войска Морганеллы. Она не прибегает к магии, могущество свое усиливает, пожирая волшебные силы тех миров, которые хочет заполнить Тьмой.

Лоран коснулся медно-рыжих волос Лизы, что разметались по подушке. Осторожно провел пальцами по щеке жены. Велико было искушение разбудить ее, но он не хотел

прощаться. Пусть эта ночь останется счастливым, ничем не омраченным, воспоминанием. И пусть Лиза проснется с надеждой на их новую встречу.

Если судьбе будет угодно, они встретятся. А если нет — к чему Лиз эта боль расставания? Пускай последние слова, которые она слышала от мужа, будут словами любви, произнесенными на древнем языке.

Лоран поднялся, тихо оделся и покинул спальню. Он спустился в нижний зал. Появились гномы, посланники короля Бринмора, приветствовали Лорана с почтением. Он попросил:

— Дайте мне немного времени. Я должен написать письмо брату.

Они согласно наклонили головы и удалились. Лоран сел за стол. Перо, чернильница, бумага, красный сургуч и зажженная свеча в подсвечнике появились перед некромантом. Если бы так же просто можно было материализовать воинов. Но увы... Рыцари Ордена Мертвой Розы проходили многие испытания, прежде чем становились вассалами Белой Госпожи. Не каждого она удостоивала этой чести.

Лоран все медлил с письмом, собирался с мыслями. Он вспоминал то, что предшествовало их первой встрече с Лизой. Он виделся с Белой Госпожой. Тогда она сказала ему:

«Если ты устал от своего бессмертия, и желание твое быть с матерью столь велико, то нет нужды длить ее сон. Ты можешь встретиться с ней в моих Садах. Ты не думал об этом?»

«Разве могу оставить Орден?» — спросил Лоран тогда.

«Среди рыцарей много достойных, ты нашел бы себе преемника», — ответила она.

Тогда Белая Госпожа не сказала ничего больше, а вчера в шатре Морель заметил в ее глазах опасную решимость. Он как будто прочел в них приговор. Или милость?

Еще недавно он принял бы с радостью и благодарностью то, что она предлагала. Счел за великий дар — быть избранным. Но сейчас он думал о том, что если после битвы Белая Госпожа назовет его имя вместе с именами тех, кого она призывает к себе, кому дарует радость уйти в Сады Блаженных Душ, то сердце его отринет её милость. Белая Госпожа, как и всегда предлагала наилучший выход, Лоран мог бы легко достичь желаемого, но Лиза... Тогда он должен расстаться с ней. Лоран был поставлен перед выбором, но как выбирать между любовью к матери и любовью к женщине, которая зачала от него ребенка, была дорога его сердцу и с которой он хотел бы провести всю свою вечность.

Во дворе слышались голоса гномов и бряцание оружия, ржание боевого коня. Времени оставалось все меньше. Морель взялся за перо и снова задумался. Что сказать брату?

'Возлюбленный брат мой, Ришар! Обращаюсь к тебе с просьбой. — Твердость почерка Лоран унаследовал от матери. Строки унциального письма ложились ровно, буквы складывались в слова. — Поручаю тебе ту, что более всего дорога мне в этом мире. Позаботься о моей жене, если наша Госпожа пожелает призвать меня и уведет за собой после битвы. Не оставляй Лизу и племянника. Возможно, и скорей всего, моя жена захочет вернуться в свой мир. Но наше с ней дитя принадлежит нашему миру, ребенок должен остаться здесь. Также прошу тебя, если после битвы я уйду в Сады нашей Госпожи, ты*

*знаешь, что сделать для матушки и для того, чтобы я смог с ней встретиться там.
Всем сердцем твой брат, Лоран.'*

Морель растопил красный сургуч — словно капли крови упали на сложенный белый лист бумаги. Лоран приложил перстень-печать, взял письмо и вышел из дома.

* * *

Темнота упала внезапно и стерла все образы. Теперь Лоран блуждал в ней без ориентиров. Иногда ему казалось, что он видит свет, он слышал плеск воды и шум ветра. Ощущал запах гари. Как будто бродил по пепелищу. И чернее сажи была темнота, что вползала в его душу. Он перестал сопротивляться, отдался ей. Где-то очень далеко все еще звучал голос матери, но Лоран больше не мог идти. Он устал. Остановился. Хотелось лечь и уснуть. В темноте. Он опустил на колени и дотронулся до поверхности по которой шагал. Земля? Нет... Не камни, не дерево. Руки погрузились во что-то мягкое и упругое, похожее на мох. Но он не был живым — царапал ладони, как металлическая стружка. Все равно. Здесь можно прилечь, хотя бы ненадолго.

Голос матери затих. Это хорошо. Значит больше не надо никуда идти.

* * *

*унциальное письмо — (унциал), особый тип почерка средневековых греческих и латинских рукописей, характеризующийся крупными ровными буквами, начертаниями без острых углов и ломаных линий.

Глава 21

Мир, в котором есть ты

За порталом была комната, похожая на покои Мелиссы во дворце Бринмора. Факелы, укрепленные на стенах, и светильники по четырем сторонам ложа слепили глаза. Огонь... огонь... огонь... Когда Лиза вошла, он ярко вспыхнул и в камине.

Вокруг ложа люди. Лиза не могла разглядеть, но она почувствовала — Лоран там. Она бросилась к нему, ее пытались удержать. Стало страшно до холода в груди. Не успела? И теперь уже никогда ничего не сможет ему сказать?

— Не-е-ет! — закричала Лиза.

Её попытался удержать высокий худощавый мужчина в длиннополой одежде. Его длинный нос и по-птичьи заостренные черты лица напоминали чумную маску. Даже если он лекарь, то все равно не имеет права препятствовать ей!

— Пустите, Лоран мой муж! — С неожиданной для себя самой силой Лиза оттолкнула лекаря.

Теперь путь ей заступили женщины. И среди них Тамар — Верховная ведьма. В странном одеянии из перьев. В руках она держала узловатый посох и преградила им дорогу Лизе.

— Не приближайся! Нельзя! — Голос Тамар прозвучал зловеще.

Но это не испугало Лизу.

— Ты погубила его! — закричала она и готова была разрыдаться, но ярость полыхнула в сердце. — Из-за тебя, все из-за тебя!

Посох в руке Тамар загорелся и рассыпался пеплом.

Ведьма только молча покачала головой, не отрицая и не оправдываясь отступила. А Лиза уже не смотрела на нее.

Она упала на колени перед ложем и взяла Лорана за руку. Глаза его были закрыты, и он не ответил на пожатие.

— Я здесь, я пришла. Пожалуйста, услышь меня! Пожалуйста, вернись! — как молитву или заклинание твердила Лиза.

Лоран был бледен, глаза закрыты. Но лицо спокойное, не искажено болью. Если он ранен, то насколько серьезна эта рана? Рука так холодна! Дышит ли он? Бьется ли сердце?

— Вернись ко мне, пожалуйста! Где бы ты ни был сейчас.

Она закрыла глаза и продолжала крепко сжимать руку мужа, прижимаясь к ней губами.

Мысленно звала и звала его! А он не отвечал. Лиза словно бежала за Лораном следом, а он все уходил вперед. И она никак не могла догнать.

Они шли по темному коридору и свет, похожий на туман, клубился по стенам. Конца этому пути не было видно. Тот, о ком Лиза думала, что это Лоран, шел и шел вперед, не оборачиваясь. Она звала его.

— Лоран, вернись! Оглянись, посмотри на меня!

А он будто не слышал.

— Я здесь, с тобой!

Свет начал меркнуть, и Лиза уже с трудом различала силуэт мужа. Значит не нашла она в себе веры собственному сердцу. И потому Лоран уходит! Если бы вернуть то утро перед

битвой! Лиза сказала бы, что хочет быть с ним.

И как будто лопнул железный обруч, что сковывал ее чувства. Она закричала.

— Я люблю тебя! Моим миром станет тот, в котором есть ты!

Лоран остановился и обернулся.

— Лиз? Зачем ты здесь? Что ты здесь делаешь?

Она кинулась к нему. Смогла добежать и обнять!

А потом невидимая сила выбросила ее из коридора. И снова комната, факелы, ложе. Безжизненная рука Лорана. И вдруг Лиза ощутила ответное пожатие. Она подняла голову и встретила глазами с мужем.

Она снова слышала его мысли и могла отвечать ему!

«Ты пришла, любовь моя!»

«Почему ты ушел, не разбудив меня?».

«Хотел, чтобы ты запомнила ту нашу ночь счастливой. Не омраченной прощаньем».

— Мадам Морель, вам нельзя быть здесь, — тронул Лизу за плечо лекарь. — К Великому Магистру пришли рыцари Ордена.

— Они подождут, — голос Лорана прозвучал твердо. — Я хочу поговорить с женой наедине. Оставьте нас. Приказ исполнили. Все, кто был в комнате, вышли один за другим.

Лизе устала от мысленного диалога. Она хотела кричать! И даже хорошенько встряхнуть мужа за плечи. Но нет... только нежно дотрагивалась снова и снова проверяя — он здесь!

— Ты очнулся! — Она зарыдала в голос. — Вернулся ко мне! — Однако упреки её не были столь же нежны. — Никогда не делай так! Не смей оставлять меня, уходить, не предупредив. Поклянись, что больше не сделаешь так!

Слабая улыбка тронула его губы.

Лоран повел взглядом, еще затуманенным видениями, что удерживали его, он как будто не до конца верил, что это не морок Тьмы. Но когда Лиза упала к нему на грудь, стала беспорядочно целовать его лицо, он глубоко вздохнул, ощущая ее запах и касание дрожащих пальцев и отбросил сомнения. Лиз — не сон. Она живая! Он чувствовал соль её слез на своих губах.

Лиза обхватывала его, прижималась и целовала, ощущая через тонкую ткань крепость его мускулов и биение сердца. У нее не было сил говорить. Всем своим существом она стремилась только прижаться, прильнуть к нему.

Слова пришли потом. Лизу накрыло волной протеста и запоздалого страха за Лорана. Он мог погибнуть, как король Бринмор! Она сжала руки мужа в своих, быстро и сбивчиво повторяя:

— Как ты мог, как ты мог...

Он обнимал её, запуская пальцы в густые рыжие волосы Лизы, поцелуями стирал со щек слезы. И с горячей нежностью смотрел в покрасневшие, заплаканные глаза жены. Она, конечно, и без слов понимала и чувствовала его, но Лоран сказал. Он должен был произнести это!

— Я люблю тебя! Прости меня.

— Нет, ни за что не прощу, если ты хоть раз, если ты еще хоть раз... — Лиза снова провела ладонью от плеч мужа по груди и откинула покрывало, чтобы видеть его всего. Нет

ли повязок на теле? Ничего. — Ты не ранен. Что же тогда произошло? Отчего ты оказался в зловещем лабиринте Тьмы? Зачем пошел туда?

— Я расскажу тебе. Позже... — Лоран снова поцеловал Лизу. На этот раз настойчиво и нетерпеливо. — Я люблю тебя, — повторил он. — Лиз... жена моя. Пока ты со мной, ничего не будет дурного. Я всегда буду возвращаться к тебе, в какой бы тьме ни блуждал. Я слышал твой голос. Ты звала — и я пришел.

* * *

В этот раз все было иначе. Если после свадьбы Лоран берег Лизу, а перед сражением прощался с ней, то сейчас он просто любил, позволяя себе быть страстным и наполняя ее душу силой, что была горячее самого жаркого огня. Они соединялись, проникали друг в друга и становились одним. Желание Лизы усиливал пережитый страх за Лорана. И она с такой неистойвой нежностью пыталась вобрать его в себя и, возможно, защитить. Передать ему свою силу и свою слабость. Она пережила с ним такой экстаз, что впала в беспамятство, транс. Или это был сон? Но не тягостный. Не те блуждания во тьме, которые оба они пережили, нет. Это было место, исполненное света и радости. И хотелось остаться в нем, но Лиза знала, что время, отпущенное для пребывания здесь, кратко. И она наслаждалась каждым мигом — поцелуями, сплетением рук и тел, каждым ударом сердца, каждым вздохом.

Когда она очнулась, Лорана рядом не было. Вновь пустая постель! Лиза испуганно вскочила, оглядела комнату и с облегчением выдохнула. Нет, он здесь, уже одет в штаны и рубашку, спасибо что не в латы! Стоит у окна.

— Ты снова не разбудил меня, — не стесняясь наготы, Лиза подбежала к нему сзади, обхватила крепко, прижалась, потерлась щекой о шершавое полотно рубашки. «Странный все же мир. Почему копирует прошлое в таких вещах, как ткани, утварь?»

— Это причуды эльфов. Им нравится играть в средневековье, — ответил ей Лоран. — И я не собирался уходить, — он развернулся в кольце ее рук и тесней прижал к себе. — Но рыцари Ордена ждут меня. Я должен поговорить с ними.

— Нужно уйти мне? — сникла Лиза. Она не хотела расставаться с ним сейчас! Да сколько угодно пусть проникает в её мысли. Она не собиралась скрывать их.

— Нет, останься. У меня тоже нет от тебя тайн. Леди Ордена знает обо всех наших заботах и тревогах, о наших планах, о предстоящих сражениях.

— Я так мало знаю о тебе. О Белой Госпоже, которой ты служишь. Расскажи мне о ней, — попросила Лиза.

— Хорошо. Я помогу тебе одеться и расскажу немного. Наш мир очень стар. Он не всегда был таким, как сейчас. Войны сотрясали его, стихийные бедствия обрушивались, когда боги гневались. Но Белая Госпожа сумела восстановить равновесие, опираясь на верных. Она оберегает этот мир.

— Как странно, — сказала Лиза, — оберегает... Белая Госпожа... ведь имя ей Смерть?

— Да, она ожидает всех в Садах блаженства. В этом мире нет наказаний за чертой жизни. Никто не отправляется в ад. Здесь его нет, во всяком случае в том понимании, которое вкладываете вы. Но есть Сады Блаженных Душ и есть Чертоги моего отца. Он не зло.

— Твой отец бог?

— Люциус демиург, как и Белая Госпожа, и как Морганелла, — сказал Морель. — В вашем мире его зовут Люцифером. Но для вас Белая Госпожа — зло и страх. Люди по-своему объясняли многое. И их представление о богах сильно расходится с нашим. Но создатель у всех миров один.

— Я думала об этом иногда, — призналась Лиза.

Морель помогал ей одеваться. Затягивал шнуровку на платье.

— Мне нравится этот мир — наш мир, — сказала Лиза. Перехватила его руку, мешая закрепить узел. — То, что я тебе сказала там, в твоём сне... ведь ты помнишь?

— Да, я помню. — Он задумчиво поглаживал её пальцы. — Я помню, Лиз, но если ты решишь так, то не сможешь вернуться. Подумай, я не тороплю тебя. Лишь прошу сейчас быть со мной, потому, что мне не хватает твоей силы. Когда ты рядом, я непобедим. Я могу вести рыцарей в бой.

— В бой снова? С Морганеллой? Почему она так зла? Почему она хочет разрушить то, что создала Белая Госпожа? Разве они не сестры?

— Да, они сестры. Это не так просто объяснить, Лиз. Я расскажу тебе, когда мы вернемся домой и сможем быть спокойны.

— А сейчас мы разве не спокойны? Вы выиграли сражение.

— Выигранное сражение еще не означает победу в войне. Но Лесное королевство спасено. Орден выполнил свою миссию. После погребения короля Бринмора, мы сможем вернуться. Вот видишь, все готово, — Морель затянул шнурки на рукаве.

— Мне нравятся эти платья, но их так трудно надевать и снимать. Одежда в моем мире гораздо проще.

— В твоём мире все гораздо проще, любовь моя. А здесь...

— А здесь все похоже на исторический фильм, — засмеялась Лиза. — Прости, у меня иногда все путается в голове. Я не понимаю, что есть реальность, а что я, возможно, вижу во сне, или придумала. Я схожу с ума. Но даже если и так, если в моем безумии есть ты, значит я буду оставаться в нем.

— Нет, ты не сходишь с ума. Просто мы, создавая мир, придали ему подобие того, что понятно людям. А еще мы брали за образец то время, когда люди верили в чудеса, были ближе к природе, не пытались все изменить. Тогда эльфы и люди были гораздо ближе друг другу.

— Вы не признаете прогресс?

Морель задумался.

— Можно сказать и так. Во всяком случае, Королевство Лесных Холмов считает его злом и развивается согласно магическим законам. В них оговорены ограничения.

— А если кто-то нарушит закон?

— Это карается изгнанием. Ошибка Бринмора, одна из многих. Я говорил ему, что так нельзя, надо было искать другие пути. Изгнанники уходили к Морганелле и постепенно вокруг неё собралась немалая сила. Теперь несогласные с ограничениями сами переходят на её сторону.

— Значит здесь нет науки? Никто ничего не изобретает? Но так мир будет стоять на месте.

— Королевство Бринмора давно уже стоит на месте. Теперь, когда короля не стало, наверное что-то изменится. Мелисса больше дочь своей матери, чем своего отца. А королева

Линора всегда благоволила людям. И видела благо в слиянии традиций и новшеств. Но она так сильно любила мужа... Ей предстоит последнее испытание, — нахмурился Лоран. — Но не будем сейчас говорить об этом. Мы должны пригласить братьев.

— Я посижу тут, в уголке и не буду вам мешать.

— Ты не можешь нам помешать. Ты леди Ордена Мертвой Розы и моя любимая жена.

Лоран приподнял ее подбородок и легко коснулся губами губ Лизы.

— Я с нетерпением жду, когда мы вернемся домой и сможем... — он помедлил, провел пальцами по ее губам, заглянул в глаза — сможем предаваться наслаждению без помех и ограничений.

— Тебе тоже надо одеться! Не собираешься ли ты держать совет с братьями прямо так... в исподнем.

— Ты права, — Лоран щелкнул пальцами — и вот уже на нем орденское облачение.

— А мне ты целый час завязывал шнуровки?! — засмеялась Лиза.

— В этом есть особенное удовольствие, — признался он. — По-моему тебе тоже было приятно.

— Да... — она взглянула на него снизу вверх, чуть опустив ресницы.

— Не смотри на меня так, или я попрошу братьев подождать еще.

— Я хочу домой, — прижалась к груди Лорана Лиза. — К нам домой, в Париж... Мы скоро туда вернемся?

— Сразу после погребения короля.

Лоран обнимал её и длил эти мгновения.

«Кто знает, что будет с нами там...» — услышала Лиза.

— Я не передумаю, — ответила она на не произнесенный даже в мыслях вопрос мужа. — Ты сомневаешься?

— Я хотел бы верить... А сейчас, позволь, я поговорю с братьями. Нам нужно обсудить дальнейшее. Мы победили вчера, но этого мало. Морганелла отступила ненадолго. Я не знаю как бороться с ней! Силы наши истощены. Второй битвы мы не выдержим. — Он подал Лизе руку и повел в соседнюю комнату, похожую на зал для заседаний. Средневековый, конечно. Вдоль трех стен — скамьи, а у той, что напротив входа — возвышение. На нем установлено два кресла с высокими резными спинками и подлокотниками. На одно Лоран усадил Лизу, на другое сел сам.

В зал один за другим начали входить братья. Как и Лоран, они были в орденском облачении, но не в доспехах... Каждый, проходя мимо Лизы, кланялся ей с почтением. Лоран называл их имена.

Лиза тоже наклоняла голову, приветствуя братьев. Теперь они были ей не чужие.

Глава 22

Произвольное движение пера

Кроме одного письма, отправленного перед битвой, вестей от Лорана не было. Ришар не находил себе места. Он сомневался, метался мыслями из одной крайности в другую. То хотел сам отправляться в Королевство Лесных Холмов, то думал, кого бы послать туда. Но еще при прощании Лоран ясно дал понять брату, что только один из них примет участие в противостоянии Бринмора и Морганеллы. Письмо подтверждало это.

Время шло, Морель-старший медлил, ничего не предпринимая и надеясь все же получить какую-то весть. Но надежды становилось все меньше, и в отчаянии Ришар готов был обратиться за советом и помощью к Белой Госпоже.

Более всего его угнетало то, что Лоран написал относительно матушки. С одной стороны, это решало вопрос именно таким образом, к которому Ришар и стремился. Для этого Белая Госпожа и послала его к Лорану. Но с другой... что-то удерживало главу дома Морелей от последнего шага. Лоран еще не в Садах Госпожи, и Ришар не нарушал обещание данное брату — быть на его стороне.

Наконец портал в кабинете Лорана открылся. О, как хотел бы Ришар принять в объятия того, о ком тревожилось и болело его сердце. Но увы, это явились послы из Королевства Бринмора. Они принесли скорбную весть, ее трудно было принять. Надежды на благополучный исход и возвращение Лорана нет.

Магистр Ордена Мертвой Розы серьезно ранен, лекари и ведьмы Клеронского ковена бессильны. Братья-рыцари уже думают о том, чтобы созвать Малый капитул и избрать нового главу Ордена.

Ришар не желал с этим смириться. Он любил брата и не хотел верить, что совершилось невозможное — Белая Госпожа призвала Лорана прямо на поле боя. Да быть такого не может! И на пути в Сады блаженства Лоран оказался во тьме Междумирья? Невозможно!

— Клянусь розами Белой Госпожи! Лоран маг и некромант, он бессмертен, — восклицал Ришар, — Морганелла не властна над его сущностью и не могла уязвить его!

После беседы с послами Ришар заперся в кабинете брата — не хотел ни с кем говорить, допускал к себе только Йорика. Скелетон так же скорбел о Мореле. Он даже не пытался утешать Ришара, угрюмо застыл углу и ждал приказаний.

— Нет, не может быть! — в который раз повторил Ришар. — Мы должны удостовериться так ли это. Но в чьих силах проникнуть в Междумирье? — При этих словах Йорик сделал шаг вперед. Белые кости его рук и фаланг пальцев замелькали в быстрых жестах. — Оставь, я понимаю и так! Не мельтеши и говори! — приказал Ришар.

— Я знаю кого просить о помощи. Сэр Вильям водит дружбу с высшими ведьмами. Они владеют заклинанием Тьмы.

— Тогда идем!

Они прошли коридорами, дом открывал путь, как и обычно. И вот дверь покоев, в которых поселился Вильям.

— А! Друг мой Морель! — Вильям сидел за столом и быстро писал, то и делц обмакивая перо в чернильницу. На столе в беспорядке лежали уже исписанные и еще чистые листы бумаги. — Сейчас... — Вильям поднял левую руку, призывая Ришара к молчанию, и

одновременно продолжая писать. — Еще пара строф и я к вашим услугам.

Йорик и Ришар терпеливо стояли в ожидании и следили за тем, как Вильям пишет, задумывается, покусывает перо, беззвучно шевелит губами. Наконец он бросил перо, удовлетворенно хлопнул ладонью по столу, присыпал написанное песком, стряхнул и с выражением прочел:

*И ты, мой друг, когда бы правду ведал
О том, что в сердце тайно я храню.
Её бы и под пытками не предал,
Скорее тело посвятив огню.*

*Замкнул уста, и тьмой покрывши взоры,
Для судей оставался нем и слеп.
И лишь судьбе назначил те укоры,
Которые унес бы в мрачный склеп.*

*Но в будущем, надеждой окрыленный,
Мне обещал бы воплотиться вновь.
Для нежности и страсти возрожденный,
Чтоб я воспел бессмертную любовь.*

*Поверь, для сердца узы те дороже,
Что мы скрепляем на духовном ложе.*

— Великолепно! — оценил Ришар. — Еще один сонет?

— Нет, это для моей новой романтической драмы, — сообщил Вильям. — Я вдохновлен мечтами о театре. Мы можем начать репетировать, не дожидаясь завершения строительства. Показать пьесу при дворе, например.

— Боюсь, что время для празднеств не самое подходящее, — сказал Ришар. — Сэр Вильям, я пришел просить у вас помощи, — сразу перешел он к делу. — У нас нет известий из Королевства Бринмора. Вернее, они есть, но я полагаю не совсем достоверные. Однако, если все произошло именно так, то я должен помочь брату. Также он дал мне некоторые распоряжения относительно нашей матушки. Есть еще проблема с вашими датчанами, но право, сейчас не до них.

— Я теряю мысль ваших рассуждений, мессир Ришар. Присядьте и давайте еще раз. По порядку. Начиная с самого важного. Полагаю это не датчане.

Вильям предложил Морелю занять свободный стул у стола. Йорик, по своему обыкновению остался у двери.

— Дурные вести из Королевства Лесных Холмов. Мой брат Лоран ранен, — еще раз со вздохом начал Ришар.

— Я сожалею о произошедшем, мессир Морель, — с искренним участием отвечал Вильям, — и готов помочь всем, чем смогу. Чего вы от меня хотите?

— Я знаю, что у вас есть свои пути. Вы не нуждаетесь в порталах, сэр Вильям. Вы сами создаете миры.

— Это так, — подтвердил драматург.

— Более того, вам открыто и пространство между мирами.

— И это верно. Но проникать туда опасно. Междумирье грозит безумием. Мы теряемся там.

— Боюсь, что Лорана постигла именно эта участь. Если бы мы могли отправиться к тем, кто в этом пространстве олицетворяет Высшие силы и спросить совета у них.

— Вы хотите знать прошлое, или будущее, Ришар?

— Нет, и в прошлое, и в будущее я могу проникнуть и сам. Мне нужен ответ другого рода. Должен ли я ждать, или пора действовать? И как мои действия могут повлиять на ход событий.

— Хорошо, — немного поразмыслив, ответил Вильям. Он взялся за перо и, обмакнув в чернильницу, принялся чертить на бумаге узор. — Нет, это не тайные знаки, — усмехнулся он, проследив за взглядом Ришара, направленным на рисунок. — Всего лишь произвольное движение пера. Помогает сосредоточиться. Итак, я окажу вам содействие. Мы дождемся полуночи и отправимся в то место, где вы сможете задать свой вопрос и получить ответ, если Высшие силы захотят ответить. Но и у меня есть к вам встречная просьба. Я хочу попасть в Королевство Лесных Холмов, как вы его называете, — Вильям бросил перо, встал из-за стола, принялся мерять шагами комнату. — Мне нужно увидеть все своими глазами, встретиться с очевидцами, услышать их рассказы о сражении, чтобы я мог со всей достоверностью описать битву, все, что происходило. Надеюсь это в вашей власти?

— Да, я мог бы проводить вас туда. Но на кого мы оставим дом?

— На Йорика, конечно. Разве можно найти лучшего управляющего, чем он? — Вильям остановился перед скелетом. Тот отвесил своему создателю почтительный поклон.

— Полегче Йорик, помни про голову, — предупредил Ришар.

— В самом деле, когда он обретет плоть? — обернулся к Морелю Вильям. — Больно видеть его таким, учитывая романтические отношения, которые наметились у Йорика с Офелией. Нам нужно подумать о приведении влюбленного в достойный вид. Девушка не может выйти замуж за скелета.

— Почему бы и нет?

— Ну в самом деле, Ришар, посмотрите! Вы бы согласились? На ее месте.

Вильям несколько не смутился тем, что они с Ришаром разговаривают о Йорике в присутствии его самого, и скелетон все слышит.

— На ее месте? Мне трудно представить на ее месте себя. — Ришар окинул Йорика оценивающим взглядом. — Я думаю, когда Шенкель был во плоти, он выглядел весьма привлекательно.

— Да, Йорик был красив. Орлиный нос, темные глаза и губы, знаете ли, такие... — Последовал неопределенный жест, которым Вильям пытался обозначить характер своего персонажа. — Саркастическая усмешка, однако, он мог быть и нежным, и романтичным с теми, кто этого заслуживал. В остальных же случаях, его шутки оказывались столь едки, что могли насквозь продырявить самолюбие. Йорик был высок, строен, силен. Кроме того его считали лучшим мимом при Эльсинорском дворе. Он мог показать кого угодно, от милорда короля, до любимой собачки младшей фрейлины. А еще он был хорошим гимнастом, отличным наездником и непревзойденным игроком в мяч. Но все это в прошлом. Теперь-то на что здесь смотреть? — Вильям постучал пальцем по черепу скелетона и повел рукой сверху вниз от шейных позвонков до коленных чашечек. Йорик оставался неподвижен. Как будто это вовсе его не касалось.

— Женщины не всегда смотрят на внешность, — попытался сгладить неловкость Ришар. — Особенно такие, как Офелия.

Вот этого точно не следовало говорить! Йорик трагически щелкнул челюстью и возмущено скрестил кости рук на ребрах.

— Не сердись, Йорик. Мы пытаемся устроить твою личную жизнь, — хлопнул скелетона по плечу Вильям. — Какие у Вас есть мысли на этот счет, Ришар? Как я понимаю, опыты вашего брата не привели к желаемым результатам?

— Не привели. Но у меня есть некоторые соображения. Мы могли бы попробовать поискать других любителей возвращать к жизни умерших.

— А у Вас есть кто-то на примете?

— В далеком будущем. Есть одна история, которую вам, Вильям, интересно было бы услышать. Она связана с семьей английских королей. Но сейчас мы не можем отвлекаться от проблем в Королевстве Бринмора. Потому сначала отправимся туда. Найдем очевидцев, которые расскажут вам о сражении...

— Я хочу написать пьесу, — перебил Ришара Вильям. — После того как Вы показали мне планы нового театра и сказали о сроках, в которые он может быть построен...

— Их можно ускорить, если прибегнуть к тем способам, которые использовал Лоран при строительстве этого дома...

— Было бы прекрасно! Я за это время успел бы написать пьесу. Я быстро их пишу. Случалось, в те времена, когда еще была жива наша прекрасная королева Елизавета, я мог управиться от вечерней зари до восхода. И на следующий день мы уже репетировали, а через два дня играли. Театр «Глобус» всегда отличался разнообразием репертуара. — Вильям все больше воодушевлялся. Он снова начал расхаживать взад-вперед и подкреплять речь энергичными жестами. — Если пьеса шла пятнадцать раз к ряду, это был огромный успех. На самом деле, больше десяти раз редко какая держалась, а то и пять. Публика все время хочет нового. Так вот я задумал новые исторические хроники. Это вселенская борьба Белой и Черной розы. И сражение при... как, как вы сказали называется это место, где оно происходило?

— Клеронская равнина и холм Вайверн Хилл, — подсказал Ришар.

— Да, Вайверн Хилл... Битва при Вайверн Хилл, — Вильям остановился и повторил громче, словно бы пробуя звучание на вкус. — Битва при Вайверн Хилл. Мы должны отправиться туда, на месте я решу, какие сцены мне понадобятся. И, да, необходимо поговорить с очевидцами. Это важно. Мы, драматурги, не придумываем историю, а создаем её. Делаем значимые события бессмертными, чтобы передать потомкам знание о том великом, что происходило в мире. В этом весь смысл. И пока мир будет равняться на такие пьесы, пока он будет учиться у праведников и героев, которые жили в прошлых веках, ничто не сможет разрушить его устоев. Хорошая пьеса возвышает души и учит побеждать низменные пороки. Не зря же о сражении говорят «Театр военных действий» — театр! Он определяет развитие мира.

Итак, мы встречаемся в полночь. И последуем по тому пути, который назначен нам судьбой.

Луна взошла и залила все вокруг серебристым сиянием. Осветила и лесную тропу. Но по двум ее сторонам деревья росли так плотно, что в чаще темнота была непроглядной. Вильям и Ришар, а за ними Йорик, который не согласился оставлять Мореля старшего в этом предприятии, шли вперед, следуя за лунным светом. Ветви темными силуэтами выделялись на фоне неба, качались и отбрасывали на землю тени, которые шевелились под ногами, словно змеи.

— Это и есть тот самый Клеронский лес? — спросил Вильям.

— О, да, — ответил Ришар. — И это царство ковена, здесь живут ведьмы. Однако, о тех, к которым идем мы, никто не знал и не знает. Их никто никогда не видел. Откуда же вы можете знать о них, Вильям?

Шекспир рассмеялся.

— Вы задаете странные вопросы, друг мой Ришар. До того как поселиться в волшебном древе, эти ведьмы жили в моей голове. Если бы я не выдворил их оттуда, то, вероятно, сошел бы с ума.

— Это так работает? — Ришар приостановился, всматриваясь вперед — там за клубился туман.

— Да, именно так, — подтвердил Вильям. — Можете себе представить? Целая армия героев в моей несчастной голове. Это тяжкое бремя.

— Несомненно, — согласился Ришар. — Много тяжелее, чем королевское. Что там впереди? Я вижу свет.

— Нет, это не свет. Просто луна поднялась выше и деревья расступаются. Мы уже почти пришли.

Они вышли на поляну. Высокая трава поблескивала росой, как будто алмазные брызги были рассыпаны вокруг. Дивная картина, в которую никак не вписывалось огромное засохшее дерево. Оно росло посреди поляны. Ветви его широко раскидывались в стороны, с них свисали клочья мха. Шагов на десять вокруг дерева травы не было. Черный круг земли очерчивал границу. Необходимо было пересечь её, чтобы подобраться к выступающим корявым корням.

— Ну что ж, — Вильям остановился у края земляного круга, — вы готовы, месьир Ришар? Не передумали?

— Нет.

— Тогда идем. Оборачиваться нельзя. Если обернетесь, окажетесь в компании вашего брата. А это не в наших с вами интересах.

Вильям пошел вперед, остановился перед самым деревом и левой рукой дотронулся до ствола. Тут же открылось дупло. Продолговатое, высотой в человеческий рост, обрамленное пологом из мха, оно было похоже на вход в шатер. Или на портал в другой мир. Так подумал Ришар. Ему хотелось удостовериться — идет ли за ними Йорик, но он помнил слова Вильяма и не оглянулся.

Вильям первый шагнул в дупло. За ним Ришар, и по шороху, который раздавался сзади, было ясно, что Йорик следует за ними.

После яркого лунного света глаза не сразу привыкли к темноте. Ришар слышал шорохи, мышинный писк, какое-то бормотание.

Было очевидно, что внутри дерева пространство расширилось. Оно было намного больше, чем ствол снаружи, пусть даже и в четыре обхвата. Идти приходилось наощупь, прикасаясь к влажным, скользким стенам, все вниз и вниз, по толстым корням, как по

ступеням винтовой лестницы. И все яснее чувствовался отвратительный сладковатый запах. К шороху и пищанию добавился новый звук — что-то булькало, как будто вода клокотала. И вдруг, неожиданно, коридор расширился, и едкий дым защипал глаза.

Вильям, Ришар и Йорик оказались в комнате, похожей на пещерный грот с низким сводом, только сверху спускались корни, а стены были все в древесных наростах.

Посреди этой комнаты был устроен очаг. Над ним подвешен большой котел. Вокруг очага сидели три отвратительные старухи. Таких уродливых Ришар никогда не видел. Его передернуло от отвращения, но он сдержался, понимая, что это и есть те самые Верховные ведьмы, о которых говорил Вильям. Они были одеты в серые хламиды и остроконечные колпаки.

Старухи одновременно повернули головы и глаза их одинаково зловеще блеснули зеленоватыми кошачьими зрачками. Одна, самая косматая, с крючковатым носом и длинными когтистыми пальцами видимо была старшей. Продолжая бормотать, она поднялась и приплясывая подошла к Вильяму. Изобразила что-то похожее на поклон. За ней встали вторая и третья. Они начали кружиться, то ли танцевать, то ли кланяться. Трогали Вильяма, дергали его за одежду, хихикали.

Завели песню, хлопая в такт в ладоши.

Булькай варево в котле!

Полечу на помеле!

Бурю с градом пригоню,

Старый лес предам огню!

Наколдую смертный сон, Всех скует навеки он! Наложу на Тьму печать,

Буду в полночь колдовать.

Если хочешь знать ответ Должен ты отринуть свет...

— Довольно, — прикрикнул на них Вильям. — Мы не за тем пришли. Ты можешь задать свой вопрос, — повернулся он к Ришару. — Но только один. Или высказать просьбу.

Ришар почувствовал как сзади Йорик положил руку ему на плечо и слегка сжал. Ришар прислушался и отчетливо услышал мысль скелетона: «Просите капли Датского короля!»

Времени на раздумье не было. Вопрос или просьба... Спрашивать о брате или использовать этот шанс, чтобы получить капли, которые так вожделенно жаждал обрести Лоран?

Ведьмы оставили в покое Вильяма и начали кружиться вокруг Ришара и тормозить его. Йорик вовремя отступил, а то и до него добрались бы и разобрали по косточке.

Пальцы ведьм полезли Ришару под одежду. На такое он точно не подписывался! Его так и подмывало произнести заклинание оцепенения, но кто знает, как бы оно сработало тут.

— Мне нужен эликсир бессмертия, — сказал Ришар. Но раньше, чем ведьмы успели ответить прибавил, — я прошу не для себя, но для своего брата, который сейчас блуждает во Тьме. Если ему суждено выйти оттуда, то он сможет воспользоваться вашим даром.

Вильям приподнял бровь и одобрительно кивнул, понимая игру Мореля-старшего, который в просьбу вкладывал и вопрос. Теперь оставалось только ждать, что ответят ведьмы и согласятся ли помочь.

Старшая ведьма затрясла головой и захохотала. Отбежала к котлу и наклонилась над ним. Пар облаком поднялся над варевом, за клубился, замерцал искрами, и в нем стали

смутно различимы образы: жестокое сражение, искаженные страстью битвы лица воинов, вздыбленный конь, поверженный король Бринмор, знамя Ордена Мертвой Розы.

Одна из ведьм отцепила с пояса кожаный кошель и высыпала его содержимое в котел, вторая когтем вскрыла себе вену и протянула руку над варевом. Кровь закапала в котел, и пар окрасился в кровавый цвет. Образы исчезли.

— Не поможет королю зелье то, что я сварю, — взвыла старшая ведьма. — Тот кого ты ищешь во Тьме — пребывает вне её власти. Ступай прочь! Оставь нас! — и она трижды плюнула в котел. Пар осел, дым развеялся.

— Он уйдет только когда ты отдашь то, что у тебя попросили! — крикнул Вильям. — Исполни сейчас же! Или я выкину тебя из пьесы вместе с твоим чертовым деревом!

Огонь ярко вспыхнул в очаге, а потом запылало и само варево. Ведьма засунула руки в котел и зачерпнула жидкость похожую на лаву и понесла её к Ришару.

— Бери, коль сможешь унести! — оскалилась она.

В это время Йорик сунул Ришару свой череп.

— Лей сюда, — подставил ведьме импровизированный сосуд Ришар.

Ведьма плеснула жидкость в череп.

— А теперь бежим! — Вильям схватил Йорика за руку и потащил за собой к выходу. Последнее что они услышали — было напутствие ведьм.

— Ни в сталь, ни в стекло, лишь в могильную кость! Чтобы живое с мертвым срослось!

А затем все трое оказались на поляне вне черты ведьмовского круга.

— Ну а теперь моя очередь! — не дожидаясь новых приключений в Клеронском лесу сказал Ришар и открыл портал. — В любом другом месте будет лучше, чем тут!

Глава 23

Преображение

Портал вывел странников между мирами не так далеко — в военный лагерь, который еще не свернули после сражения. Ришар даже сначала и не понял, куда они попали, но увидев над палатками пенноны* и у входов щиты с изображением герба Ордена Мертвой Розы, выдохнул с облегчением. Мало того, что они спаслись от мерзких ведьм, но теперь он мог выполнить и обещание, данное Вильяму. Тот несомненно встретит здесь очевидца сражения при Вайверн Хилл.

Они прошли мимо рядов белых островерхих палаток. Но были тут же задержаны латниками. Сначала не очень-то любезно: их схватили — по двое латников с каждой стороны. А сержант орденской стражи приступил с вопросами.

— Как вы здесь оказались и зачем? Кто пропустил вас в лагерь?!

— Это брат мессира Лорана, Великого Магистра, — узнал один из латников и с поклоном отступил.

Ришара и Вильяма тут же отпустили и дальше проводили с почтением. Теперь они беспрепятственно шли к шатру Великого Магистра Ордена. Однако стражники у входа все же преградили им путь и лишь по знаку сержанта развели копья.

В этой суете Ришар не сразу заметил, что Йорика с ними нет. Только когда вошли в шатер, Морель-старший понял, что Йорик потерялся. Не остался ли он за пределами портала? Ришар хотел сказать об этом Вильяму, но тут крики снаружи привлекли его внимание.

— Лазутчик! Лазутчик Морганеллы! Хватайте его!

Вслед за этим в шатер вбежал человек. Мужчина. Длинноволосый, хорошо сложенный и... совершенно голый. Он прикрывал мужское достоинство пузатым стеклянным сосудом. Но сквозь стекло можно было судить, что обладателю достоинства явно есть чем гордиться. Сам сосуд Ришар узнал — это была банка из под мозгов Йорика, которую он в последнее время таскал с собой. Но голый человек был ему незнаком. И Ришар ничего не мог понять до тех пор, пока этот лазутчик Морганеллы не закричал:

— Мессир Ришар, это я, Йорик! Ваш верный слуга. Сэр Вильям, скажите, чтобы они от меня отстали!

Латники, что ввалились следом тоже кричали:

— Держи его. У него бомба! Это «холодный огонь» Морганеллы!

Но при этом ни один из воинов не предпринял попытки задержать Йорика, обездвигить, или хотя бы отнять у него банку.

Ришар остановил латников повелительным жестом.

— Стойте! Не трогайте его! Это слуга Великого Магистра — Йорик Шенкель. Он прибыл по особо важному поручению. Вероятно, по дороге на него напали.

Теперь Ришар понял, почему Йорика не смогли схватить: как только к нему прикасались — тут же отлетали в сторону, отброшенные неведомой силой. Невидимой, но ощутимой, как огонь. Люди, которые пытались задержать Йорика, отдергивали руки. Их обжигало, и по коже шли пузыри. Поэтому со стороны латников дело ограничивалось криками: «Лазутчик и колдун! Хотел устроить покушение на Великого Магистра». Все оставались в уверенности, что это злоумышленник со стороны Морганеллы.

— И поэтому посреди бела дня бежал по лагерю в голом виде. Вероятно, чтобы не привлекать внимание, — расхохотался Ришар.

Вид Йорика был настолько странен! Особенно банка, через прозрачные стенки которой просвечивало все, что бедный Йорик пытался прикрыть.

— Думаю, что при дворе короля Клавдия тебе вряд ли удавалось так изумить публику.

Ришар сдернул с крестовины у входа орденский плащ Лорана и кинул Йорику. — Прикройся и расскажи наконец, что случилось.

— Йорик... — Вильям тоже хотел знать подробности. Он смотрел на шута с изумлением. — Йорик, как это произошло с тобой?

— Я не знаю, сэр Вильям. Мессир Ришар, я ничего не делал!

Тут наперебой закричали латники.

— Еще как делал!

— Сначала бежал и гремел костями!

— Потом начал кожей обрастать и светиться!

— Колдовство! Я своими глазами видел! Это голлем!

— Сжечь его!

— Тихо! — Ришар остановил латников. — Лучше скажите, где мой брат? Что с ним? Я получил известие о его гибели...

— О, нет! Благодарение богам экселенс жив и здоров, — ответил сержант. Это разрядило обстановку. — Сейчас он проводит малый капитул в королевском замке. К вечеру должен вернуться в лагерь...

— Лоран жив?! Йорик, сэр Вильям, вы слышали! Мой брат жив!

Ришар обнял Йорика.

— Теперь мы будем с тобой разбираться. Расскажи мне подробно... Нет, постой. — Ришар оглядел латников и приказал: — Всем выйти из шатра, milites!

Латники поклонились брату Великого Магистра и последовали за сержантом. Остались только Вильям, Ришар и Йорик. Да еще оруженосец Лорана, он круглыми глазами смотрел на Йорика и складывал пальцы в защитный жест. Однако стремление сберечь хозяйское добро было сильнее страха перед нездешними силами и чарами Морганеллы.

— Сейчас же отдай плащ! — Оруженосец сдернул с Йорика ценное орденское облачение. — Экселенс мне голову оторвет, если на плаще будет хоть пятнышко!

Йорик снова оказался обнаженным. А спасительной банки у него в руках уже не было!

— Тогда дай гостю что-то из одежды. Не столь ценное, если так печешься о сохранности головы. Кстати, Йорик, а твоя теперь хорошо держится? И мозги на место встали? Я смотрю их нет в банке.

Оруженосец слушал с открытым ртом. Особенно про мозги.

— Ты, кажется, плохо меня понял, — нахмурился Ришар. — Человеку нужна одежда, — повторил он. — Позаботься об этом!

Приказ привел оруженосца в чувство и он начал рыться в одном из сундуков, которые стояли слева от входа. После непродолжительных поисков со дна сундука было извлечено не рыцарское облачение, а орденская одежда, которую носили слуги — штаны, рубашка, дублет, сапоги. Дублет был с эмблемой розы на груди. Еще Йорику был выдан бархатный берет с серебряной брошью, также в виде розы. Он придал шуту поистине благородный вид. Теперь-то у Йорика был не лысый череп, а длинные темные волосы. Вильям совершенно справедливо назвал красоту королевского шута необычной, а лицо запоминающимся.

Выразительные черты, резко очерченные брови, длинный нос, тонкие губы, высокие скулы.

Одежда сидела ладно, под ней угадывалось тренированное тело гимнаста. Казалось, что Йорик стал даже выше, чем в бытность свою скелетоном...

— Ну что ж, судя по всему, капли Датского короля повлияли на тебя самым положительным образом, — с удовлетворением констатировал Ришар, еще раз оглядев преобразившегося Йорика.

— О, да, ваша милость! Сэр Вильям...

Йорик галантно поклонился, и Ришар отметил удивительную грацию и красоту этого поклона. Вильям отвесил Йорику такой же поклон, потом раскрыл объятия и обнял.

— Любезный, Йорик, наконец-то! Как обрадуется Офелия, и как рад я, что ты теперь пребываешь в своем прежнем облиции. Добро пожаловать в новый мир!

* * *

Крики вновь огласили лагерь. Но на этот раз они были приветственными. Рыцари и латники встречали Великого Магистра. Лоран в сопровождении шести братьев Ордена ехал мимо палаток. У своего шатра он спешился и уже протянул руки, чтобы снять с седла Лизу, но передумал и отступил. А потом преклонил колена. Все, кто были рядом, последовали его примеру.

Поднявшись, Лоран сказал:

— Братья и воины! Здесь в кругу тех, кто сражался рядом со мной, я хочу выразить почтение и принести благодарность моей дорогой жене, леди нашего Ордена виконтессе де Вуайон. За то, что она вывела меня из лабиринтов Тьмы.

Новая волна приветственных криков накрыла лагерь. Именно в этот момент из шатра и вышли Ришар, Вильям и Йорик.

Йорик оказался под взглядами многих людей и, в первую очередь, своего господина — Великого Магистра Ордена Мертвой Розы. И тут выяснилось, что в бытность своих скелетоном, шут испытывал гораздо меньше неловкости, чем теперь. А Лоран, скользнув по нему взглядом, похоже и внимания не обратил — это и понятно не узнал. Хорошо если так. А что если узнал, но не подал вида? Как-то быстро отвел глаза. Может быть, превращение рассердило мессира? А может, не стоило трогать одежду из сундука хозяина? Особенно нарядный берет. К тому же, он нелепо смотрится. И волосы из под него торчат. На голом черепе выглядело бы гораздо лучше! И никаких поводов для гнева мессира Лорана не было бы. Если разобраться, то все предприятие по обретению капель датского короля пошло прахом именно из-за Йорика. Хоть и ненамеренно, но кто же, как не Йорик использовал капли для себя?

Тем временем Лоран увидел брата.

— Ришар? Ты здесь? Как это возможно?

— Тревожные вести из королевства заставили нас направиться сюда. — Ришар обнял брата и обратился к Лизе. — Мадам, я благодарю вас от всего сердца!

Лиза продолжала оставаться в седле. Сойти с лошади самостоятельно она не могла. Тем более на виду у всех этих воинов. Напомнить Лорану, чтобы помог — тоже было как-то неловко. Это уронило бы достоинство Великого Магистра. Во всяком случае, Лизе казалось, что её просьбу расценят именно так. А сейчас вполне логично, что Лоран приветствует

брата — это безусловно важнее, чем бедственное положение Лизы, о котором её дорогой муж похоже не догадывается. Вот если бы он прочел её мысли... Но Лоран занят разговором с братом. А кто там еще рядом с Ришаром? Вон тот, в берете. Выглядит странно. Осматривается, будто что-то украл и хочет сбежать. Или замышляет недоброе? Глаза у него так и бегают. Надо предостеречь Лорана. Но как? Может закричать?

Положение спас Ришар — он подошел и без церемоний снял Лизу с седла.

Теперь она могла послать мысленное предупреждение мужу.

«Остерегайся человека в берете!»

Лоран отреагировал молниеносно, развернулся, обнажил меч и прикрыл собой Лизу.

— Взять его!

Приказ тут же был исполнен. Йорика схватили, хоть он и не пытался оказать сопротивление.

— Эй-эй! Стойте! — возмутился Вильям. — Этот человек не сделал ничего дурного!

— Мессир Лоран! Вы меня не узнаете? — горестно воскликнул Йорик и попытался умоляюще сложить руки.

— Я говорил, что это шпион Морганеллы, — раздался голос из толпы латников. — Он только прикидывался скелетоном!

— Йорик?! — потрясенно выдохнул Лоран и вложив меч в ножны всмотрелся в незнакомое лицо шута. — Этого не может быть!

— Это все капли датского короля! — Йорик в отчаянии замотал головой. — Клянусь вам, мессир Лоран, я не хотел...

— Отпустите же его! — повторил Вильям, но без приказа Лорана латники не решались сделать это.

— Да, отпустите его. — Лоран принялся ощупывать Йорика, встряхнул его за плечи, взял за руки. — Этого не может быть!

— Нам стоит поговорить наедине, брат мой! И я все объясню, — тихо сказал Ришар и показал оруженосцу глазами на вход в шатер.

Оруженосец понял и отвел полог. Лоран подал руку Лизе.

Следом за Великим Магистром и его супругой в шатер вошли Ришар, Вильям и Йорик — перед остальными стражники скрестили копья.

Лоран внимательно выслушал все, что рассказали ему Ришар и Вильям, не перебивал и ничем не выказывал ни одобрения, ни порицания. Все это сильно встревожило Лизу. Она хотела понять как муж относится к факту потери чудодейственных капель. Будет ли продолжать искать рецепт, или пойдет в Клеронский лес к страшному ведьмовскому дереву. Было очевидно, что помощников в этом предприятии он не найдет. Ришар заранее отказался наотрез.

— Даже под страхом смертной казни я не сунусь больше к этим исчадиям Тьмы! — заявил он, осушая третий кубок вина.

Внешне беседа походила на мирный семейный ужин. Стол был накрыт богато. Гостям прислуживал Томас — оруженосец Лорана. Он был горд честью наполнять кубок своей новой госпожи. Только Йорик сидел как в воду опущенный. Не верилось, что этот человек когда-то был первым весельчаком при дворе датского короля.

В отличие от брата, Лоран не прикасался к вину. И ничего не ел. Это также беспокоило Лизу.

«Не вернулась ли болезнь, вызванная чарами Морганеллы», — подумала она.

Лоран взглянул на жену и едва заметно покачал головой.

«Тогда что?» — напрямую послала мысленный вопрос Лиза. А вслух спросила:

— Должно быть вы устали, муж мой? — и выразительно посмотрела на гостей.

— В самом деле. Мы изрядно утомили тебя своими рассказами, — поддержал Лизу Ришар. — И злоупотребили гостеприимством. Не пора ли нам вернуться домой?

— О нет! — запротестовал Вильям. — Я еще должен поговорить с очевидцами битвы. Это необходимо мне для работы!

— Вряд ли вы найдете очевидца лучше, чем мой брат, — сказал Ришар. — Но время позднее, и беседа наша затянулась.

— Пойдите! Если Йорик здесь, то на кого оставлен парижский дом? — стряхнул с себя задумчивость Лоран. — Я, кажется, ясно дал понять, что за двором королевы Гертруды необходим присмотр!

— Простите, месье Лоран, я и здесь виноват перед вами, — Йорик опустил взгляд на свои красивые руки.

— Оставь, Ларри! — отбросил этикет Ришар. — Если бы Йорик не пошел с нами и не проявил удивительную находчивость при побеге из логова ведьм — я сейчас не сидел бы тут. Да и сэр Вильям тоже.

— Истинная правда, — Вильям положил себе на тарелку еще кусок окорока и мигнул оруженосцу, указывая на кубок.

— Возможно, все сложилось к лучшему, — Лоран наконец пригубил вино. — Но парижский дом оставлять не следовало.

— Я думаю дом справится сам, — предположил Ришар. — Что касается капель датского короля — в конце концов сэр Вильям мог бы проводить тебя...

— Ну уж нет! — Лиза метнула в сторону старшего брата Лорана осуждающий взгляд. — Как вы можете советовать такое! Недостаточно разве Морганеллы?

— Раз уж я виноват, то и идти к ведьмам надо мне, — заявил Йорик. — Сэр Вильям, вы ведь не откажетесь проводить меня?

— Еще как откажусь! — отдавая должное окороку, невнятно ответил Шекспир. — Да и какой в этом толк? Ты хочешь, чтобы они превратили тебя в лягушку? И что мы скажем Офелии?

— А что вы можете ей сказать? Кто она, а кто я? Теперь тем более.

— Это еще почему? — Вильям даже перестал жевать, отодвинул блюдо, вытер губы и отбросил в сторону салфетку. — Не намекаешь ли ты на свое происхождение? Так мы в два счета поправим это. А знаешь ли любезный Йорик... — Вильям на несколько мгновений задумался, а потом вдохновенно продолжил, — знаешь ли ты, что тайна твоего рождения может быть легко раскрыта?

— Какая тайна? — насторожился Йорик.

— У короля Гамлета был младший брат, достойнейший рыцарь, гордый и отважный. К несчастью он был одержим благочестием и рвался отправиться по стезе господней. То есть в Святую землю. В паломничество. — Шекспир опять ненадолго замолчал, что-то прикидывая в уме. — Да, в паломничество, замаливать грехи юности. А наибольший грех его заключался в том, что полюбив одну знатную замужнюю даму, француженку, жену герцога, между прочим, он стал с ней тайно встречаться. И через некоторое время их любовная связь дала известные плоды. Настолько явные, — Вильям округлил руки, как если бы держал

перед собой дыню. — что разгневанный герцог отослал жену с глаз долой, в монастырь. Там она и жила в молитвах и благочестии. А вот куда подевался ребенок... — после эффектной паузы Вильям продолжал, понизив голос. — Поговаривали, что герцог, не желая брать грех на душу, пощадил внебрачное дитя, но продал его цыганам. Говорили также, что отец увез мальчика с кормилицей с собой. В Данию... — Шекспир потер руки. — И был некий документ, письмо с просьбой позаботиться о ребенке, адресованное королю Гамлету. Однако, младший брат короля не вернулся из Святой земли, а сам король Гамлет был вероломно отравлен Клавдием... — Вильям удовлетворенно улыбнулся и многозначительно переглянулся с Ришаром, а потом, взявшись за кубок, добавил: — Эльсинорский замок хранит множество тайн.

— Так Йорик и есть тот самый мальчик? — просияла Лиза. — Он королевского рода?

— Пока письмо не будет найдено, утверждать это со всей достоверностью нельзя. Но нельзя и отрицать, — развел руками Вильям.

Лоран только покачал головой.

— Чудны дела твои, о Создатель людей и существ, — подытожил Ришар. — Однако вопрос с каплями остается открытым.

— Мы поговорим об этом после погребения короля Бринмора, — сказал Лоран. — Томас, — обратился он к оруженосцу, — мой брат и сэр Вильям останутся в лагере, позаботься о том, чтобы им предоставили достойное место для ночлега.

* * *

* пеннон — Рыцарский значок, род маленького знамени

Глава 24

Сражение при Вайверн Хилл

Вильям и Ришар сидели в палатке. После битвы их много освободилось — хозяева не вернулись в лагерь. Войска короля и Ордена понесли серьезные потери.

Томас привел одного из сержантов, которого Вильям и Ришар уже видели, когда их пытались задержать. С сержантом пришли два латника, но Томас подал им знак и они встали у входа.

— Вот человек, который сможет рассказать все, о чем вы хотите узнать, — пояснил оруженосец Лорана. — А я должен вернуться к шатру моего господина.

— Да, конечно. Благодарю, Томас! — сказал Ришар. — А вы располагайтесь. — Он жестом пригласил сержанта. — Как ваше имя?

— Готфрид, — ответил сержант.

— Мы не можем предложить вам ужин, но вина здесь в изобилии.

С этими словами Ришар взялся за кувшин и наполнил три кубка. Обстановка в шатре была все та же — походная. Простой стол, две скамьи, в глубине палатки у стен две кровати, у входа крестовины для доспехов.

Ришар и Вильям устроились за столом.

— Что бы вы хотели узнать, милорды? — обратился к ним сержант.

— Сэр Вильям пишет Хроники Королевства Лесных Холмов, о правлении почившего короля Бринмора. И хочет, чтобы они были правдивыми. Мы ждем от Вас рассказа об этой битве, как можно более подробного, — сказал Ришар, поудобнее усаживаясь на скамье.

— Я готов рассказать, хоть это будет и нелегко.

Готфрид помолчал. Он хмурился, пил вино. Вильям и Ришар не торопили его, понимая, что воспоминания о недавней потере боевых товарищей нелегки. Но сержант заговорил о другом.

— Этой битве предшествовало многое. Король Бринмор не хотел войны. Ни для кого не было тайной, что он пытался договориться с Морганеллой. И король, и его советники надеялись, что она удовольствуется предложенным и все это не нанесет ущерба стране. Морганелле нужна была нефриловая руда. Разработки шли в горах на севере, и какое-то время Темное королевство не пыталось завладеть большим. Но потом...

— Потом рудники истощились, а руды требовалось все больше, — продолжил за сержанта Ришар. Эту историю он хорошо знал от брата. — Силам Тьмы доверять нельзя. Морганелла начала смотреть в сторону соседних гор. Действуя хитростью и вероломством, она отодвигала границу все дальше вглубь королевства Бринмора. Некоторые приграничные лорды перешли на её сторону. С другими она постоянно вступала в стычки. Все это сказалось самым худшим образом.

— Никто не думал, что работы на руднике повлекут за собой столько бед! — согласился Готфрид.

— Самым худшим казалась гибель единорогов, — вздохнул Ришар. — Но это было лишь начало.

Вильям также расположился за столом, разложил на нем листы бумаги, чернильницу, песочницу, перья. Все это он носил с собой. И сейчас быстро писал, фиксируя то, что говорили Готфрид и Ришар.

— Единороги являются самой большой ценностью королевства? — поднял глаза на Ришара Вильям. — Я слышал раньше они встречались и в других мирах.

— Да. Но остались лишь те, что обитают в Клеронском лесу. Без них королевство Бринмора потеряет свою главную защиту.

— Как это возможно? — удивился Вильям.

— Наше королевство прежде не знало увядания, — продолжил рассказ Готфрид. — Времена года сменяли друг друга, но ни одно из них не было безжизненным. Осень считалась наилучшим. Наступала пора сбора урожая, поздних плодов и цветов. Друиды благословляли землю на зарождение новой жизни, все собирались на праздник равноденствия, и на целых семь дней холмы поднимались и мир эльфов и мир людей воссоединялись.

— Именно во время такого праздника принцесса Мелисса и познакомилась с юношей из мира людей, после чего король Бринмор нарушил вековую традицию и навсегда закрыл Королевство Лесных Холмов для смертных, — добавил Ришар.

— А как же зима? Разве она своим холодом не приостанавливала жизнь? — спросил Вильям.

— Нет, — покачал головой Готфрид. — Зима была отдыхом, сном, защитой и временем зарождения. Те семена, которые падали в землю осенью, набирались сил под снежными покровами. И холод не убивал их, а делал лишь более стойкими. Зимой рождались единороги — эти дивные создания Клеронского леса.

— Чем же они питались зимой? — не отрываясь от записей, Вильям дотошно входил в детали. А Готфрид оказался славным собеседником и подробно отвечал на вопросы.

— Им не нужно было заботиться о пропитании. Король Бринмор приказывал присматривать за единорогами, особенно зимой. Лесничие в достатке раскладывали кормов. И для единорогов зима была временем покоя. Весной они выходили из леса на зеленые луга и дарили нашему миру те силы, которые питали всех. С появлением Морганеллы единорогов осталось мало. А природа стала терять краски жизни. Я участвовал в походе к Железным горам. Наше войско шло по безжизненной земле, покрытой трещинами пустошей и язвами болот. Была осень, но серая, холодная. И в этом походе многие погибли не от ран, но от неизвестных болезней. Озера затягивала зловонная тина, от них поднимался ядовитый туман. Там, на севере, краски мира стали унылы. Мы шли как по пожарищу. Черные стволы мертвых деревьев — вместо дубовых и тисовых лесов, по берегам рек метлы иссохшего орешника, и все вокруг словно присыпано пеплом. Нам было страшно.

— Могу это понять, — кивнул Вильям.

— Граница мертвой земли передвигалась, и Морганелла занимала все новые территории. И тогда король объявил войну. До сражения на Клеронской равнине были другие, не столь жестокие, их нельзя назвать решающими. Но если бы мы отступили дальше Вайверн Хилл, то открыли врагу Клеронский лес, и это означало бы гибель Королевства. Все мы знали, что стоять нужно насмерть, — Готфрид воодушевился.

И это не вино развязало ему язык и придало блеск глазам — мысленно он вернулся на поле боя, вдохновляя тем самым и Вильяма.

*"В той битве, что судьбу решала нашу,
Сражаться мы должны и устоять.
А если же падем — и королевство*

*Не устоит. И горе будет всем.
Погибнет мир под пеплом погребенный
И тьма поглотит память о былом.*

Его величии и волшебстве, и славе... — записывая, бормотал Вильям.

Но Готфрид замолчал, и рука Шекспира замерла над бумагой.

— Продолжайте, друг мой! — взмолился Вильям. — Не останавливайтесь!

— Река разделяла войска. Конные рыцари и пешие воины двигались вдоль берега. Так шли мы до Желтого брода. Густой туман ничего не давал различить...

*"Густой туман над водами клубился,
Как будто нам природа помогала,
Скрывая от противников войска.
Бряцанье лат и голоса, да ржание
Коней нетерпеливых — вот и все,
Что удавалось различить злодеям,*

Тем, кто на королевство посягнул", — вновь принялся за дело Вильям.

— Но вот туман рассеялся, ветер помог нам в начале сражения, он дул в сторону леса.

*"Белесой пеленой, на наше счастье
До леса протянулась та завеса
И королевские войска укрыла славно..."*

— Мы оказались в лучшем положении, тогда как рыцари Морганеллы были видны под лучами восходящего солнца.

*"Противника увидели мы вскоре.
Темнели вороненые доспехи.
И змеями злоеще извивались
Пенноны острохвостые на копьях."*

Вильям приостановился. Отложил перо.

— Я знаю о сражении, в котором туман сыграл решающую роль! Это случилось во времена правления короля Эдуарда из дома Йорков. Сражение при Барнете. В то время, когда Йорки и Ланкастеры боролись за власть. Шептались, что и дочь, и жена Эдуарда были колдуньями. Они воззвали к Мелюзине — могущественной фее вод. И та наслала густой предутренний туман, в котором йоркисты напали друг на друга, спутав эмблему на знамени. Но простите, я перебил вас. Как располагались войска перед сражением?

— Воинам Морганеллы путь преградила топь. Они вынуждены были обходить её и атаковать, поднимаясь из низины. Наши силы были разделены на три части. В центре — рыцари и лучники Ордена Мертвой Розы, слева — воины короля Бринмора. Справа — свободные горцы дружественных Бринмору кланов и гномы. Конные рыцари стояли на границе равнины и леса. Лучники укрывались в подлеске.

Но у Морганеллы было новое оружие — и даже нефриловые кольчуги и латы не защищали эльфийских воинов от холодного огня и смертоносных коротких стрел.

Мы сошлись на Клеронской равнине с отвагой в сердце и горячим желанием защитить наш мир любой ценой.

В гуще сражения случилось так, что я оказался рядом с королем и видел как Морганелла нападала на Бринмора. Она вела своих воинов в битву. Скакала впереди на огромном боевом коне, вороном, темном как ночь. И сама была черна лицом. Глаза её сверкали сквозь забрало шлема. Закованная в латы, Морганелла с легкостью могла бы противостоять любому рыцарю нашего Королевства. И даже воинам Ордена Мертвой Розы, которых считают славнейшими и непобедимыми. Силу войск Морганеллы питала магия. Та тьма, что кроется в Железных горах и поднимается оттуда из ущелий, выползает из пещер. Наша защита слабела. Король не должен был вступать в бой. Он с небольшим отрядом оставался на холме, наблюдая за сражением. Но увидев, что авангард Морганеллы сминает наши ряды, поскакал в самую гущу, чтобы сдержат натиск и воодушевить своих воинов. Бок о бок с ним бились и рыцари Ордена Мертвой Розы.

Великий Магистр и король атаковали Морганеллу, но и вдвоем не смогли одолеть ее. Недаром говорят, что в её мече сосредоточена вся сила Тьмы. Великий Магистр закрыл короля собой и был сражен первым. Он рухнул на землю вместе с конем. Следующий удар принял король Бринмор.

— Что же решило исход битвы? Почему Морганелла отступила?

— Я не слишком сведущ в вопросах магии, но кроме воинов, на поле боя также были и друиды и все ведьмы ковена. Они сумели поднять невидимые щиты, за которые войско Морганеллы не заступило, и тем спасли Клеронский лес. А потом, я видел это собственными глазами! Потому что помогал Великому Магистру выбраться из-под коня и подняться. Он начертал в воздухе некие знаки. Дальше меня ослепила вспышка света, мы словно в центре сплетения молний оказались. Когда это чародейство рассеялось, я увидел, что Морганеллы нет, мессир Лоран, так же как и король Бринмор, лежит на земле. А наши воины теснят противника назад к реке. И враги бежали, оставив нам поле боя. Войска Морганеллы отступили. Они убралась за Железные горы, друиды восстановили щиты. Многие из воинов Морганеллы наши погибель в топи. Но и мы понесли потери. Король был мертв, Великий Магистр дышал, но не приходил в себя.

— Что было с моим братом потом? — нахмурился Ришар.

— Его подняли и забрали ведуньи Клеронского леса. Это все, что я могу рассказать вам.

— Этого достаточно. Я прошу простить, что вверг вас в столь тяжелые воспоминания, — сказал Вильям, присыпая песком написанное. — Но теперь ваши слова станут бессмертной историей Королевства. Давайте выпьем за эту победу, за славных защитников, за Орден Мертвой Розы. А потом отпустим вас отдыхать. Время позднее.

— Да, — задумчиво сказал Ришар, — нам пора отдыхать. Завтра нас ждет скорбный труд. Нужно будет проводить Бринмора в последний путь. Вы увидите это своими глазами, сэр Вильям, и сможете описать с тем, чтобы и внуки, и правнуки воинов, которые защищали Королевство в сражении при Вайверн Хилл, знали правду и гордились славой, которой покрыл себя король Бринмор и рыцари Ордена... Завтра некоторые из них будут удостоены чести следовать за Белой Госпожой. Таков обычай.

Ришар не произнес вслух, но подумал, что Белая Госпожа может призвать и Лорана.

— Я никогда не была в военном лагере.

Все, кроме Великого Магистра Ордена ушли, Лиза наконец смогла лучше осмотреть шатер. И вот она поймала себя на мысли, что это больше не представляется ей происходящим в историческом романе или фильме. Нет, все это совершалось с ней в том мире, в котором она находится, и он стал единственным реальным и родным ей, потому что здесь она нашла Мореля. Или это он ее нашел?

— Я думал о том, чтобы вернуть тебя в Большой Холм, но путь не близкий. И лучше нам остаться до утра здесь. После погребения Бринмора мы покинем Королевство.

Лоран поднялся, подошел к Лизе и обнял ее.

«Я так скучал!» — услышала она его мысль.

Это было так странно и счастливо. И волновало, что можно находиться рядом с человеком, молчать, но все знать о нем. И так же открываться ему. Особая грань близости эта способность — слышать мысли друг друга.

— Ты устала?

— Да, я так устала, что даже есть не хочу. И я тоже скучала по тебе. Хотя мы и не виделись, на самом деле, всего полдня. Но, кажется, что столько времени прошло. Мне бы хотелось вернуться...

Она замолчала, запнулась на слове «вернуться». Сколько раз она просила Лорана вернуть ее домой? А сейчас... Да! Сейчас «вернуться» — означает для неё их парижский дом. Не тот большой, где толкуются эти странные датчане, а квартира, где из окон видна парижская улица. Кондитерская на углу, большой полосатый зонт над столиком. Велосипедная парковка. Вот где ее дом. Но Ларри ведь понял?

Лоран только крепче обнял её.

— Давай ляжем, — попросила Лиза, прильнула к нему и обхватила его за шею.

— Давай.

Она даже и не задумалась о том, что будет. Снова близость или только сон?

— И сюда никто не войдет? — спросила она.

— Никто. У входа стража, Томас никого не пустит.

— Хорошо, тогда я хочу раздеться. Помогите мне. Я еще не привыкла к этому платью. Мне подошла бы та одежда, что попроще.

— Леди Ордена не может одеваться попроще. К тому же мне нравится развязывать на тебе шнуровки, — признался Лоран. — В этом есть нечто особенное, возбуждающее.

— Ты странный, — засмеялась Лиза. — Я счастлива с тобой!

Лоран развернул ее к себе спиной и начал расшнуровывать платье. Пальцы у Великого Магистра были ловкие, и Лиза очень скоро оказалась освобождена от платья, а потом и от остальной одежды. Лоран подхватил жену на руки и понес к походной кровати. Может, без полога было и не так уютно, но Лиза не смущалась ни наготы, ни окружающей обстановки. Лоран рядом — этого вполне достаточно для того, чтобы чувствовать себя уверенной.

Они легли, испытывая не страстное влечение, а глубокую нежность друг к другу. Сплели пальцы. Лиза прижалась к мужу, положила голову ему на грудь, ощущая щекой жар тела и прислушиваясь к биению сердца. Живой — это единственное, что имело для нее значение, что бы он там ни говорил про сердце некроманта.

Снаружи послышался стук лошадиных копыт и мужские голоса. Лиза вздрогнула и обхватила Лорана, прижалась теснее. Её снова накрыл запоздалый страх. Она гнала его, но

никак не могла избавиться. Страх возвращался, стоило вспомнить могучее тело раненого Мореля, распростертое на ложе, бледное лицо Лорана, его безжизненную руку в своей...

Лиза не хотела говорить о сражении, но все время думала о нем. О том, что произошло там, на поле боя. Ларри молчит, не хочет рассказывать. К чему спрашивать тогда? Но тревога не отпускала. Лиза мола бы узнать и сама, но не решалась. Вдруг он рассердится, или обидится?

Лоран играл ее волосами, перебирал рыжие пряди. Пальцы его тонули в этом восхитительном шелке. Раньше от одного этого прикосновения он бы испытал возбуждение плоти. Но сейчас важнее была близость, о которой он раньше не знал. Он чувствовал смущение Лизы, ее страх, растерянность, слышал ее мысли о сражении. И вот он позволил себе то, от чего зарекался — закрылся от Лизы. Оправдываясь тем, что не хочет тревожить ее еще больше. Но в этом была не вся правда. Лоран тоже устал. Он хотел лежать в постели с женой, обнимать её. Даже без чувственных радостей ему хватало близости. Он уже обладал Лизой, входил в нее душой. И это было больше, чем слияние тел.

Здесь в лагере они не будут близки. Зачем? Впереди у них дни, недели, годы... Возможно. А если нет?

Поэтому Лоран и закрыл свои мысли от Лизы. Чтобы она не знала о его сомнениях. Когда-нибудь он расскажет ей о битве. О том, как в гуще сражения, когда они вместе с королем Бринмором бросились на Морганеллу, он был остановлен видением. Да, это был морок, колдовство. Морганелла пыталась ослабить его. Она показала ему Лизу. Добралась до самой дорогой мысли, самого яркого чувства, которое он хранил в сердце. Искушала, пыталась отвлечь. Он понимал это, но не имел сил сопротивляться. Морганелла показала ему Лизу на пороге портала в ее мир. И в этом видении он знал, что если его возлюбленная сделает шаг, то уже не вернется к нему. Они расстанутся и будут блуждать по вечности в новых воплощениях в поисках друг друга. И никогда не встретятся.

Лоран поверил иллюзии Морганеллы.

«Лиз, — крикнул он. — Лиз, постой!» — и в этот момент получил удар в грудь.

Морганелла уязвила его, ослабила, и Лоран оказался в той страшной темноте, из которой его потом вывели матушка и Лиза. Однако прикосновение Тьмы не прошло даром. Морганелла заронила сомнения в его душу.

Нет, он не должен допускать Лиз в эти свои мысли. Сегодня она просто уснет в его объятиях. А завтра, после погребения Бринмора... Завтра... Не сейчас...

Морель оказался на грани сна и яви. И видел себя как бы со стороны. Уже не в шатре...

Он стоял в подвале Лиможского замка перед хрустальным гробом, наполненным черными, увядшими розами. Крышка разбита. Страх ледяной волной обрушился на Лорана.

— Матушка!

Лоран шел из одной подвальной комнаты в другую. Своды опускались все ниже. Матушки нигде не было! Он достиг последнего зала — дальше проход замурован. Когда они с Ришаром были детьми, то прятались тут от Матушки. Сейчас, вместо глухой стены, он видел ворота в дивный сад. Все в нем манило к отдыху и забвению — зеленая трава, прозрачные воды, ясное небо. Но Лоран отступил. Его страшило это пространство, куда он мог бы войти и забыть там обо всем, забыть Лизу. Нет! Но матушка... где матушка?

— Я здесь, Ларри, — раздалось за его спиной. — Я здесь, сын мой, с тобой.

Он обернулся и увидел ее. Бланишефлер стояла перед ним. Живая!

— Матушка, я не нашел для вас Капель датского короля.

— Они не нужны нам, любимый мой мальчик! — Матушка протянула к нему руки.

Лоран встал перед ней на колени, уткнулся лицом в ее белые одежды, ощутил аромат роз. Бланшефлер обхватила его голову прижала к себе.

— Ларри, сын мой!

— Матушка, я не могу отпустить вас!

— Ларри, ты должен понять, что я никуда не уйду. Поднимись. Послушай меня.

Он встал. Она положила руки ему на плечи, немного отстраняясь, заглянула в глаза.

— Я никуда не уйду, потому что люблю тебя. И всегда любила. Ты не был у меня единственным, но был моим возлюбленным сыном. И сердце мое всегда пребудет вместе с твоим. Я знаю, что теперь рядом с тобой есть та, кто избавит от тоски и от печали, от грусти по мне. Отпусти же меня, Ларри, я иду туда, где ждет меня любимый.

Она оглянулась на врата. Следом за матерью посмотрел и Лоран. Он увидел статного светловолосого рыцаря.

— Блани, — позвал тот, — любовь моя, наконец я тебя нашел! Иди же ко мне!

— Я не говорю тебе «Прощай», Ларри, — Бланшефлер коснулась рукой щеки сына, убрала с его лба непокорную прядь, погладила по голове, как в детстве. — Мы всегда будем рядом. И незримо я стану охранять тебя и твою юную жену. Люби ее и береги свою любовь к ней! Не расставайтесь! Это невыносимо тяжело — искать своих потерянных возлюбленных!

Она все смотрела на Лорана с улыбкой. Потом крепко обняла его. Постояла так и, наконец, отстранилась, отступила на шаг.

— Отпускаешь ли ты меня, Ларри? Отпускаешь ли всем сердцем и всей душой?

— Да, матушка.

— Оставляю тебе мою любовь и материнское благословение. Ты найдешь их в каждой белой розе, в каком бы из миров она ни расцвела.

Бланшефлер повернулась и пошла к тому, кто ждал ее за воротами сада.

Лоран вздрогнул и стряхнул дрему. Он лежал, открыв глаза. В полумраке шатра звуки, что раздавались снаружи казались яснее. А рядом спала Лиза. Он чувствовал ее дыхание на своем плече.

— Не расставайтесь! Берегите свою любовь! — повторил Морель слова Бланшефлер. — Благодарю, матушка! И будь счастлива там, куда ты ушла сегодня. Прости, что удерживал тебя так долго! Я совершал это ради моей любви, забывая о том, что ты тоже, возможно, любишь и хочешь быть счастливой.

С этой мыслью Лоран крепко уснул.

Глава 25

Погребение Бринмора

Настало утро. Лагерь ожил — рыцари Ордена готовились принять участие в погребальной процессии. В знак уважения к королю они надевали латы. Оруженосцы покрывали боевых коней расшитыми попонами.

Все ждали Великого Магистра. И вот Лоран вышел из шатра. Он направился к помосту, который был устроен в том месте, где на высоких шестах развевались боевые знамена Ордена, короля Бринмора, союзников. На пути Лоран останавливался, узнавая в строю латников тех, кто был рядом с ним в сражении. Он говорил с ними, называл их имена, пожимал руки. Благодарил.

У самого помоста увидел и Готфрида. Положил руку на плечо сержанта, а потом и обнял.

— Более других благодарен я тебе! — сказал Лоран. — Ты станешь рыцарем Ордена и начальником личной охраны нашей Леди.

— Мессир Лоран... экселенс... Любой на моем месте поступил бы так же, — отвечал смущенный и растроганный вниманием Великого Магистра сержант

— Да! Ты прав, Готфрид! Любой на твоём месте... Потому, что все мы служим одной цели, и правда на нашей стороне. — С этими словами Лоран поднялся на возвышение.

Хотел говорить, но приветственные крики не позволили ему сделать это. Он поднял руку, прося тишины. Ряды воинов примолкли.

— Милитас! Рыцари и латники Ордена Мертвой Розы! Мы победили, но победа в сражении — это еще не конец войны. Лишь передышка. Морганелла, а вместе с ней и Тьма, вернется. Она вновь будет пытаться завладеть мирами, взять верх. И мы снова вступим с нею в бой! Не для того, чтобы умереть, но чтобы победить!

— Да-а-а-а... — пронеслось над рядами воинов.

Лоран помедлил и снова поднял руку, дождался тишины.

— В этот день нам даровано время оплакать павших и восславить живых. Мы можем позволить сердцам и печаль, и радость. Битва при Вайверн Хилл — наша общая победа. Каждый из вас часть её. И когда кто-то скажет: «Я был в битве при Вайверн Хилл», другие склонятся и признают его славнейшим, будь он даже простой сержант, или латник, ибо на поле брани все мы стали братьями! Ваши имена останутся на скрижалях этой победы. И память о славном дне, когда мы сражались в битве при Вайверн Хилл, потомки сохранят не на пыльных страницах хроник, но в своих живых сердцах.

— Слава Ордену! Слава королю Бринмору! — в едином порыве ответил лагерь.

Лес воздетых к небу рук, ржание коней, бряцание доспехов и новая волна приветственных криков.

Томас подвел коня Великому Магистру и спросил:

— Мистрис Елизавета останется в шатре?

— Нет, Леди Ордена поедет с нами.

До того момента, как Лоран усадил Лизу на коня и поднялся в седло сам, она не представляла, насколько это окажется высоко. Рослый дестревьер в парадной сбруе был похож на тех закованных в латы лошадей из рыцарского зала Эрмитажа, только Лизе

предстояло не изучать его за стеклом, а ехать верхом самой.

Процессия рыцарей Ордена Мертвой Розы двинулась вперед, от замка короля Бринмора к морю. Лиза сидела впереди Лорана, и он одной рукой осторожно обнимал ее, а другой — держал повод.

Лиза смотрела на тех, кто в молчании стояли по обе стороны дороги, что вела к скалистому берегу. С болью в сердце ощущала она сопричастность происходящему. Этот мир еще вчера был ей чужим, Лиза не принимала его, боялась, стремилась покинуть. А сегодня оказалась неразрывно связана с ним общей победой и общей потерей.

Процессия приблизилась к форуму. И страшно было молчание его древних камней, словно и они разделяли скорбь подданных Бринмора. Лишь хлопали на ветру знамена, да глухо стучали по земле копыта боевых коней.

Казалось, все эльфы Лесных Холмов провожали своего короля в Блаженные Сады госпожи Смерти. Десять славных рыцарей удерживали на плечах носилки из перекрещенных копий, покрытых знаменем Бринмора. На них, сложив руки на груди, покоился мертвый король.

За носилками шли Линора и плакальщицы. Женщины были в серых одеждах, и лишь королева в алом, как кровь, одеянии. Распущенные волосы Линоры трепал ветер. Он все усиливался и гнал тучи навстречу шествию. Они неслись по небу. Земля и небо оплакивали короля.

Медленно шагали рядом с принцессой Мелиссой герольд и советники, за ними — сыновья знатных эльфийских семей. Замыкал кортеж отряд конных рыцарей. В скорбную процессию вливались те, кто стояли вдоль дороги, и толпа, что двигалась за носилками короля, все прибывала.

Вот они вступили в Клеронский лес. Безмолвие открытого пространства равнины сменилось полумраком лесной чащи и шумом ветвей. Лес стонал, прощаясь с королем Бринмором. И вдруг из чащи на обочину дороги начали выходить единороги. Один за другим они опускались на колени и склоняли головы. Длинные волнистые гривы стелились по земле, словно снег.

— Ради спасения этих существ поднял Бринмор войска, — тихо молвил Лоран, наклоняясь к Лизе. — Ради них рисковали собой рыцари Ордена Мертвой Розы. Но война не окончена. Наше главное сражение — впереди.

— Мне страшно, Лоран, — призналась Лиза. — Что будет с королевством?

— Орден Мертвой Розы продолжит защищать его. Союз, заключенный с Бринмором, останется в силе, когда на престол взойдет принцесса Мелисса. Теперь уже королева...

Деревья расступились. Открылись ртутные зыби моря. У кромки прибоя ждала Бринмора погребальная ладья. Под ней был сложен костер. Ладья возвышалась на нем, как на гребне волны. Паруса ожидали не попутного ветра, но пламени.

Носилки с телом короля подняли на борт. Гортанные, резкие голоса плакальщиц раздались над берегом и над морем. Песнь на древнем языке.

Печаль о Бринморе и всех погибших разрывала сердце Лизы, по щекам покатались горячие слезы. Она не знала короля, но любила мужа. Если Лоран и рыцари готовы были погибнуть, чтобы защитить Бринмора и его королевство, значит и она теперь разделяет их стремление и скорбь.

Пение плакальщиц резко прекратилось, смолкли и рыдания в толпе. Остался лишь шум ветра и плеск волн. Линора отошла от плакальщиц и обняла дочь. Принцесса не плакала, она

словно окаменела. Страшно бледная и прекрасная.

Вряд ли кто слышал о чем говорили мать и дочь в этот час расставания. Но Лоран знал древний язык и смог прочесть по губам.

— Не изменяй любви, дитя мое. Ни одно королевство не стоит того. Сними завесу с Холмов. И будь счастлива с тем, кому отдала свое сердце. Вдвоем вы сможете завершить то, что начали мы с Бринмором. А мы будем оберегать вас. Теперь прощай... до нашей встречи в Садах Блаженных Душ. Королева поцеловала Мелиссу в лоб. Принцесса опустила на колени и покрыла поцелуями руки матери.

— Вот ваша королева! — Линора сняла с себя корону и увенчала дочь, вытянув вперед руки, удерживая их над головой Мелиссы произнесла молитву древним богам. Когда же все было совершено по обычаю — отступила и по лестнице, возведенной над костром, начала подниматься к ладье. Взошла, встала около тела мужа, обернулась к тем, кто был на берегу, обвела всех взглядом и заговорила:

— Эльфы Королевства Лесных Холмов и вы все, кто пришел нам на помощь, славные рыцари Ордена Мертвой Розы, все существа, достопочтенные маги, принимавшие участие в битве, я благодарю вас за эту победу! Сейчас я покидаю вас, потому что и мой долг, и мое сердце обязывают меня следовать за любимым мужем, чтобы быть с ним вместе в Садах Блаженных Душ. Не печальтесь о нас, ибо обретая вечное блаженство, вечную жизнь, мы будем счастливы вместе. Но и оттуда не перестанем смотреть на наше Королевство, оберегать его и радоваться процветанию. Наша дочь, принцесса Мелисса, стала вашей королевой. Да будет её правление мудрым и долгим. Молитесь за неё нашим богам! Молитесь также за короля Бринмора и за меня, чтобы Белая Госпожа даровала нам легкий путь в Сады Блаженных Душ!

В толпе послышались рыдания.

— Пусть Высшие силы хранят королеву! — крикнул кто-то.

Эти слова повторили. Линора воздела руки к небу. Ее алое платье вспыхнуло, как первый язык пламени.

— Отец наш! Создатель всех миров! Храни эльфийский народ и Королевство Лесных Холмов!

Послав прощальный взгляд Мелиссе, королева Линора развернулась и, встав на колени перед погребальным ложем, склонилась над телом Бринмора. Обхватила его, положила голову королю на грудь. Голоса плакальщиц снова зазвучали, к ним прибавился треск факелов. Мелисса подала знак, и пламя побежало по сухим ветвям, поднимаясь к бортам погребальной ладьи.

Пламя уже полностью охватило ладью и ничего нельзя было различить, кроме пляшущих оранжевых языков. И вот над ними за клубился дым, а в нем появилась женщина в длинных белых одеждах. Пламя не причиняло ей вреда. Она парила в клубах дыма как на облаке, и плащ развевался за ее спиной. Все рыцари Ордена спешили и преклонили колена. Лиза поняла — Белая Госпожа явилась, чтобы увести за собой короля Бринмора и королеву Линору.

— Белая Госпожа, — прошептала Лиза одними губами.

— Нам пора, любовь моя. Пришло время возвращаться, — сказал Лоран, поднимаясь в седло. — Ты готова?

— Готова к чему? Я не понимаю.

— Лиз, тебе пора возвращаться, — он тронул поводья. — Держись, мы поскачем быстро. Наше время здесь истекло.

Они направились в сторону Вайверн Хилл, достигли подножия холма и начали подниматься по каменистой тропе. Лиза боялась спросить, что все это значит. Она не решалась заглядывать в мысли Лорана. Тревога продолжала сжимать ее сердце.

Но вот они достигли вершины и остановились перед природной аркой, образованной в каменной известняковой глыбе, причудливо выветренной за сотни лет. Лоран направил коня вперед. Лиза зажмурилась, а когда открыла глаза, то увидела перед собой множество огоньков. Они поблескивали внизу. Она больше не сидела верхом на коне, а стояла рядом с Лораном. И платье на ней было самое обычное. То в котором она собиралась идти на конкурс кондитеров. А Лоран был в рубашке, джинсах и тех самых лоферах, которые так нравились Лизе.

— Что это? Где мы? — оглянулась она.

За спиной у них поднималась к небу какая-то древняя башня. Толстую стену прорезала арка. Сквозь неё был виден угасающий закат.

— Мы в Гластонбери. Графство Сомерсет, — ответил на вопрос Лизы Лоран. — Это особенное место.

— Что мы делаем здесь?

— Ждем пока выйдут звезды. Лиза ничего не поняла, но ей было так хорошо, легко, словно крылья выросли.

— А потом? — продолжала расспрашивать она. — Мы вернемся в Париж?

— Да. Но только если ты захочешь...

Она услышала в его голосе неуверенность и ощущение полета тут же исчезло. Испарилось! Закат померк, а радость переплавилась в тревогу. Золотистые и багряные перья облаков подернулась серой дымкой, наползающей от горизонта с восточной части неба.

— Почему ты сказал, что возвращаться пора *мне*?

До этого Лоран крепко держал Лизу за руку, а тут отпустил.

— Все, что произошло с нами, совершилось не по твоей воле. И даже не по моей. Вторжение Морганеллы побудило Тamar устроить это. Верховная ведьма любой ценой готова была заставить нас поднять щиты на рамена и выступить на стороне Бринмора. Разменной картой в этой игре оказалась ты, Лиз.

— И ты готов отпустить меня, несмотря на то, что я... что во мне... Да нет же! — Лиза

вдруг рассердилась, но вместе с тем готова была и разрыдаться. Настроение её менялось от гнева к отчаянию, а хотелось радости. — Я не стану уговаривать вас, мессир Морель, хочу лишь напомнить, что капитул избрал меня единогласно. И я Леди Ордена, независимо от того, желаете вы этого или нет...

— Я желаю тебя и наше дитя. И целую вечность рядом с вами.

— Тогда зачем ты прогоняешь меня? — Лиза снова переплела свои пальцы с пальцами Лорана. — Я остаюсь не по принуждению, и ты это знаешь. Мои мысли и мое сердце открыты тебе. Я сделала выбор и не стану сожалеть о нем. Не важно, какими путями мы шли друг другу навстречу. Важно лишь то, что сейчас мы стоим рядом на этом холме.

Она посмотрела вдаль, на золотистые огоньки внизу. Жилища людей, а отсюда — как будто россыпь светлячков на темном лугу.

Без всякой связи Лиза сказала:

— Мой отец любит астрономию. Когда они с мамой еще были вместе и я не жила у бабушки, он брал меня ночью с собой на крышу нашей высотки и рассказывал о звездах, планетах. О других мирах. Я плохо помню... В твоём мире звезды такие же, как и в моем?

— Первой на небеса всходит Венера, её называют звездой, но это не так. Она лишь кажется нам одной из звезд. Светит ровно, не мерцая, и исчезает через несколько часов после заката, чтобы снова взойти на небо под утро, — начал рассказывать Лоран. — В древности люди в твоём мире думали, что это две разных звезды и утренней дали имя моего отца — Люцифер, а вечерней — Веспер. Настоящая же звезда, которую мы видим первой после вечерней зари — Сириус. Пес Ориона. Вон она, смотри. — Лоран свободной рукой указал на небо. Лиза подняла голову и Морель увидел, как дрожит в глазах любимой свет отраженной звезды. — Ты снова плачешь из-за меня, — вздохнул Лоран. — И вся магия моего мира не может сделать тебя счастливой.

— А ты можешь. Поверь, что я люблю тебя и хочу быть с тобой. Это так просто.

— Я верю.

Они стояли молча. Небо все больше темнело и покрывалось россыпью звезд.

— Знамя фей, — Лоран обнял жену, — оно разворачивается над всеми мирами, когда Тьма отступает. Мы будем счастливы, Лиз.

— Мы уже счастливы. Хоть ты и невыносим, — засмеялась она. — Идем домой. Я приготовлю тебе фисташковое мороженое. Ты ведь его так и не попробовал.

Больше книг на сайте - Knigoed.net